

ОСТАРА
№ 20

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

В НОМЕРЕ:

Женская магия в сагах: сейд и спа

Современные резчики рунических камней

Фрейр и Герд: инициация бога

Исландский дневник

Истории о растениях (GRASASÖGUR)

Сакральная символика нордов. Солнце и Луна

ОСТАРА 2018

Главный редактор:

Маша Юлина (Ранхильд),
дом Веретено Фригг
(Минск — Сан-Франциско)

Редактор:

Алина Петрова (Сигрид),
годорд Иггдрасиль (Киев — Краков);

Верстка:

Анна Пермина

Корректор:

Esgal

Дизайн номера:

Анна и Вадим Пермины,
Алина Петрова (Сигрид)

Редакция выражает благодарность за помощь при подготовке журнала Антону Платову, А.А. Хлезову, Олегу Владиславовичу Кутареву, Хранителям Традиции, Бьярке (Елене Кисюре), Алексею Глазачеву (Андвари), Георгию Урусову (Хальвдану), Ольге Маркеловой, Esgal, Дарье Вьюниковой, Кайса Варзуга (Екатерине Литиной), Вадиму Пермину, Marina Krewska, Вячеславу Володину, Анне Блейз, Artøm «Varulven» Maksul, всем музыкантам группы Vjarla, Марии Шпаковой, Владиславу Новицкому, Валерии Лучезаровой, Оксане Калинковой.

Наши контакты:

http://vk.com/yggdrasil_ukr

Годорд Иггдрасиль

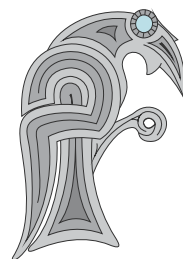
<http://vk.com/friggerock>

Веретено Фригг

<http://vk.com/nordanvindr>

открытая группа журнала

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО ОТ РЕДАКЦИИ	4
ОТ ДРУЗЕЙ	5
НОВОСТИ	7
ЛЮДИ, С КОТОРЫМИ НАМ ПО ПУТИ	
Ранхильд	10
ИССЛЕДОВАНИЯ	
Солнце и Луна	16
Антон ПЛАТОВ	
Йоль в Стране Льдов	19
Вячеслав ВОЛОДИН	
«Новая вера» и «вера предков» в исландских родовых сагах	24
Дарья ВЬЮНИКОВА	
Современный антинорманизм	27
А. А. ХЛЕВОВ	
ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ	
Исландский дневник	30
Кайса ВАРЗУГА	
ПЕРЕВОДЫ	
Путешествие к первоистокам	44
Бодиль ПЕТЕРССОН	
Перевод: Хранители Традиции	
Женская магия в сагах: сейд и спа	59
Перевод: Анна БЛЕЙЗ	
Фрейр и Герд: инициация бога	73
Мария КВИЛХАУГ	
Перевод: Анна БЛЕЙЗ	
Предки хоббитов: странные создания в английском фольклоре	79
Том ШИППИ	
Перевод: Алексей ГЛАЗАЧЕВ (АНДВАРИ)	
Истории о растениях (Grasasögur)	87
Йоун АУРТНАСОН	
Перевод: Вадим ПЕРМИН	
Сага об оркнейцах	90
Перевод: Георгий УРУСОВ (Хальвдан)	
МУЗЫКА ВЕТРА	
Vjarla	97
Artøm «VARULVEN» MAKSUL	
СКАЗКИ	
Волшебные исландские сказки	100
Перевод: Любовь ГОРЛИНА	
ВИДЕООБЗОР	
Сериял «Американские боги»	102
Марина КРЕВСКА	
ТВОРЧЕСТВО	
Роман «Педер Арребё»	104
ОЛЬГА МАРКЕЛОВА	
Стихи	
Ольга Маркелова	117
Мария Шпакова, Alina Sigrid	119
Вороны Оксаны Калинковой	120
Картина Валерия Лучезарова	122

3...

Друзья!

Перед Вами — самый важный и значимый номер журнала «Северный ветер». Сегодня мы празднуем **двойной юбилей**: во-первых, этот выпуск — двадцатый, красивое, круглое число, не правда ли? А во-вторых (и в главных) нам исполняется пять лет. Пять лет! Совсем небольшой срок для человека, и огромное достижение для журнала, который выпускается исключительно силами альтруистов и людей, которым не все равно. Авторы приходили и уходили, обещания выполнялись и не выполнялись, мы радовались и впадали в глухое отчаяние. И все-таки — мы здесь, и мы живы! Спасибо и слава нашим богам, без поддержки которых история журнала закончилась бы на втором номере. И спасибо нашим бессменным авторам и равнодушным читателям, сегодняшний праздник стал возможным только благодаря каждому из Вас. Мы гордимся, что стоим в одном ряду с такими людьми и делаем одно общее дело на благо нашей Традиции.

В этом номере Вас ждет одно полезное **нововведение**: теперь ссылки в нашем журнале станут интерактивными, и дополнительные материалы будут доступны по одному щелчку, в том числе «Содержание». Надеемся, это сделает знакомство с информацией еще более комфортным.

И, разумеется, подарки тоже будут, да какие! Символ нашего журнала — ворон, и одного из наших читателей будет ждать один из магических воронов работы белорусской мастерицы Оксаны Калинковой. Игрушка, да не игрушка. Помощник на Пути...

За второй подарок мы невероятно благодарны мастерской Bjarka Magic (Instagram @bjarka.magic) и ее идейному вдохновителю и дизайнеру — Бьярке (Елене Кисюре). В подарок на пятилетие журнала Бьярка выбрала потрясающую работу из линии умных украшений и артефактов из натуральных камней и серебра. Своего владельца ждет тройной браслет-намерение "Живая Шамбала Содалит" (содалит, лава, серебро 925). Приглядитесь, видите? Видите?! В каждой камешке — бескрайний космос...

Правила двойного розыгрыша как всегда просты:

— сделать репост записи о выходе двадцатого номера «Северного Ветра» на своей страничке в контакте;

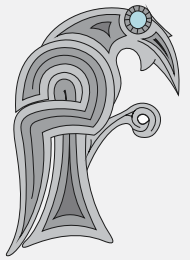
— быть участником группы нашего журнала <http://vk.com/nordanvindr>

20 апреля 2018 года мы попросим богов выбрать самых достойных и с помощью рандомайзера определим двух победителей. К первому выбранному счастливицу отправится мудрый ворон, ко второму магический браслет-намерение.

С праздником Весеннего Равноденствия, друзья! Пусть боги будут благосклонны к Вам и Вашим родным!

Сколь!

Ранхильд и Сигрид.

«Я очень рад возможности поздравить журнал «Северный Ветер» в этот по-настоящему славный юбилей.

И прежде всего я хочу сказать, что — на мой взгляд, разумеется, — на русскоязычном пространстве это лучший выходящий сейчас журнал, посвященный Северной Традиции.

А во-вторых мне хотелось бы поблагодарить тех людей, которые создают журнал.

Сам будучи писателем, редактором, издателем, я очень хорошо знаю, чего стоит эта работа. Как сказал один мой хороший друг и коллега, «выпустить один номер такого журнала — он говорил именно о «Северном Ветре» — это большой труд. Выпускать его регулярно — это подвиг».

Я присоединяюсь к этому мнению.

Ну так что же...

Пусть Северный Ветер всегда бьет вам в лицо.

Пусть Один всегда будет с вами.

Пусть Фригг и Фрейя всегда будут хранить вас на вашем Пути.

Удачи!»

Антон Платов.

Школа Северной Традиции «НордХейм».

«Про журнал «Северный Ветер» я узнал в 2014 году. Сейчас уже сложно сказать откуда, да и не столь важно. Помню, что журнал меня потряс своим высоким уровнем. То есть я понимал, что это всё делается бесплатно и на добровольных началах, но при этом тексты и статьи поразили меня качеством и профессиональной версткой. Так вышло, что примерно в это же время я читал подшивку старого журнала «Мифы и магия индоевропейцев» и сожалел, что тот журнал больше не выпускается. А тут вот такая своего рода реинкарнация и даже лучше! Честно скажу, я не читал каждый материал каждого номера. Что-то нравилось больше, что-то меньше, что-то казалось крайне занудным, а что-то восхитительно прекрасным. Но это нормально и естественно. Пожалуй, самым главным для меня стало то, что я не одинок в своём личном гнозисе (выпендрился), своих поисках и размышлениях. Осознание, что в русскоязычном мире живут люди, которые помнят старых Богов и режут те же руны, было для меня невероятно важным открытием.

Из номеров хотел бы отметить вышедший осенью 2014 музыкальный дайджест. Сидя в пустом командировочном номере, я пил виски, читал статью про Вардруну, слушал Вардруну и мечтал побывать на концерте, желательно под открытым небом. Кто бы мог подумать, но прошло меньше трёх лет, и вот я в Коломенском слушаю Вардруну вместе с главным редактором Северного Ветра.

Чупинская губа. Карельское Поморье. Шесть часов утра. Накануне была тяжёлая, бессонная ночь. Наша группа ожидает катера на остров Кереть. Кто-то дремлет, кто-то бесцельно бродит по берегу. Рядом тренируется на мечах группа реконструкторов. Мир прекрасен, юн и свеж. Ко мне подсаживается дама в камуфляже, с огненно-рыжими волосами и вежливо спрашивает огоньку (прокуренным басом).

— А ты чё, тоже асатруй?

Думаю, скажу «да» — скажет — поясни за молоток на шее. Скажу «нет» — скажет — а чё ты тут забыл. Ладно, шучу, не было такого ☺

А потом мы шли на нашем катерке на остров, ели руками из ведёрка карельскую чернику, спорили, какая руна последняя в Футарке, Отал или Дагаз, и договорились, что я напишу про это статью в Северный Ветер. А мимо сменяли друг друга леса, пролески, пустоши и беломорские валуны. И было сие эпично.

Перестаю мучить читателя и перехожу к разделу «пожелания». В первую очередь желаю моему любимому журналу новых и адекватных авторов! Пожелаю всей редакции (то есть и себе тоже) сил и желания заниматься этим весёлым и благородным делом дальше. Пожелаю читателям получать удовольствие от журнала и не забывать регулярно присылать донейшн по адресу: Ванахейм, трактир «Skuggsjá».

Да хранят нас древние Боги!»

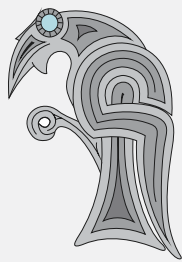
Алексей Глазачев (Андвари).

5...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

ОТ ДРУЗЕЙ

«Честно говоря, я знаю мало изданий на русском языке, посвящённых скандинавскому язычеству, но знаю, что часто у авторов, берущихся освещать этот предмет, освещение грешит однобокостью: либо тенденциозность без компетентности (и как следствие, подмена аутентичной традиции романтическими грёзами о ней), либо одна только строгая научность с редуцированным компонентом веры (тогда Асатру низводится до положения «культурологических консерв»). На мой взгляд, редакторам журнала «Северный ветер» удаётся проходить между Сциллой и Харибдой и показывать если не все, то весьма многие грани современного язычества и, если брать более обобщённый аспект, современного состояния представлений и ожиданий, связанных с древнесеверной (и частично современной скандинавской, в т.ч., исландской) культурой: в нём есть место и источниковедению, и филологии, и мистике, и романтике, и рецепции древнесеверного культурного наследия в современности, и сугубо научным, и сугубо художественным текстам».

Ольга Маркелова.

«Северный ветер» — отличное, профессионально сделанное издание, и (на мой взгляд) лучшее из всех тематических не только в русскоязычном мире, но и в мире вообще. Слава журнала, которую он заработал за эти пять лет, абсолютно заслуженна, — ведь в каждом выпуске, в каждой статье или заметке легко можно увидеть и интерес к теме, и трудолюбие, и талант, которые вложили и вкладывают в него авторы и редакция. Каждый раз с удовольствием читаю новые материалы и перечитываю старые. Я советую всем читателям скачать все прошедшие выпуски журнала и не пропускать новые — гарантирую, получите интеллектуальное и эстетическое удовольствие.

Желаю редакторам и авторам «Северного ветра» сохранять веру в себя и желание творить ещё долгие годы, и пусть Боги пребудут в ваших сердцах.»

Владимир Смирнов (Хауквид).

...6

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№20
2018

«Мне повезло, в отличие от большинства читателей «Северного ветра», я могу не только пролистать хороший журнал, вот уже пять лет я вижу, как рождается каждый номер и каких трудов это стоит. Я был свидетелем, как из «ещё одного классного», журнал превратился в «лучший русскоязычный».

Дорогая редакция, от всего сердца поздравляю с первым юбилеем! Хочется пожелать Вам множества интересных материалов, только приятных новостей и пусть толпы авторов осаждают редакторскую группу. Спасибо Вам и доброй удачи!»

Вадим Пермин.

**Вышла новая книга Антона Платова
«В ПОИСКАХ СТАРОГО ВОЛШЕБСТВА»**

Аваллон, Грааль, Дикая Охота, Король Артур — волшебные образы, знакомые нам с детства. Что стоит за ними, только ли сказка?

Автор этой книги, известный писатель и исследователь-традиционалист, приглашает читателя в захватывающее путешествие по сакральной реальности древней Европы, где миф и магия сплетаются воедино, образуя тончайшую — но такую прочную! — ткань Старого Волшебства...

Книга развивает темы, начатые в изданных ранее «Дороге на Аваллон» и «Святом Граале», представляя читателю поистине «эпическое полотно» волшебного мира его предков.

Издание адресовано широкому кругу читателей — от любопытствующих до серьезно изучающих магическую традицию Европы. Построение книги позволяет даже неподготовленному читателю войти в курс дела, и в то же время книга написана на высоком профессиональном уровне и затрагивает такие области, как история дохристианских религий, структура мифа и магического ритуала, психология бессознательного и многие аспекты традиционных магических практик.

*Все вопросы о приобретении книги следует адресовать
Снорри (Александр Аринушкин) — aar.65@yandex.ru.*

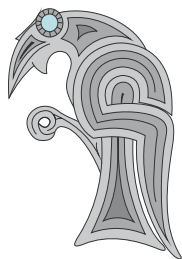
7...

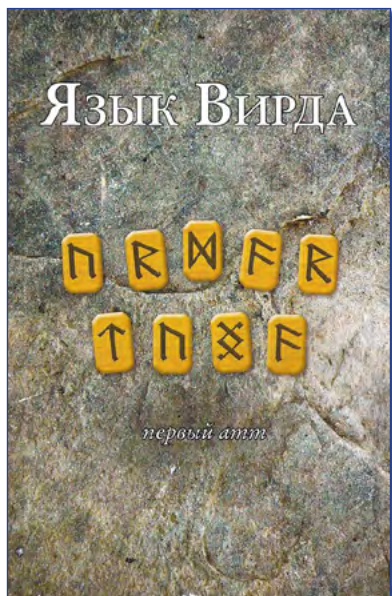
С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№20
2018

Поступил в продажу трехтомник «Язык Вирда» (составитель и переводчик Анна Блейз)

Серия хрестоматий «Язык Вирда» посвящена работе с рунами как магическим и мантическим инструментом. В книгах представлены три группы скандинавских и англосаксонских рун в интерпретациях современных западных мастеров, принадлежащих к различным школам и направлениям рунической традиции. Материалы, собранные из книг и заметок Фрейи Асвинн, Квельдальфа Гундарссона, Эдрета Торссона, Яна Фриза, Дианы Пакссон, Галины Красковой, Кеназа Филана и Рейвена Кальдеры, раскрывают огромное разнообразие подходов к исследованию рун: от традиционного историко-лингвистического и философско-эзотерического до религиозного, визионерского и прочих экспериментальных методов. Наряду с анализом рунической символики все авторы уделяют внимание практическому применению рун в магических и предсказательных целях.

Приобрести книги серии «Язык Вирда» можно в магазине
«Thesaurus Deorum»

www.shop.thesaurusdeorum.com

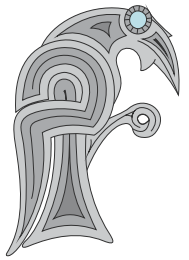

... 8

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№20
2018

Могилы Великой армии викингов найдены в Британии

Британские археологи пришли к выводу, что найденная более 40 лет назад братская могила на севере Соединенного королевства, вероятно, является захоронением Великой армии викингов, вторгшейся на остров в IX веке.

Останки почти 300 человек были обнаружены еще в 70-х годах прошлого века в городке Рептон в графстве Дербишир, однако до последнего времени ученые не могли точно их идентифицировать. Теперь же радиоуглеродный анализ останков, проведенный специалистами Бристольского университета, показал, что захоронения были сделаны в конце IX века, когда в эти земли вторглась Великая армия викингов, заставившая местного правителя покинуть королевство.

«Датировка останков из братской могилы в Рептоне важна, потому что мы крайне мало знаем о первых походах викингов, которые стали основой для создания скандинавских поселений в Англии», — заявила археолог Кэт Джарман, возглавляющая исследование, пишет The Independent.

В могиле обнаружены 264 тела, большинство из погребенных были молодыми людьми. Рядом с ними были найдены оружие и артефакты викингов: топоры, несколько ножей и пять серебряных монет, датированных периодом 872—875 гг. На некоторых скелетах обнаружены признаки насильственной смерти, что еще больше свидетельствует о том, что воины вторглись в Англию.

Джарман уточнила, что исследования все еще продолжаются, и хотя ученые пока не могут точно сказать, что в могиле захоронены воины Великой армии, в настоящее время это кажется очень вероятным.

Источники новости:
www.dailymail.co.uk
www.moya-planeta.ru

9...

СЕВЕРНЫЙ
ВЕТЕР

№20
2018

Интервью: Ранхильд (Маша Юлина)

Друзья! 19 раз подряд редакция журнала задавала нашим гостям вопросы о Традиции, о руническом искусстве, о магии и мантике, о планах и прогнозах нашего движения. 19 раз подряд мы получали интересные и развернутые ответы, которыми мы с огромной радостью делились с нашими читателями. Но при этом каждый раз нам казалось, что, задавая такие вопросы, поступаем несколько нечестно: ведь сами мы при этом оставались «в тени», не раскрывая нашего личного отношения ни к одной из злободневных тем. В юбилейном и последующих номерах мы решили это дело исправить. Пришло время дать честные ответы на те же вопросы, которые мы задавали из номера в номер всем нашим гостям. Сегодня о своем видении Традиции расскажет главный редактор «Северного ветра» Ранхильд (Маша Юлина).

... 10

Знакомство

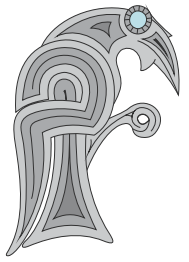
С Расскажите, пожалуйста, нашим читателям несколько слов о себе. Сколько лет Вы уже в Традиции, с чего начинался Ваш Путь?

Несмотря на то, что мы уже здоровались в слове от редакции, всем привет еще раз! Меня зовут Маша, мне 36 лет, родилась в Беларуси, но уже больше четырех лет живу в Кремниевой долине в Калифорнии. По образованию экономист, который сейчас переквалифицировался в тестировщика (Кремниевая долина же!).

Я не выбирала Северную Традицию специально (из разряда «что бы еще такого почитать или чем бы еще таким заняться»), Северная Традиция сама выбрала меня. На втором курсе университета для реферата по истории культуры я взяла в библиотеке Энциклопедию знаков и символов и просто перелистывала страницы, выбирая тему. До этого момента я никогда раньше не слы-

шала слово «руны» и даже не подозревала о существовании Северной Традиции. В детстве, как учила мама, я честно пыталась обращаться к христианскому богу, но он меня не слышал от слова «совсем», после чего, перечитав всего Лео Таксиля, стала убежденной атеисткой. Я без особого интереса перелистывала страницы, пока на одной из них не увидела «простейшую» стрелочку вверх и не прочитала: «Руна Тэйваз». Трудно описать

словами происходившее со мною в тот момент, но наиболее близкими будут, пожалуй, «озарение» или «потрясение». Еще ничего толком не сообразив, я продолжала перелистывать страницы, но все время возвращалась и возвращалась к той, где было так странно и так хорошо, и где стало понятно: я дома! Это было больше шестнадцати лет назад, но с того самого дня ничего не изменилось: Традиция для меня — это весь мир, в котором я живу.

С *Обретение имени в Традиции — насколько этот шаг важен для человека? Есть ли у Вас имя в Традиции, и, если да, как оно стало Вашим?*

Наконец-то! Наконец-то я смогу ответить сразу всем на так часто задаваемый мне вопрос, не написано ли мое имя с ошибкой и не пропущена ли там случайно буква «Г» (ака Рагнхильд). Нет, не написано, и нет,

не пропущена. Мое имя Ранхильд, и получила я его на Северном выезде школы Северной Традиции «НордХейм» в рассветный час на берегу Белого моря. Этого имени Вы не найдете в словаре исландских имен, но никто и не говорил, что имена в Традиции должны быть исключительно оттуда. В конце концов, во времена наших предков такого словаря не существовало вовсе, и люди были свободны в своем творчестве. Итак, на рассвете Северного Солнца меня нарекли Ранхильд, что с некоторыми художественными допущениями можно перевести как «Морская битва». А несколько лет назад один из уважаемых знатоков прагерманского (не будем показывать пальцем, потому как все и так знают, что это Хадекен) сказал, что альтернативный перевод моего имени — это «грабеж с изнасилованиями». Ну что ж, неплохое «пасхальное яйцо» получилось, на мой взгляд. Теперь в ситуациях, когда все идет не так и не туда, и очень хочется кого-нибудь немножко прибить, я делаю медлен-

ный вдох-выдох и говорю: «Скажи-ка, дорогой друг, я тебе уже рассказывала, что означает мое имя в Традиции?..»

О важности имени в Традиции. Вы можете быть истинным язычником без имени, и не быть им с именем. Имя можно получить на красивом обряде, а можно и выбрать самому. Важна не внешняя мишура, а внутреннее состояние и готовность. Я лет десять, уже будучи язычницей, вообще не задумывалась об имянаречении (ни разу), а вот когда пришло время — пришло и осознание: мне надо! А вместе с осознанием пришла и возможность реализации. Так что всем ищущим могу дать совет: не паникуйте. Когда будет необходимо, Боги сами приведут Вас в нужное время и в нужное место. И это работает не только с имянаречением, разумеется.

О рунах

С *Расскажите, пожалуйста, о Вашем отношении к руническому искусству. Что для Вас руны: алфавит, магические знаки древних или средство изменения реальности, работающее и в нашем мире? Другими словами, используете ли Вы руны (и любые другие гальдраставы) в магических целях или изучаете их исключительно в академических целях?*

Все вместе и ничего по отдельности. Руны для меня — это графическое изображение мощных древних Сил, действующих в нашем мире. Это ключ от замка, который сам по себе не может ничего (иначе любой книжкой по рунологии можно было бы лечить одним прикладыванием ее к больным местам), но с его помощью можно открыть двери, и вот уже за ними... Но вся история в том, что даже имея ключ в руках, можно замок так и не победить. Здесь уж от каждого по способностям... И да, разумеется, для меня рунология — это не только академическая наука. Я практик. В начале своего Пути, мы все работаем на кредите доверия, выданного нам системой. Состояние эйфории, головокружительное ощущение погружения в тайну тайн позволяет творить магию буквально по щелчку пальцев, и мы бросаемся в отчаяние исследование своих способностей и личной силы. Исследование на пределе. Иногда бессмысленное и беспощадное. Потом кредит доверия заканчивается,

11...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№20
2018

наши способности переходят на новый уровень и обнуляются, ошибки оцениваются уже без снисхождения и дальше начинается вдумчивая и кропотливая работа. Так что теперь я практик занудный и осмысленный. Это значит, что я стану использовать магию, когда остальные 99 способов не сработали.

С Исторически так сложилось, что существуют два порядка следования рун в Старшем Футарке. В первом случае футарк заканчивается руной Дагаз, а во втором — Отал. Какой вариант используете Вы?

Тот, в котором Отал идет последним. Сколько копий было сломано в битвах за истину в этом вопросе — не передать! Но мое мнение остается неизменным: закрывать Старший

в этом вопросе без «Но». У каждого мастера есть свой любимый инструмент. Повар будет чахнуть над супер правильным, только ему подходящим набором ножей, строитель — над любимой дрелью (или над чем там положено чахнуть строителям) и так далее. То же станет делать и мастер, работающий с рунами. Одно дело, когда у тебя набор, купленный в интернет-магазине, а другое — когда он сделан из карельской березы, ветку которой ты сначала лично добывал, потом лично тащил двое суток по поездам и электричкам, а потом, сдержано матерясь, выпиливал все тем же лобзиком. В таком наборе ты будешь знать каждую шероховатость, и его достаточно только взять в руки, чтобы войти в нужное состояние. Но! Сейчас будет второе «Но». Повар, если он настоящий повар, сможет сотворить шедевр и крышкой от консервной банки вместо ножа. Мастер, если он настоящий мастер, сможет найти ответы и с помощью набора, сделанного из тетрадки в клеточку. Понимаете, о чем я? Тратьте время на развитие собственной силы, а не на инструмент. А после — добудьте себе самый лучший из всех возможных. Только потому, что Вы это уже можете.

С Как Вы относитесь к использованию в повседневной жизни магии вообще и рунической в частности?

Мне часто задают этот вопрос. И каждый раз свой ответ я начинаю с цитаты Антона Платова, своего Учителя: «Знать свое Предназначение и следовать ему — долг носителя Северной Традиции; гадать о будущем — суeta раба». Мы не гадаем о будущем, это бессмысленно. Оно не предопределено и — за исключением некоторых ключевых точек — зависит только от нас и от наших решений. Хотите, чтобы что-то было — делайте, не хотите —

Футарк должен Отал. Путешествие длиною в жизнь начинается с маленького рюкзака за плечами (Феху) и, если по дороге не заплутать, оканчивается на пороге нашей метафорической вотчины, которую мы получили (или справедливо «заслужили») в наследство и в наследство же дальше передадим. Такой миропорядок кажется мне правильным.

С Как Вы думаете, может ли человек, считающий себя язычником, купить рунический набор, или это позор позорный, и он должен лично создать и окрасить свой собственный?

Может, разумеется. Кто ж нам запретит. Как я уже говорила: изображение рун — это всего лишь ключи, гораздо интереснее научиться использовать то, что стоит за дверью, а не тратить время на выпиливание лобзиком заготовки. НО! Куда же

делайте по-другому. Какой смысл играть в угадайку, как будто наше будущее творится какими-то другими руками, кроме наших. А в тех случаях, когда мы действительно не можем ничего изменить и у нас это «на роду написано» — еще меньший смысл сотрясать воздух ненужными телодвижениями. Делай, что должен и будь что будет. Это основной принцип Северной Традиции и его достаточно для ориентира на Пути.

Другое дело — это поиск ответа на вопрос, а что ты на самом деле «должен делать», поиск своего предназначения. И вот в этом вопросе мантика — мощнейший инструмент для познания себя и мира. Но (как вы уже поняли, я очень люблю эту противоречивую частицу) использовать этот инструмент нужно с величайшей осторожностью и уважением. Ведь процесс мантики — это разговор с богами, бросая руны — вы просите их помощи и совета как поступить в той или иной ситуации. И если вы этот совет получили — будет крайней степенью неуважения сделать по-другому. А я предпочитаю, чтобы решения, которые я принимаю, были пусть и не всегда верными, но лично моими. И поэтому лишь в крайних случаях прибегаю к мантике, а получив совет — следуя ему, как указано.

О Традиции

С Что для Вас вообще Традиция? Считаете ли Вы, что главная задача — это максимальное её сохранение в таком виде, в котором она существовала тысячи лет назад, или ко всевозможным нововведениям следует относиться философски, считая их неотъемлемыми аспектами современного мира? И возможно ли достичь разумного компромисса между этими подходами?

Как я уже говорила, Традиция для меня — это весь мир, в котором я живу. Нельзя быть язычником наполовину: славить богов на обрядах, а потом позволять себе пренебрежительное отношение к старшим, например. Нельзя носить на себе мельничир и прочие традиционные украшения, но при этом не держать данных обещаний. И так должно быть во всем. Ты или язычник каждую секунду своей жизни, или ряженный клоун. Для меня люди, которые живут по чести и совести, люди, уважающие своих предков и природу — уже достойные люди Традиции, вне зависимости от того, к какой вере они принадлежат.

Теперь о самом главном. В нашем движении большего камня преткновения, чем вопрос допустимости новоделов в Традиции, и представить себе сложно. Но, друзья, мир меняется, мы меняемся, и все попытки буквально воспроизвести только то, что было и «раз не написано — значит, не было» приведут к слепой реконструкции, а не к живой настоящей вере. Наша вера — это не засушенная законсервированная мумия, а живое дерево, на котором каждый год появляются новые побеги. Другое дело, что «на осинке не растут апельсинки» и прикрутить к этому дереву чужеродные ему веточки не получится. Я действительно очень, очень плохо отношусь к незнанию «матчасти» и новоделам, но только к тем, которые противоречат духу Традиции.

С Существуют ли какие-то критерии, позволяющие определить, что действительно является Традицией, а что этот самый непозволительный новодел? Вспомним, например, пустую руну Ральфа Блюма. Может ли она быть рассмотрена как доказательство естественного развития Традиции или это не более чем фантазия отдельного автора?

Да, существуют. Знания, опыт и здравый смысл. И все они просто кричат, что пустая блюмовская руна, теории про «утарк» (когда по какой-то непонятной прихоти нарушается священный порядок рун), «прямые» и «перевернутые» руны, поедание рунических печенок на завтрак, смешивание различных традиций в одной практике и прочее-прочее — стоят (для меня) в одном ряду безумств, к Традиции отношения не имеющих. Зато я своими руками в походных условиях могу прикрутить скотчем украшения к майскому шесту

или разжечь ритуальный костер зажигалкой. Будьте уверены, наши предки, будь у них такая возможность, поступили бы ровно так же. Помните — знания, опыт и здравый смысл. Здравый смысл особенно.

СВ *В среде асатру немало жарких споров развернулось вокруг количества и качества праздников, которые отмечают единоверцы. Какие праздники отмечают в Вашей общине? Есть ли среди них какие-то особенно значимые?*

Скажу честно, вот этих споров я никогда искренне не понимала. Отрицать восьмичастное деление Колеса Года — это как отрицать естественный миропорядок вещей. Наши предки жили по Солнышку, так должно жить и нам: радостно отмечать его рождение, провожать, когда придет время, на темную сторону года, закладывая зерна наших будущих деяний и собирать урожай в положенный час, хорониться в доме в час Дикой Охоты и славить молодость жизни на рассвете майского утра. Оставьте уже в покое хотя бы на минутку пыльные книги и дотошные исследования и просто послушайте этот живой мир!

Поэтому я праздную четыре основные праздника Колеса Года: Весеннее и Осеннее Равноденствия, Зимнее и Летнее Солнцестояния и четыре «промежуточных»: Имболк, Бельтайн, Лугнасад и Самайн. Основные точки — для меня самые важные, из промежуточных — наибольшее значение имеет Самайн.

О движении Асатру

СВ *Как Вы относитесь к термину «Асатру» и можете ли назвать себя асатруа?*

Нормально отношусь, это название ничем не лучше и не хуже прочих. И помогает в разговоре быстро и без лишних слов указать на свою идентификацию. Но сама я достаточно редко использую этот термин в отношении себя, предпочитая ему название своей веры как Северная Традиция. Но, как я уже говорила, важно не то, как ты себя называешь, а что ты делаешь. Все остальное — лишь обертка.

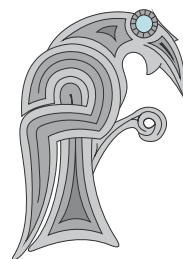
СВ *Несколько лет назад была предпринята попытка как-то организовать русскоговорящее движение Асатру и был создан Совет Законоговорителей (Логретта).*

СВ *К сожалению, во что-то серьезное этот проект так и не перерос, и поэтому вопрос: как Вы считаете, насколько нужны и важны такие инициативы нашему движению?*

Нашему движению нужны и важны любые инициативы. Если они создаются не для почесывания своего ЧСВ, сведения личных счетов или ради наживы, разумеется. К сожалению, я видела все из вышеперечисленного. И к огромной радости, видела другое. Я была в составе Логретты, и до сих пор сожалею, что этот проект не получил своего развития. У нас были прекрасные планы: создавалась энциклопедия Асатру, писались статьи, разрабатывался образ нашего движения для представления во внешнем мире, даже обсуждались идеи создания собственного радио. Да, пусть это все с треском развалилось, так и не успев толком начаться, но маленькие шапочки вперед были сделаны. Сейчас пишу эти строки, и испытываю острый (и наивный) зуд снова начать все сначала. Уважаемые руководители общин и просто известные представители нашей Традиции, обращаюсь к Вам: напишите мне о Вашем желании снова возродить этот проект (или создать любой другой), и вместе мы сделаем больше и лучше! И да, находясь уже больше 16 лет в Традиции, я понимаю, что такой проект долго не проживет (плавали — знаем), но ведь даже один шаг вперед — это лучше, чем ничего.

СВ *Какие перспективы развития, на Ваш взгляд, существуют в наших странах у язычников вообще и асатруа в частности?*

Мое личное мнение, что массовое распространение своей веры стоит оставить на откуп мировым религиям. У людей же, чтущих Традицию, никаких «специальных» целей нет, кроме как, проживая каждый день своей жизни, быть источником и проводником Традиции в этом мире. Каждый из нас важен. Каждый. И совершенно не имеет значения, сколько последователей Традиции будет в наших странах, будем ли мы объединены под одним началом или каждый сам по себе. Поэтому на вопрос «есть ли будущее у Северной Традиции в наших странах?» я отвечаю однозначно утвердительно. Пока мы живы, будет жива и Традиция на нашей Земле.

Но увеличение интереса к язычеству все же, на мой взгляд, можно вполне уверенно прогнозировать. В этом плане мне очень близка теория Антона Платова о наступлении сейчас эпохи пост-информационного общества, главным ресурсом которой является «личная сила человека», обретение которой невозможно осуществить без тесной связи с Традицией. Поэтому людей, ищущих свой Путь, будет все больше, а значит, и будущее у Северной Традиции однозначно будет!

Слава нашим богам!

Слава Одину!

Слава Фригг!

15...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

Антон ПЛАТОВ

Солнце и Луна

В ПОЛНЕ вероятно, что солярная символика — древнейшая из известной человечеству, и это естественно, ибо именно появление Солнца знаменует наступление дня, когда просыпается все живое, и именно Солнце — зримое воплощение многих сил, с которыми человек сталкивается постоянно: земного плодородия (невозможного без солнечного света), силы огня и т.д. Древнейшие, появившиеся еще в каменном веке символы Солнца представляли собой простейшие формы круга и точки, так или иначе связанные с формой самого солнечного диска; позднее эти символы усложнились, к ним прибавлялись «смысловые» графемы (как, например, три «жемчужины» на кельтских монетах).

Изображение сияющего солнечного диска и солярного триадного символа под ним на галльской монете.

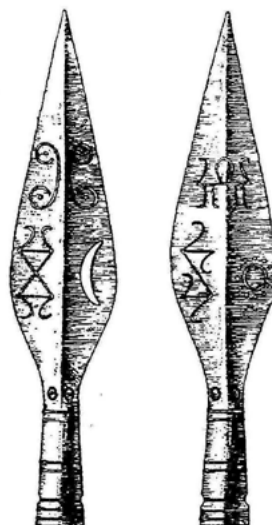
Лунная символика, возможно, относительно моложе, однако и она, несомненно, относится к древнейшей. Известны самые разные формы лунной символики: от простейших геометрических знаков (например, дуга, символизирующая лунный серп) до художественно сложных изображений полумесяца.

Две галльские монеты с изображениями полумесяца. На левой монете у основания полумесяца — две «жемчужины» — лунарный символ.

Однако в данной главе я не предполагаю рассматривать солярные и лунные символы как таковые, — тем более что, по большому счету, речь об этом идет на протяжении всей книги. Здесь же мне хотелось бы обратить внимание читателя на определенную особенность их употребления в Традиции.

Одним из интереснейших источников наших знаний о сакральной символике является древнее оружие, клинки которого (а в ряде случаев и рукояти) часто искусно украшены, в том числе — с использованием различных священных и магических символов. Нередка среди них и солярная, и лунная символика. Так, например, символы Солнца и Луны инкрустированы на клинке стального кельтского «короткого меча», датированного примерно серединой I тысячелетия до н.э. (см. рис.). Украшение клинка в данном случае предельно лаконично — только два этих символа, но, учитывая сложность и искусность самой работы, стоит предположить, что эта лаконичность — отнюдь не результат скупости мастера или заказчика. По-видимому, это предполагало определенный смысл — разместить символы Солнца и Луны на двух гранях одного клинка.

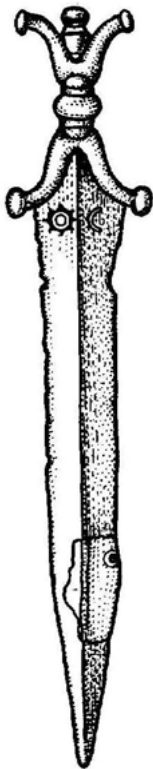
Символы Солнца и Луны на кельтском «коротком мече». Инкрустация золотом и серебром по стали. Территория современной Германии, ориентировочно — V-IV века до н.э.

*Бриттская монета последнего века до н.э.
На аверсе монеты — лунная символика,
на реверсе — солярная.*

Это отнюдь не единичный случай; клинки, на которые нанесены одновременно солярные и лунные символы, мы встречаем не только в этом времени (латен) и не только у кельтов. В качестве примера можно привести стальной наконечник копья, изготовленный германскими мастерами в середине I тыс. н.э. Обе его грани богато украшены магическими знаками, и одна из них несет символ Солнца, а вторая — Луны.

Несомненно, что столь распространенное в рамках интересующей нас «надкультуры» совместное употребление символов двух основных светил (а мы рассмотрим ниже и другие примеры) не может быть случайным. Понять его суть, смысл такого использования символов, нам поможет кельтская монета, изображение которой приводится ниже.

Стальной наконечник копья с магическими символами. Ориентировочно — середина I тыс. н.э.

На аверсе монеты мы видим два лунных полумесяца (у нижнего конца каждого из них — две «жемчужины»), а рядом с ними — символические изображения звезд. На реверсе монеты, напротив, — солярная символика — два круга с точкой в центре (один из них окружен «лучами»). Кроме того, на реверсе изображен конь; несомненно, это — «солнечный конь», один из тех, которые влекут Солнце по небосводу днем. Что же есть аверсное изображение? Луна и звезды — конечно, это ночь...

День и ночь. Две стороны одной монеты — в данном случае, и в буквальном смысле этого выражения. Все тот же традиционный принцип нераздельности противоположностей: невозможно разделить две грани одного клинка, на которых инкрустированы Луна и Солнце, невозможно разделить две стороны одной монеты...

Интересно, что этот способ графической передачи традиционного диадного принципа пережил даже не века, а тысячелетия. Разделенные Великим Змеем День и Ночь, обозначенные символами Солнца и Луны, мы видим, например, на литовских писаных пасхальных яйцах. Символизм писанок хорошо известен и не имеет никакого отношения ни к христианству, ни к предшествовавшему ему иудаизму (родившему саму традицию Пасхи). И разумеется, изначальное Мировое Яйцо, символом которого является писанка, так же неделимо, как неразделимы изображенные на нем День и Ночь, Солнце и Луна...

Писаное пасхальное яйцо с символами Солнца и луны, разделенными Великим Змеем. Литва.

...На самом деле количество примеров подобного совместного использования символов Солнца и Луны огромно. И в ряде случаев оно имеет довольно сложный характер, когда сочетание Луны и Солнца в одной сим-

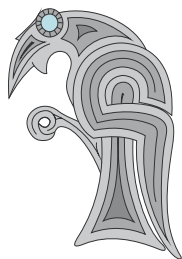

17...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

волической композиции приобретает дополнительные оттенки. Вот перед нами еще одна бриттская монета:

Бриттская монета с солярной и лунной символикой.

В данном случае и солярная, и лунная символика присутствуют на обеих ее сторонах. На аверсе — два полумесяца окружены четырьмя солнечными знаками; в четырех четвертях вдоль края — еще два полумесяца и два V-образных символа, которые Л.Ленгъел, например, также считает лунными.

А вот на реверсе монеты — только два символа (солнечный и лунный), зато они очень специфично расположены: полумесяц — перед конем, солярный знак — перед всадником. Аналогичную композицию мы видим и на других бриттских монетах, и на монетах галлов, и даже на целом ряде существенно более поздних скандинавских брактеатов. Однако подробное ее рассмотрение мы оставим до другой главы, непосредственно посвященной символическому образу всадника...

... 18

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№20
2018

Галльская монета с изображением крылатого всадника — вероятно, некоего божества. Перед мордой коня — полумесяц, перед лицом всадника — триадный солярный символ.

Вячеслав
ВОЛОДИН

Йоль в Стране Льдов

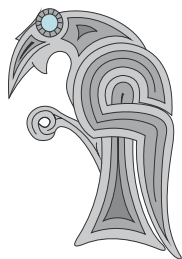

19...

Новый год стал для нашей страны поистине всенародным праздником, объединившим в эти дни людей всех конфессий и мировоззрений. Возможно, именно благодаря своим языческим истокам он и стал столь популярен. Вобрав в себя традиции латинских и германских народов, праздник вплетает в материю этих дней древнейшее в мире волшебство. Когда в самое тёмное, холодное время года зарождается новое солнце, и мы, освещая свои владения пламенем священных огней, приближаем его приход в этом году. Вот так же и язычество возрождается, как, например, в Исландии.

Встреча Йоля

22 декабря 2017 года исландское сообщество Ásatrúarfélagið отпраздновало близ Рейкьявика Зимнее солнцестояние, проведя жертвенную церемонию Jólablót на заснеженном холме Öskjuhlíð, где в скором времени будет возведён первый исландский храм Асатру. В самый короткий день года, когда в Исландии день длится всего лишь четыре часа, последователи Северной Традиции справляют Йоль (исл. Jól).

Верховный жрец Хилмар Ёрн Хилмарссон как Allsherjargóði сообщества Ásatrúarfélagið возглавил церемонию и поведал собравшимся на холме историю этого праздника, отмечаемого задолго до христианизации страны в 1000 году. Указывая на языческие корни Йоля, он напомнил, что слово «Jólnir» является одним из множества имён верховного бога Асатру — Одина. Также он коснулся истории народов Древнего Рима, Перу, Китая и других мест, где празднование восходящего солнца в день зимнего солнцестояния оставалось традицией на протяжении тысячелетий. Тысячелетий без какого-либо влияния христианства.

Стоя на вершине холма в окружении своих единоверцев, видя за ними в чёрном зеркале вод фьорда отражённый свет Рейкьявика, Хилмар Ёрн Хилмарссон закончил свою речь, призвав милость богов словами древней песни:

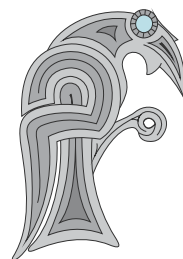

— *Под небом собравшись, Йоль по чашам они разливают и Фрейру на радость пируют.*

Далее языческий праздник был продолжен ужином в ресторане Nauthóll. По словам участника, здесь тоже были свои ритуалы, маленькие йольские обычаи и чтение стихов — особенно песни «Поездка Скирнира». Было много детей, несущих свечи, множество язычников и немало людей, считающих Йоль своим культурным наследием. Что касается жертвоприношений, то Хилмарссон сказал, что на церемонии не пролилась кровь:

— Нет, нет, здесь очень милые дети. Единственное, что мы пожертвовали, это были мандарины.

Девятая ночь

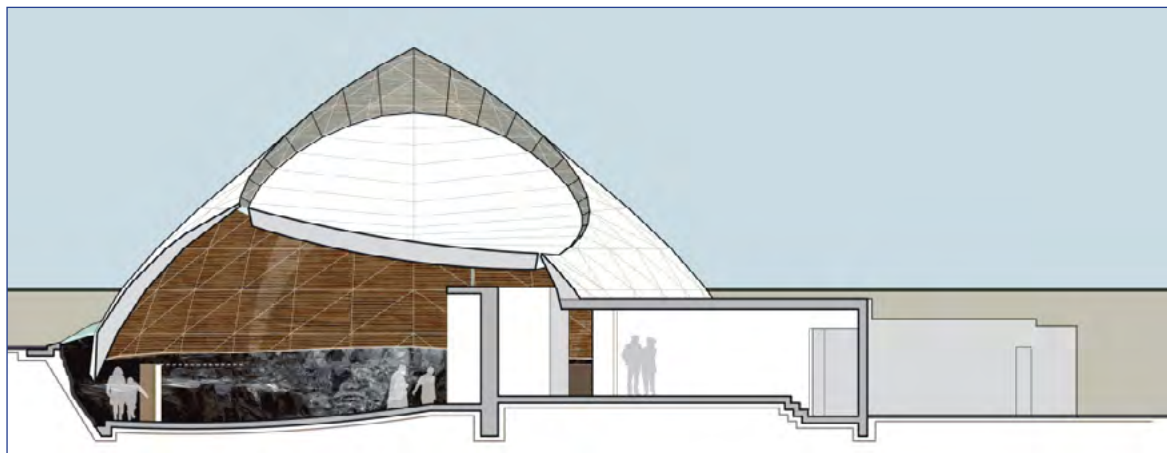
Накануне Нового года жрица Йоханна Хардардоттир провела ещё одну жертвенную церемонию, название которой переводится как «Девятая ночь». Эта церемония логически продолжает празднование Йоля, ведь, как оказывается, у исландцев этот праздник посвящён Фрейру — у российских асатруа дни Йоля как-то больше отданы воскресающему Бальдру.

Йоханна рассказывает, что название церемонии «Девять ночей» объясняется тем, что у исландцев Йоль приурочен к зимнему солнцестоянию, но дата празднования фиксирована и приходится на 22 декабря, а через девять ночей начинается Новый год:

— В этот день [22 декабря] Герд, дочь Гюмира, обещала символу солнца [Скирниру] проявить благосклонность к богу плодородия Фрейру, сказав, что в тихой роще, называемой «Барри», через девять ночей тот встретит её. Точно в это время чувствительные люди замечают, что ночи пошли на убыль, поэтому мы празднуем восходящее солнце Нового года и молимся за хорошие вести, несущие светлое будущее.

21...

Храм Асатру

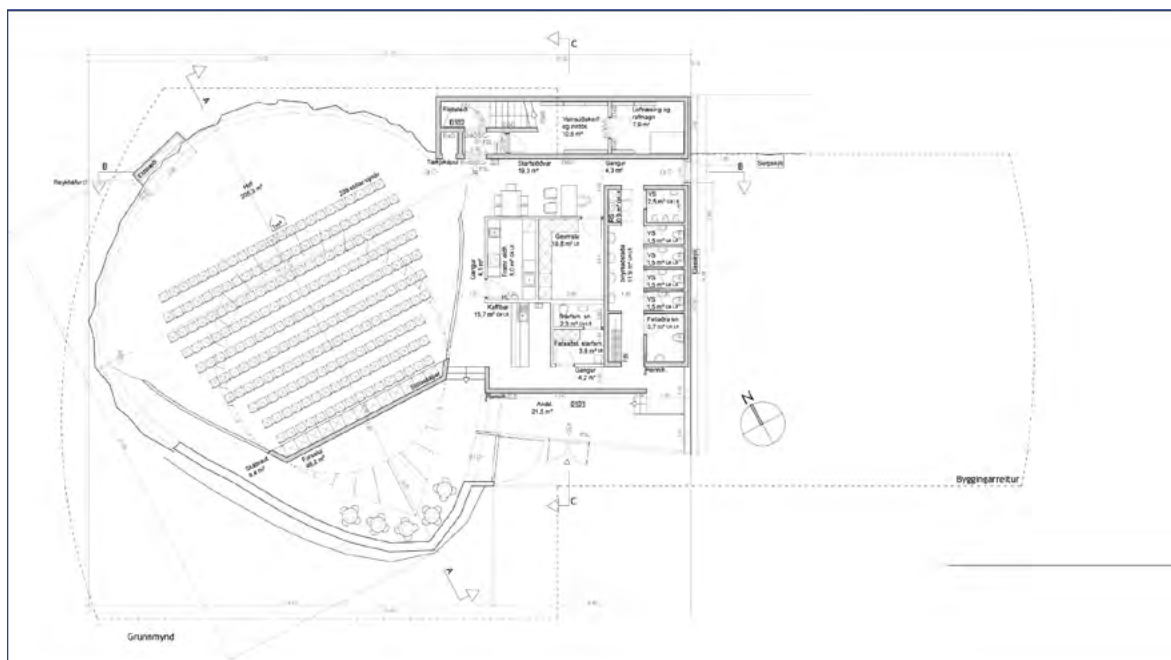
На холме Öskjuhlíð, где проводился Jólablót, в скором времени вырастет первый исландский храм Асатру за последние тысячу с лишним лет — Hof Ásatrúarfélagsins. Это пока рабочее название, и впредь исландцы надумывают вынести этот вопрос на голосование. Несмотря на задержку в строительстве, бывшую в прошлом году из-за особенностей грунта, Хилмарссон уверенно называет дату конца строительства — вторая половина 2018 года. Поэтому и возобновляет стройку уже сейчас, в январе.

Будущий храм, чьё строительство широко освещалось в СМИ, часто называют «первым в мире храмом Асатру за тысячу лет». В действительности это не совсем так — первым храмом Северной Традиции (Hof) он может считаться для Исландии, но не для всех последователей Асатру в мире. С развитием коммуникации между язычниками стало ясно, что небольшие личные храмы, используемые 1-2 семьями как культовые помещения, уже в 2015 году имелись у некоторых асатруа, к тому же многие языческие организации проводят ритуалы прямо в арендованных залах или этно-исторических центрах. Если же говорить о крупных религиозных объектах, возведённых на собственной или арендованной земле, построенных или переоборудованных в духе традиции и имеющих общественное значение, то в число таких храмов входят¹:

- Newark Odinst Temple, принадлежащий Odinst Fellowship. Великобритания, 06.2014;
- NewGrange Hall Asatru Hof, принадлежащий Asatru Folk Assembly. США, 09.2015;
- Hof Valheim Ravensborg, принадлежащий Джиму Лингвилду. Дания, 05.2016;
- Idavollen Tingsted, принадлежащий Ásatrufellesskapet Bifrost. Норвегия, 08.2017.

Однако у проекта исландского храма есть немало черт, заставляющих признать, что инициатив подобного масштаба современное язычество ещё не видело. Как минимум, это земля на холме Öskjuhlíð близ Рейкьявика — в 2008 году сообщество Ásatrúarfélagið получило в дар от действующего тогда мэра, Ингиборг Сольрун Гисладоттир, 2437 м² лесистого склона. Затем конструктивные решения — согласно проекту Магнуса Йенсонна, храм в конечном итоге будет совмещать в себе эргономичность современного Рейкьявика и традиционное исландское почитание сил природы. И наконец, стоимость проекта — воистину огромная сумма в 130.000.000 исландских крон (975,000 долларов США по курсу 2015 года) была собрана сообществом на строительство храма и облагораживание территории с помощью членских взносов, добровольных пожертвований, налоговых отчислений и продаж.

Как же, согласно проекту Магнуса Йенсонна, должен выглядеть храм возрождённого исландского язычества, если количество участников Ásatrúarfélagið ещё в октябре перевалило за 3900 человек, а регулярные ритуалы отличаются массовостью? Будущий Hof Ásatrúarfélagisins имеет общую площадь более 350 м² и разделён на две зоны: 150 м² бытового корпуса с различными служебными помещениями и, собственно, просторнейший купол святилища — вмещающее от 250 до 400 человек пространство в 200 м². Ориентированное по сторонам света здание святилища имеет округлое основание радиусом 20 м, углублённое в склон холма с северной стороны и слегка вытянутое с южной. Плавно закруглённые стены храма образуют причудливо срезанный купол высотой 11 м, наклонная крыша которого, имея овальную форму, увенчана

¹ Нужно дополнительно отметить, что приведённый список не полон, и на самом деле действующих языческих храмов в два раза больше (как минимум).

фигурной короной высоких окон. Как указывает зодчий, подобное построение окон позволит насытить внутреннее пространство Хофа отражённым от стен естественным светом. Бытовой одноэтажный корпус имеет всё необходимое для обеспечения массовых мероприятий и ритуалов.

Внутреннее пространство Хофа подчёркивает основную идею храмового комплекса — непосредственную близость создающих сил природы к человеку, их важность и акцентирование внимания на этих взаимоотношениях. Миновав главные ворота, вы будете спускаться вниз и вглубь, пока не увидите величественный каменный вал вдоль дальней части святилища — скальный амфитеатр исландского Хофа. Перед этой стеной, омывая камни, будет течь чистый источник, а в самом дальнем месте вала заметите свет горящего очага. Кроме этого, планируется озеленить пространство святилища, а благодаря экспериментам Магнуса в декорировании, бетонные поверхности будут украшать естественный узор древесины. Единство Природы и человека призвано подчеркнуть не только живое оформление храма, но и сама композиция пространства — поскольку проект Магнуса Йенсонна основывался на характерном для древнейших храмов правиле «Золотого сечения», то в конструкции здания просто нет случайных элементов. В каждую линию, плоскость и точку храмового пространства вплетено это удивительное соотношение пропорций. Да и снаружи, все эти резкие смены плоскости и плавные линии выглядят энергично — лично мне этот Хоф напоминает заснеженный холм или курган.

Впечатляет и ещё одна особенность внутреннего планирования Хофа — Хилмарссон отметил, что грубая, фактически необработанная скальная поверхность каменного амфитеатра обеспечивает превосходное качество акустики, а потому песнопения станут неотъемлемой частью церемоний.

Итоги

Сорок пять лет назад исландское сообщество *Ásatrúarfélagið* было признано государством в качестве религиозной организации — в этом году оно достроит собственный храм. Как бы неплохой путь пройден ими за эти годы, несмотря на несколько совсем неверных шагов — массовость-то не всегда к добру. К счастью, в РФ язычество тоже не стоит на месте, и должен сказать, что у нас в этом вопросе динамика по стране преотличнейшая! Есть как готовые храмы (у родноверов), так и строящиеся (родноверы и асатруа). И святилищ — имея в виду освящённые пространства — по земле Российской немало стоит. А домашние алтари в каждой из современных традиций в ходу.

23...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

Дарья
ВЬЮНИКОВА

«Новая вера» и «вера предков» в исландских родовых сагах

на примере
«Саги о Названных братьях»

«САГА о Названных братьях» [1] принадлежит к числу наиболее значительных произведений в жанре родовой саги. Её события происходят с 995 г. (рождение Торгейра сына Хавара) по 1030 г. (битва при Стикластадире и гибель Тормода), вскорости после того как Исландия приняла христианство.

Традиционно протограф саги датируют первой половиной XIII века. [1, с. 339-341]

Так как сага была записана на столетия позже излагаемых в ней событий, то она несёт на себе отпечаток мировоззрения человека, жившего уже в XIII веке. Хоть многое из христианского учения даже во времена Снорри Стурлусона (1179—1241 гг.) эти люди воспринимали на свой манер, в более близких для себя категориях: учение о божественном промысле переводилось в их сознании на традиционный язык представлений об удаче и судьбе. [4, с. 71—72]

Данная статья посвящена теме проявления и взаимодействия языческой и христианской религии в мироощущении древних исландцев (X—XIII вв.)

Справедливо считать, что обе религии не просто сосуществовали, но и взаимодействовали одна с другой, смешиваясь и образуя нечто третье. Это и будет проиллюстрировано в данной работе достаточно яркими и наглядными примерами из саги.

Уже с первых строк мы можем увидеть, что предпочтения в саге отдаются именно «истинной вере»: «У Олава Святого много хёв-

дингов под его началом, не только в Норвегии, но и в других землях, на которые простиралась его власть, и Богу были угодное всего те, кто был по душе конунгу». [1, с. 118]

Цель данного зачина — связать удачу Олава с его христианской миссией. Язычество же называли бесовством и всячески преследовали, но всё же оно всё ещё было в ходу и пользовалось не меньшей популярностью, чем христианство. Об этом говорит цитата: «И хотя людей тогда называли христианами, всё же христианство в то время было молодым и очень неладным, ибо много искр язычества тлело под ним, и ложные обычаи были в ходу». [1, с. 120]

По сути, новая вера была нужна для того, чтобы удовлетворить требования норвежского конунга и заслужить его благосклонность (а Исландии приходилось с ним считаться). Старые же боги и обычаи были нужны для благополучия страны и решения своих проблем.

Записанная в XIII веке сага проникнута духом христианства. Но это своеобразное исландское христианство, где Иисус скорее суровый и справедливый вождь, вкладывающий бесстрашие в сердца своих воинов.

Это можно увидеть по отрывку из саги, где автор описывает храброе сердце Торгейра, совершившего своё первое убийство (когда он убил Ёдура): «И всё же это неудивительно, ибо верховный кузнец мира создал и вложил в грудь Торгейра такое крепкое и твёрдое сердце, что Торгейр не знал страха, и был столь же непоколебим во всех испытаниях, как Бесстрашный Зверь. А поскольку все хорошие вещи сделаны Богом, то и бесстрашие сделано Богом и вкладывается в грудь

храбрым мужам, а вместе с ним — свобода решать, чего они хотят, — добра или зла, ибо Христос сделал христиан своими сыновьями, а не своими рабами, и он наделит этим каждого, кто того заслуживает». [1, с. 126]

Это уже совсем другая — третья — вера, симбиоз язычества и христианства. Как говорит в своей работе А.Я. Гуревич: «Исландское средневековое христианство представляло собой довольно тонкую плёнку, под которой скрывались разнородные верования и суеверия, уходявшие корнями в дохристианскую древность». [2, с. 111]

В саге нет мотивов смирения или самоотречения. Перед её героями никогда нет дилеммы: отомстить обидчику или простить ему. Всё и всегда ясно. Христианство лишь может помочь им в этом обязательном и часто нелёгком деле.

Также в «Саге о Названных Братьях» несколько раз сам Олав Святой (пример христианской морали) просил о мести для людей, причинивших вред его людям. Сначала он просил Торгейра отомстить Ториру за рану, нанесённую его дружиннику, а потом просил Тормода Скальда Чернобровой отомстить за смерть Торгейра. Совсем не пахнет смирением и прощением.

Являясь противником языческой морали, Олав Святой не преминул также приказать Тормоду исполнять воодушевляющие воинские песни. Примером становится исполненная им древняя песнь о легендарном Бьярки, чисто языческого содержания, которая вызвала лишь одобрение конунга. [1, с. 197]

Этот пример лишней раз доказывает, что и у самого Олава было совершенно другое (скандинавское) восприятие христианства.

Новая вера была достаточно условна, в то время как «вера предков» всё ещё пользовалась популярностью, так как помогала людям решать насущные проблемы. Это можно проследить в нескольких достаточно ярких эпизодах.

На ум приходит сюжет, где Грима посылает своего раба Кольбака нанести вред Тормоду и с помощью своих «напевов» делает его неуязвимым для ударов тесака.

Позже её уличают в колдовстве. На следующее утро Берси с толпой народа едет в Теснину и угрожает Гриму, она же делает вид, что ничего не понимает и всё валит на Кольбака. Его же Грима спасает от расплаты, надев на него «невидимый шлем», из-за которого Кольбака не находят. Потом она

сажает его на корабль и с помощью магии вызывает попутный ветер. [1, с. 143-147]

Это говорит нам о том, что хоть язычество тогда было уже и не в почёте, но именно к нему обращались с нуждой, ведь оно всё ещё способно было «двигать мир».

Также вспоминается сюжет, где оказавшегося в тяжёлом состоянии Тормода поручают Гамли и Гриму, когда он находится вне закона. Грима была «хорошей врачеей и ведала древние обычаи». Тордис проведывает во сне, где скрывается Тормод, и вместе с Торкелем едет туда. Грима же тоже предвидит их приезд и предпринимает свои колдовские меры: посреди комнаты она выставляет большой стул, на спинке которого вырезан Тор, и усаживает туда Тормода. Она велит мужу варить тюленя и наполнить дом дымом, сама же садится в дверях мотать пряжу и встречать гостей. «Она говорила себе под нос что-то такое, что другие не могли разобрать».

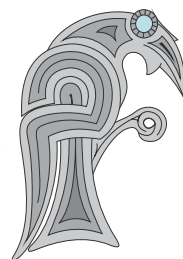
Когда при обыске дома оттуда выпустили весь дым, они увидели лишь стул посреди комнаты, а Тормода — нет. [1, с. 184-188]

Судя по всему, колдовские способности были не только у Грими, но также и у Тордис, которая заподозрила древнюю магию в делах Грими. Она уличает её в колдовстве, на что Грима отвечает интересными речами: «Я редко хожу в церковь слушать речи учёных людей, ибо церковь от меня далеко, а дома мало народу. И ныне, когда я гляжу на деревянный истукан Тора, мне первым делом приходит на ум, что в моих силах сломать и сжечь его, как только я захочу. Насколько же выше тот, кто создал землю и небо, и все видимые и невидимые вещи; он даёт всему жизнь, и никто не в силах его превозмочь». [1, с. 188]

Данные слова как будто подразумевают, что Грима и рада бы полностью проникнуться «правой верой», но она пока не внушает ей столько же уверенности, сколько древние обычаи предков. Она говорит, что идол Тора можно разрушить в любой момент (то есть отказаться от язычества), когда она почувствует в этом необходимость, но для этого нужно прежде увериться в действенности нового...

Христианство пока «молодое и неразумное», а восприятие его людьми в высшей степени неполное и поверхностное.

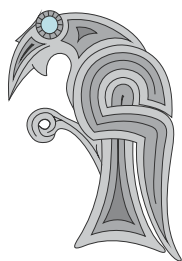
Также встречаются люди, не причастные ни к одной из вер. Они верят лишь в себя и в свою силу (судьбу и удачу). Это происходит из-за того, что языческая вера перестала быть такой надёжной опорой, как раньше, а христианство всё ещё не удовлетворяло их запросов.

25...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

Также они могут верить в конунга или любого другого человека, которому сопутствует удача или который достоин их уважения.

Яркий этому пример — битва Тормода с Фальгейром. Когда Тормод понял, что он гораздо слабее Фальгейра, то подумал об Олаве Святом, чтоб ему улыбнулась удача. И она ему улыбнулась! У Фальгейра из рук выскакивает секира, и в конечном итоге битвы он погибает. [1, с. 183]

Интересным является ещё один эпизод, где Олав явился во сне Гриму Бонду и попросил его спасти его дружинника Тормода, и указал место. Также он нашёл способы доказать во сне, что его просьба вполне реальна. [1, с. 193]

Мы видим, что христианство в сагах тоже способно творить чудеса и не меньшие, чем язычество. Интересно, что автор пытается не давать оценки ни одной из вер. Он старается лишь сухо записывать происходящие события.

Максимум, на что можно рассчитывать из его комментариев, так это на то, что христианство «молодое и неразумное», а язычество «бесовское». Но обе стороны достаточно сильны, и герои саги поочередно одерживают победы с их помощью.

Интересным является и завершающий эпизод саги. В битве при Стикластадире Тормод очень волнуется, ибо хочет попасть вечером «в один приют» (в одно и то же место после смерти) с Олавом Святым. Он отважно бьётся: «без щита, с обеих рук рубя секирой». А когда битва кончилась, он не был ранен и очень опечалился по этому поводу, и жизнь была для него хуже смерти. После таких мыслей ему в грудь вонзилась стрела, и «рана обрадовала его, ибо он понял, что она принесёт ему смерть». [1, с. 199]

В этом эпизоде интересно то, что конунг должен был по закону жанра попасть в рай. Но куда надеялся попасть Тормод? Может показаться, что он стремится не только попасть в рай, но и «пасть в битве». А умерев так, он с равным успехом может рассчитывать и на место в Вальгалле.

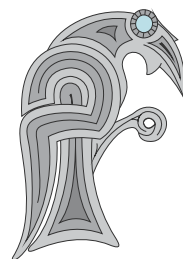
После подобного разбора выбранной саги можно сделать вывод, что даже после крещения Исландии язычество и христианство ещё долгое время идут рука об руку. И они не просто сосуществуют, они взаимодействуют одно с другим.

Из-за такого синтеза христианство достаточно сильно видоизменяется, оно утрачи-

вает свою цельность и приобретает не характерные для себя черты, а язычество перестаёт восприниматься как вера, но по-прежнему служит огромным источником вдохновения и всё так же лежит в основе мировоззрения исландцев. Они сплетаются в нечто единое и цельное, и воспринимать отдельно их не всегда можно и нужно.

Источники и литература

1. Сага о Названных Братьях// Исландские саги./ Перевод с древнеисландского языка А.В. Циммерлинга /М.: Языки славянской культуры, 2000. — с.118 — 202
2. Гуревич А.Я./ Избранные труды. Крестянство средневековой Норвегии. — СПб., 2006, с. 109-115
3. Буайе Режи/ Средневековая исландия / М.: Вече, 2009. — 367 с.
4. Гуревич А.Я./ Средневековый мир. Культура безмолвствующего большинства — М., 1990, с. 280
5. Губанов И. Б./ Исландские родовые саги как источник по истории культуры и общества древней Скандинавии. Исследование, тексты и переводы. — СПб., 2016 — 230 с.
6. Гуревич А. Я. /«Эдда» и сага. М.: Наука, 1979. — 108 с.

Современный антинорманизм

А. А. ХЛЕВОВ

В числе прочих проблем отечественной истории норманской проблеме или варяжскому вопросу принадлежит особое место — как по степени «идеологической нагруженности», так и по уровню политизации, зачастую вполне искусственной. Не будет преувеличением сказать, что среди государствообразующих этносов, располагающих в своем историческом прошлом источниковедческими недоговоренностями и разночтениями, русским удалось встать особняком. Дискуссия об аспектах «призвания варягов», без сомнения, по многим параметрам беспрецедентна, что всегда было обусловлено как масштабом государства и уровнем политических ставок, так и особенностями национального менталитета.

Вопросу этому посвящена без преувеличения необозримая литература исторического, археологического, лингвистического, социологического и методологического характера, насчитывающая многие сотни монографий и статей. Существуют и достаточно разные по своим оценкам и позициям историографические обзоры [5; 9; 11; 15]. Проблема вполне отчетливо представлена в массовой культуре [4, с. 75–78]. В 1994 г. в своей кандидатской диссертации, посвященной революции, произведенной археологическими источниками в норманском вопросе, автор, в частности, несколько самонадеянно констатировал фактическое завершение 250-летней дискуссии [15; 18], признав убедительную победу взвешенного норманизма.

Однако последующие события в отечественной науке продемонстрировали явную преждевременность этого заявления. В 1990-х — 2000-х гг. увидели свет вполне фундаментальные и совершенно несправедливо относимые порой к «альтернативным историческим теориям» труды крупных исследователей, деятельно возрождающих концептуальные положения антинорманизма в отечественной историографии [2; 3; 13; 14]. Нашей задачей в данном случае является определение методологических приоритетов современного антинорманизма, поскольку возрождение его в новых исторических и академических условиях должно рассматриваться как весьма примечательный феномен, заслуживающий пристального внимания. Посему стоит сформулировать ключевые тезисы, присутствующие в современной литературе этого толка.

К таковым мы должны отнести:

1. Устойчивое отрицание скандинавского происхождения людей, обозначающихся в летописной традиции термином «варяг» [2, с. 81–88]. Альтернативой скандинавскому является преимущественно южнобалтийское славянское происхождение варягов, однако допускается смешанный характер дружин, т.е. примесь скандинав-

ского элемента. По мнению ряда авторов, балтийская версия происхождения варягов может быть продуктивна с точки зрения нахождения общих позиций обоими лагерями [Меркулов, с. 8–9].

2. Продолжением данного тезиса является признание за термином «русь» южнобалтийского либо автохтонного восточноевропейского происхождения

27...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

[13, с. 439–452]. В одном случае он связывается с западнославянским населением, в другом — под «русью» понимается некий народ, исконно проживающий в Восточной Европе. Последний тезис почти автоматически выводит на рассуждения о гиперборейях и обратном (с Восточноевропейской равнины — в Северную Европу) векторе культуртрегерства [2, с. 333–335]. Основной проблемой данного положения является очевидная археологическая неуловимость крупной монокультурной популяции, могущей претендовать на роль руси в данном построении, а также противоречия с сообщениями Константина Багрянородного о русах и славянах [6, с. 45–51]. Категорически отвергается и традиционная для норманистов версия происхождения термина «русь» от западнофинского «ruotsi» [2, с. 99–108].

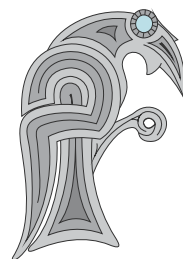
3. Полный отказ от тождества Рюрика Новгородского и Рёрика Ютландского (Фрисландского), также достаточно типичного для норманистской литературы [7, с. 43–73]. Несмотря на ряд хронологических и исторических параллелей в жизнях хорошо известного по западным хроникам Рёрика и почти эфемерного (с источниковедческой точки зрения) Рюрика [16, с. 46], данная версия встречает категорическое неприятие. Рюрик признается либо западнославянским вождем, либо местным лидером.
4. Подчеркивание численной незначительности и крайне узкой локализации скандинавских переселенцев, купцов и воинов на территории Древней Руси, из чего делается вывод о незначительности их воздействия на процессы политогенеза [3, с. 6–8]. При этом обычно игнорируется очевидная и доминантная роль скандинавов в дружинной прослойке X в., диагностируемая договорами «руси с греками» [12, с. 398–411], а основные этноопределяющие признаки археологических комплексов, диагностирующие скандинавское присутствие, рассматриваются как спорные или несущественные.
5. Критический пересмотр этнокультурной картины германо-скандинавского мира. Подчеркивание невозможности отождествления свионов Тацита со свеями эпохи викингов (и отождествление с последними племенисвебов [2, с. 125–126]), локализация прародины готов на южном берегу Балтики и т.п. Более важной сто-

роной вопроса является искусственное занижение уровня экономического, социального, культурного и политического развития Скандинавии соответствующего периода, упор на демографическую скудость Северной Европы, техническую невозможность осуществления балтийской торговли и совершения массовых походов в акватории Балтийского моря и по рекам Восточной Европы [2, с. 110–115, 301–323]. Противоречат этому данные о кораблестроении Севера и, в частности, вполне сенсационные находки 2008–2011 гг. близ Сальме на о. Сааремаа [17, с. 109–111; 19]. Важным тезисом антинорманизма является непроходимость Пути из варяг в греки для драккаров, хотя давно известно, что перемещение людей и грузов здесь осуществлялось посредством маломерного «челночного» флота, успешно замыкавшего транспортную цепь между волховскими и днепровскими порогами.

6. Едва ли не самой характерной чертой неоантинорманизма и его важным методологическим доводом выступает игнорирование вопросов политогенеза и подчеркивание этнической составляющей. Несмотря на то, что реальный успех и выход из дискуссионного тупика в XX столетии был обусловлен исключительно проработкой проблематики возникновения государственных структур в родовом обществе, современные антинорманисты вновь возвращаются к тезису о первоочередности этнического происхождения первых князей и их окружения. Однако современные модели этнокультурной идентичности бессильны объяснить процессы, шедшие в племенных дофеодальных коллективах. Не менее абсурдно прямое наложение стереотипных образов современных этносов (едва ли не по клише массовой культуры) на их далеких предков. Так, абсурдность лубочного противопоставления диковатых и агрессивных скандинавов рачительным созидателям-земледельцам в лице славян убедительно опровергается археологическими данными [1, с. 285–288], демонстрирующими, что и те, и другие, конкурируя, выстраивали данническую вертикаль в среде финнов и балтов, выступавших в данной ситуации как наиболее пассивный элемент политогенеза.
7. В целом необходимо признать, что постсоветский антинорманизм реализует не какую-либо новую концептуальную

парадигму, но пытается на достаточно широкой источниковой (как текстовой, так и археологической) базе подтвердить тезисы, восходящие либо к допетровской традиции, либо к идеям М. В. Ломоносова, В. Н. Татищева, а также антинорманистов третьей четверти XIX в. (С. А. Геденова и др.) — не случаен поэтому своеобразный «культ Ломоносова», отчетливо присутствующий в литературе этого направления [13, с. 58–79]. Закономерным

следствием является чрезвычайно архаичный в ряде случаев методологический и аргументационный арсенал. Вместе с тем было бы очевидной ошибкой игнорировать фактологические успехи современного антинорманизма. В сущности, впервые за всю его историю началось активное оперирование источниками и реальными аргументами, а не идеологемами, что чревато выходом дискуссии на новый уровень.

Список литературы

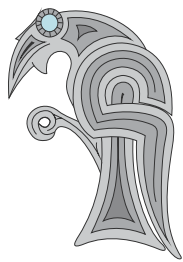
1. Артамонов, М. И. Первые страницы русской истории в археологическом освещении / М.И. Артамонов // Советская археология. — 1990. — № 3. — С. 271–290.
2. Грот, Л.П. Призвание варягов, или Норманны, которых не было / Л. П. Грот. — Москва : Алгоритм, 2013. — 368 с.
3. Изгнание норманнов из русской истории : сборник / Ин-т российской истории Российской акад. наук ; [сост. и ред. В.В. Фомина]. — Москва : Русская панорама, 2010. — 386 с.
4. Каратовская, В. В. Норманнская проблема и отечественная художественная литература / В.В. Каратовская // Вестник Томского государственного университета. — 2011. — № 347. — С. 75–78.
5. Клейн, Л. С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон / Л.С. Клейн. — Санкт-Петербург : Евразия, 2009. — 400 с.
6. Константин Багрянородный. Об управлении империей / Константин Багрянородный. — Москва : Наука, 1989. — 496 с.
7. Крузе, Ф. О происхождении Рюрика / Ф. Крузе // Журнал Министерства Народного Просвещения. — 1836. — Январь. — С. 43–73. 8. Лебедев, Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе / Г.С. Лебедев. — Ленинград : Ленинградский гос. ун-т, 1985. — 288 с.
9. Максимович, М. А. Откуда идет Русская земля, по сказанию Несторовой повести и по другим старинным писаниям русским / М.А. Максимович. — Киев : В Унив. тип., 1837. — 148 с. 38 39
10. Меркулов, В. И. Мекленбургская генеалогическая традиция о Древней Руси / В.И. Меркулов // Труды Института российской истории РАН. — 2008. — № 7. — С. 8–28.
11. Мошин, В. А. Варяго-русский вопрос / В.А. Мошин // Slavia. Casopis pro slovanskou filologii. Ročník X. Sesit 3. — Praha, 1931. — 537 с.
12. Николаев, С.Л. Семь ответов на варяжский вопрос / С.Л. Николаев // Повесть временных лет / пер. с древнерусского : Д.С. Лихачев, О.В. Творогов ; коммент. : А.Г. Бобров, С.Л. Николаев, А.Ю. Чернов [и др.] ; ил. М.М. Мечева. — Санкт-Петербург : Вита Нова, 2012. — С. 398–430.
13. Фомин, В.В. Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу / В.В. Фомин. — Москва : Русская панорама, 2005. — 488 с.
14. Фомин, В.В. Открытый разговор о варяжской Руси / В.В. Фомин // Отечественная история. — 2004. — № 1. — С. 206–210.
15. Хлевов, А.А. Норманнская проблема в отечественной исторической науке / А.А. Хлевов. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гос. ун-т, 1997. — 103 с.
16. Хлевов, А.А. Еще раз о Рюрике / А.А. Хлевов // История и культура средних веков : актуальные проблемы : тезисы докладов XXI межвузовской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2002. — С. 46–47.
17. Allmäe, R. The Salme I Ship Burial : An Osteological View of a Unique Burial in Northern Europe / R. Allmäe, L. Maldre, T. Tomek // Interdisciplinaria archaeologica. Natural Sciences in archaeology. — Olomouc : Archaeological Centre Olomouc. — 2011. — Issue 2. — Vol. 2. — P. 109–124.
18. Хлевов, А.А. Норманнская проблема в свете археологических источников : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 [Электронный ресурс] / А.А. Хлевов // disserCat : электронная библиотека диссертаций. — URL: <http://www.dissercat.com/content/normanskaya-problema-v-svetearkheologicheskikh-istochnikov>.
19. Curry, A. The First Vikings. Two remarkable ships may show that the Viking storm was brewing long before their assault on England and the continent [Electronic resource] / Andrew Curry. — URL: <http://www.archaeology.org/issues/95-1307/features/941-vikings-saaremaa-estonia-salme-vendel-oseberg>.

29...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

Исландский дневник

Кайса
ВАРЗУГА

*Написано по черновикам исландского дневника
и полностью основано на реальных событиях.*

НА Севере раньше верили в норн — богинь судьбы — Судьба, Становление, Долг — так переводятся их имена. И Судьба — это прошлое человека, будущее же северянам виделось как Долг.

Когда живешь серой офисной жизнью, забрасываешь свои нити судьбы пылиться в ящик с хламом. Но как только ступишь на Дорогу — все равно что возьмешь заветный клубок и начинаешь разматывать разноцветную пряжу. Где-то встречаются узелки, где-то нитка истончается — почти рвется, а где-то становится яркой и крепкой. Но в твоём сердце поселяется Становление. И чувство гармонии в том, что ты на пути к своему Долгу.

Оглядываюсь назад, в самое начало путешествия, и вспоминается необъяснимый страх. Мы много лет планировали отправиться в Исландию, выбрав в качестве транспорта велосипед, — и вот всего несколько часов отделяли нас от цели. Помню, что я нарочито активно собирала вещи, пересыпала гречку в пластиковые бутылки, заклеивала скотчем для сохранности от дождя кусочки распечатанной карты, болтала с моими спутниками — Энтони и Хенией о тонкостях маршрута — всё, лишь бы не думать о нарастающем в сердце тревожном предчувствии. С самого начала эта поездка была для меня чем-то вроде паломничества. Я знала, кого там встречу, и не сомневалась в своих силах в этом деле. Однако у таинственного страха был другой источник, который мне не удалось распознать — пришлось взять страх с собой.

Я родилась на Крайнем Севере, где дуют промозглые ветра, принося солёный воздух с моря, где зима покрывает мраком лес, а лето не даёт спать ледяным ручейкам, спускающимся с гор. Север, который вырастил меня, чья жизненная воля горит и в моём сердце, всегда был мне домом. И совсем не важно, какой стране принадлежит та или иная северная земля — оказавшись ли в Лапландии, проснувшись ли на берегах норвежских фьордов, кипятя чай на утёсах Рыбачьего — я чувствую, что я Дома, что эта земля принимает меня как своё дитя. Всё это я рассказываю тебе, чтобы показать источник той дерзости и нахального легкомыслия, с которым я отправилась в Исландию. Ведь я считала, что еду домой, в священный северный край, и как северянину мне будут там бесконечно рады. Но Исландия — больше, чем просто Север, она сильнее и страшнее всех тех земель, где мне доводилось бывать. Может оттого, что люди здесь еще верят в Северных Богов, а может, потому что через Исландию проходит разлом земной коры — здесь чувствуется чудовищное дыхание Земли, ужасающее и восхищающее своей мощью и опасностью. Поэтому наше с ней знакомство вышло совсем иным.

На пути в Исландию мы преодолевали множество границ разной природы. Граница! Она таит в себе источник силы — тот, что вырывает ступившего за порог своего привычного дома из его прошлой, во многом безопасной жизни. Граница — это руки норн, что берут клубок твоей судьбы и начинают разматывать нить. Это новое рождение, опасное и изменяющее. Но это и источник невообразимой силы, которая позволит справиться со всеми чудови-

... 30

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

щами, подстерегающими на пути. Преодоление границ несет с собой жизнь со смертью. Как и само рождение.

Оказавшись наконец на исландской земле, мы обнаружили, что велосипеды не последовали за нами, а решили задержаться в Осло. А с ними и все наши спальники-палатки. Так что прибыли мы почти нагишом и полдня не могли добиться от работников аэропорта хоть какой-то информации о багаже. К вечеру мы отчаялись ждать и пошли прогуляться в соседний город Кеблавик.

Память сохранила вид асфальта — он был крупнозернистым, довольно большие частички слепляли ровную дорогу, отчего она оказалась пористой, такой же, как и некоторые камни, что лежали на обочине. Вокруг повсюду цвели люпины сине-фиолетового цвета, с бархатными лепестками, пахнущие горами и свежестью. Моря люпинов. Они стали одним из символов Исландии для меня. И теперь, каждый раз смотря на люпины, мои глаза видят эту юную дорогу, что только началась под нашими ногами.

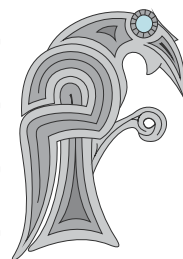
По пути встретились несколько незнакомых птиц, которые наблюдали за нами издали и издавали приглушенные звуки. У одной из птиц был длинный клюв, отчего она походила на удода, но без хохолка. Другая была куликом-сорокой с красным длинным клювом и бело-чёрным оперением. Такая птица потом часто встречалась на нашем пути. Она нам нравилась.

Кеблавик оказался уютным скандинавским городом. Мы прогулялись к морю, где дул порывистый вздорный ветер, гоня белое облачко. На пустынной набережной возвышались странные монументы. Изваяния больше всего походили на огромные глыбы, но чуткий взор мог разглядеть в них рыбу или кита, или якорь, если тяжкие думы тянут на дно, и даже чайку, если в сердце поселилась любовь, а тело стало воздушным и невесомым. Неширокие улочки поднимались и спускались с холмов, на стенах некоторых строений были изображены картины из рыбацкой жизни, а в одном из окон виднелась надпись «дом». Дом.

Спустя несколько часов нам вдруг позвонили и сказали, что велосипеды соизволили прибыть — получите, пожалуйста. И мы отправились за ними. Собрали и поехали ночевать в Кеблавик, решив затеряться в каких-то зелёных насаждениях. Надо сказать, что раньше, до заселения Исландии людьми, здесь росли леса. Но со временем жители вырубали все деревья для строительства и пастбищ. Теперь же в Исландии действует программа по восстановлению лесов. И почти все деревья, которые можно здесь встретить, — это посадки человека.

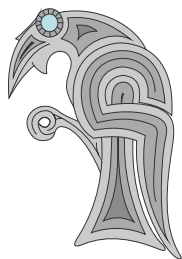
Утром следующего дня наконец-то началось наше велопутешествие. Выбравшись из рожи и Кеблавика, мы отправились в столицу. Местность вокруг напоминала пейзажи в окрестностях Териберки, только на горизонте виднелись горы, да по обочинам дорог качались на ветру волны люпиновых морей. Наш путь вытянулся вдоль побережья, то поднимаясь на сопки, то спускаясь с них. Трудно было заезжать с полными рюкзаками в горки, получалось очень медленно, и колени работали на пределе, даже при подходящих скоростях. И тогда Энтони предложил наверстывать упущенное время на спусках, выжимая максимальную скорость. Мы стали гнать весело и хорошо, иногда останавливались, забирались на придорожные холмы и куски каких-то скал, которые коротали свою вечность на обочине. Спустя пять часов пути впереди показались первые дома мегаполиса. Хотя, это был не совсем Рейкьявик, а прилегающий к нему город Хабнафьордур. При въезде в этот город мы заметили две таблички «Хабнафьордур. Город викингов» — гласила одна. «Хабнафьордур. Город эльфов» — извещала другая. Хения достала фотоаппарат и стала

31...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

фотографировать, как я кривляюсь у таблички, изображая нарисованного там эльфа. Но когда она нажала на спуск, я на мгновение ощутила сожаление о том, что передразнила обитавших здесь существ.

Мы стояли на пригорке, впереди нас ждал длинный и крутой спуск с горы, что при въезде в город. Ребята умчали вперед, а я ещё задержалась с фотоаппаратом, желая поймать это мгновение, этот воздух и солнечный день. Наше путешествие только начинается! Впереди столько сокровищ, которые жаждет заполучить моё сердце — дымящие вулканы, странные разноцветные горы, ледники, уводящие за горизонт дороги и, конечно же, великий океан! И все это будет моим до скончания веков — запрятано в бездонной пещере моей души!

Кажется, я гнала уже очень быстро, а ребята всё удалялись, и расстояние между нами превысило километр, — что ж, издержки любителя фотографировать всё подряд. Находясь выше по склону, я пока ещё видела своих друзей и хотела поскорее их догнать. Понемногу во мне начал просыпаться страх от нарастающей скорости. Хотелось затормозить, сбросить обороты. Я посмотрела на удаляющиеся точки, что были моим друзьями, и стала размышлять, как это им удастся ехать так быстро. И почему бы не притормозить, ведь скорость и правда чудовищная. Я немного сбавила темп, но потом поняла, что так совсем отстану, а это было не по-товарищески. «Да и к тому же, — думала я, — если они едут с такой скоростью, значит и мне нипочем. А страх этот — всего лишь постыдная трусость, и надо его отбросить». И я отбросила его, отдалась скорости, пустила в своё сердце азарт от ощущения полёта, от драйва и огня в крови. На душе стало спокойнее, мимо пронесли автомобили, велосипед дрожал под руками, дорога слилась в единую полосу серо-чёрного цвета. Скорость всё нарастала, а время замедлилось, и с каким-то спокойным безразличием я стала наблюдать, как моя рука подкосилась, руль сделал завиток в сторону — чего это он? — и следующий миг уже стал непоправимым прошлым — пришло полное осознание того, что я лечу через велосипед, что ничего уже не поделаешь и бояться чего-либо бесполезно. Страшный удар. Со всей мощной скоростью моего движения тело протащило лицом по асфальту, кажется, впечатывая в него, сдирая кожу и, как мне тогда казалось, нос. «Вот она, твоя бесславная смерть», — промелькнула горькая мысль. В тот миг не было страха смерти, я затаила дыхание, с интересом готовясь сорваться в небытие и узнать наконец-то все ответы. На душе была даже какая-то безумная радость. Сейчас немного забавно вспоминать, что единственное, о чём я пожалела в то мгновение, — что вот-вот покину этот мир, так и не увидев Исландию. Однако шли секунды, а двери не спешили открываться, и я стала осознавать, что останусь жива.

Медленно, не шевелясь, я с холодной рассудительностью принялась анализировать состояние своего тела. Попробовала подвигать разными конечностями — руки и ноги двигались, я ощупала ребра — кажется, целы. Хорошо. Решила подняться на руках, оторвав голову от асфальта, — это удалось, и я стала смотреть, как с моего лица на дорогу обильно стекает кровь. Плохо. Кажется, носа больше не будет. Осторожно поднеся руку к лицу, я со страхом ощупала его. «Кажется, на месте». Странное счастье обладания носом наполнило меня, да так, что от этого стало смешно, и я почувствовала, что вот-вот захохочу в этой луже крови посреди дороги. Занимательно вспоминать теперь, какие мысли приходили в голову в тот момент, и что приносило счастье — а счастье приносило, кажется, всё, а особенно тот факт, что я осталась жива. И, да, — нос тоже. Проползая немного на четвереньках, я подумала о велосипеде, который отшвырнуло далеко на середину дороги, — «его ведь могут раздавить, и тогда пиши пропало наше путешествие», — я дотянулась до него рукой

и отшвырнула в сторону. После обеспечения безопасности велосипеду, жизненно важной показалась информация о том, могу ли я ходить, — поэтому изо всех сил надо было постараться встать. Это тоже удалось, и я прошлась к обочине. Всё совсем хорошо.

К тому моменту вокруг меня стала останавливаться, кажется, каждая вторая проезжающая машина. Из белой выбежала девушка и начала меня о чем-то спрашивать на исландском. Потом на английском, потом на ещё каком-то. Я открыла рот и произвела на свет какое-то устрашающее бульканье — и поняла, что не могу говорить. Мозг посылает мысли в речевой аппарат, но он не действует — только рот открывается, а звук не идет. Я пыталась кашлять, кричать, но ничего не помогало — дар речи был потерян. Смотрю, девушка куда-то звонит, ещё какие-то люди опять у меня пытаются что-то спросить — не выходит. Я понимаю, что они звонят в скорую. «Черт, только этого не хватало!» Но остановить их и объяснить, что со мной всё в порядке, не представлялось возможным. Спустя несколько минут речь ко мне вернулась, из горла полезли какие-то крошачьи слова. Потихонечку они окрепли, и я стала чересчур бодро и весело уверять всех, что всё хорошо, всё чудесно, и я, и весь этот мир, и они — такие классные, и можно, я поеду дальше? Глядя на такое, должно быть, странное истекающее кровью существо, с безумной улыбкой на разбитой морде уверяющее, что «всё в порядке», они не были склонны ему верить и продолжали с непонятной мне тревогой на лицах звонить по своим телефонам. Через 10 минут приехала скорая. Меня погрузили в машину и стали обрабатывать раны, заглядывали в глаза, спрашивали странные вопросы. Приехав в Исландию, я решила, что не буду думать о датах и днях недели, что забуду о времени и буду просто жить. Однако, мой навигатор, который я включала и выключала каждой вечер и утро, не дал мне такую возможность, оказав тем самым добрую службу. Наверное, решив проверить, всё ли в порядке с моей головой, медбрат стал быстро спрашивать (подразумевая, что отвечать я должна так же быстро) как меня зовут, какое сегодня число и день недели, — вспомнив 13-ю дату на экранчике навигатора, говорю — сегодня, сэр, 13 июля, пятница. «Во дела!» — промелькнула мысль, но развить её мне не удалось, так как допрос продолжился. С невероятным трудом мне удалось убедить врача, что ни в какую больничку я не поеду, и что меня надо отпустить. Мне категорически запретили садиться на велосипед в ближайшие несколько дней и заявили, что подбросят на автобусную остановку в Рейкьявике, откуда я смогу добраться до кемпинга на общественном транспорте. Тем временем весть о произошедшем достигла моих друзей, но мне удалось только крикнуть им, что меня везут в Рейкьявик на остановку у океана, где есть торговый центр. Медбрат затащил мой велик в салон, и скорая увезла меня.

Ехали довольно долго, заворачивая по улочкам, проезжая под мостами. «Да, — думала я, — как друзья меня найдут в этой агломерации...». Исландцы высадили меня на остановке и вышли сами. Солнце заливало живописную скамеечку с видом на океан — я, было, пошла к ней, но бригада скорой не спешила меня отпустить.

— Тебе надо пить! Пошли, купишь себе воды, — настаивал медбрат.

— Нет-нет, я потом, со мной всё хорошо, я не хочу пить, — сделала я тщетную попытку.

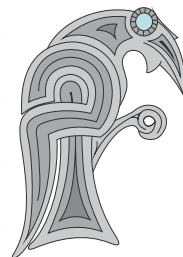
— Но посмотри на себя! Ты выглядишь как человек, который хочет воды! — «Интересно, как это?» — подумала я. Вот ни за что бы по внешнему виду не поняла, хочет человек воды или нет. Эх, если и дальше сопротивляться — они точно не отстанут от меня. Придется купить бутылочку воды, хотя небось за неё придется выложить неоправданно большую сумму. Мы пошли в магазин, медбрат выбрал для меня какой-то напиток для спортсменов — нечто вроде особого лимонада. Когда врач увидел его выбор, он его одобрил.

— Да-да, очень хорошо, очень хорошо. Тебе нужно взять две: одну сейчас выпьешь, другую — чуть позже, — вынес он свой вердикт. «Вот ё-моё, — думала я — ведь один пузырек этого супернапитка обошёлся мне около 400 р. Однако с мужчинами не поспоришь!» С великой покорностью я взяла 2 бутылочки и пошла на кассу, поддерживаемая моими спутниками и спасителями. Девушка у автомата с тревогой посмотрела на меня, потом на ребят и улыбнулась — нечто вроде «а, ну ладно». Пробыла мне чудовищную сумму за литр лимонада.

— Желаю тебе фантастического дня! — сказала она на прощание с улыбкой.

— Да уж, фантастики мне сегодня хватило, — усмехнулась я.

Выйдя из магазина, оба мужчин из скорой стали оказывать на меня психологическое давление, настаивая на том, чтобы я выпила одну бутылочку прямо у них на глазах. Медбрат

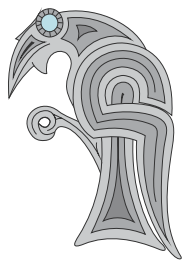

33...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

даже выхвали её у меня из рук, открыл крышку и выкинул в урну, лишив меня возможности «оставить на потом».

«Да что ж это такое-то! Ладно, придется и это сделать, может, тогда они наконец-то оставят меня в покое», — бубнила я про себя. Нет, исландцы были славные малые, и мне нравилось их общество — однако я опасалась, что они все-таки упекут меня в больничку, на что мои brave спасители постоянно намекали. Поэтому мне хотелось поскорее сбегать, пока они не передумали. Я стала пить, и тут поняла, какую чудовищную жажду я на самом деле испытываю. Теперь было уже меньше сомнений, что я действительно была похожа на человека, которому надо воды, что бы это ни значило. Мне сразу же стало намного лучше. На короткое мгновение я устыдилась своего поведения и протеста, однако быстро списала это на последствия шока, которые ещё оставались, потому что всё вокруг меня ужасно радовало, если не сказать «веселило».

Я уселась на лавочку — ту, что была залита солнцем, и принялась ждать ребят. Учитывая обстоятельства нашей разлуки, я приготовилась к длительному ожиданию. Возможно, мне придется провести тут ночь, ведь мы расстались с ними на самом краю слившихся городов, даже не в Рейкьявике. Наверное, они постараются выехать к побережью и двигаться вдоль океана, обращая внимания на торговые центры. В общем, это даже не имело значения, потому что день был таким чудесным, а мир — радостным. И жизнь продолжалась: дул легкий теплый ветерок, пахло морской солью, гудели двигатели проезжающих мимо машин, качались ветви деревьев. Солнце ласково пригревало, и казалось, что времени вообще больше нет, что это — одно единое вечно длящееся мгновение, сиюминутное бытие, постоянно возвращающееся в исходную точку с каждым порывом тёплого ветра, игрой солнца на согретых деревяшках скамейки. Я не знаю, сколько прошло времени. Ко мне подходили люди, спрашивали, что со мной и не нужна ли помощь. Одна женщина с коляской вручила мне целый ворох детских пластырей — знаете, такие, с изображением принцесс. Их было не меньше 20 человек, тех, кто хотел мне помочь, кто заговаривал со мной, с болью смотря мне в лицо. А я чувствовала к ним любовь. Но это не была любовь к людям — она была сродни любви к миру и к людям, как его проявлению.

Через пару часов ожидания появились ребята. Оказывается, чтобы найти меня, они обратились в полицию, которая, в свою очередь, связалась с медицинской службой, чтобы узнать, на какой именно остановке меня высадили. Смешные.

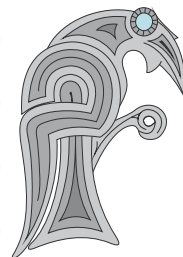
И вот мы все в сборе. Наконец-то сейчас сядем на автобус и доедем до кемпинга, где можно помыться, перевязать раны, поесть горячую еду и расслабиться, перевернуть страницу и оставить этот день в прошлом. Но как бы не так.

Я плохо соображала в то время — сознание и тело были вялыми и счастливыми. Поэтому задачу выяснять, на какой автобус садиться, куда и как ехать, доверила я своим спутникам. С приятным чувством выжившего мне была безразлична происходящая вокруг суета. Ребята что-то долго обсуждали, стоя на остановке, и в итоге приняли решение относительно автобуса. Он подошел, автобус № 1. Меня, как счастливое глупо улыбающееся бревно, они погрузили на сидение, а сами стали затаскивать велосипеды. Тут выяснилось, что в автобусе можно провозить только два велосипеда. Женщина за рулем стала ругаться на Энтони, чтобы тот поскорее вытащил третий велосипед — ведь автобусу пора ехать. Энтони крикнул Хении, чтобы она поехала за нами на следующем автобусе, а мы пождем её на остановке. Двери скоро захлопнулись, и я увидела опечаленное лицо Хении, которая махала руками и пыталась что-то сказать через стекло. Но мы уже ничего не слышали — как оказалось, оставили мы её в чужом городе без денег, документов, и связи с нами, ведь с собой в путешествие мы взяли только один старый мобильный телефон. Когда автобус отъехал, Энтони подошёл ко мне и заявил, что не знает, на какой остановке выходить. «Что за чёрт, — подумалось мне, — что же они тогда там полчаса обсуждали?»

— Пойди и спроси у водителя, — предложил Энтони. Так как сам он английского не знает.

«Вот чёрт! У меня нет на это сил — думать английские фразы, обращаться к людям, да ещё и с таким разбитым лицом — вероятно, придётся всё снова объяснять... ну почему, почему я не могу просто ехать куда-то на этом автобусе, чтобы меня оставили в покое?» — думала я с досадой, продвигаясь к женщине за рулём.

— С вами всё в порядке? — гримаса ужаса и отвращения исказила лицо водителя.

— Да, я просто с велосипеда упала. Нам нужна остановка у кемпинга. Подскажите, которая? — протараторила я.

— Вам нужна остановка Хаммаборг. Это через четыре остановки.

Мы принялись ждать. На табло высветилась остановка под названием «Асгард». «Оказывается, сюда ходят автобусы. А водительница, вероятно, внучатая племянница какой-нибудь валькирии», — веселилась я. Мы прибыли в Хаммаборг и дождались двух следующих автобусов, надеясь, что на каком-нибудь приедет Хения. Потом Энтони оставил меня на остановке, а сам поехал обратно к магазину у океана.

Меня радовало уже то, что пока не заставляют ничего делать — просто ждать. А покой — это было то самое, чего больше всего жаждала моя душа. К тому же, я просто знала, что с Хенией ничего не случится и мы встретим её в кемпинге. Шло время. Ко мне подходили люди и спрашивали, всё ли в порядке, не нуждаюсь ли я в докторе. Иные даже выходили из автобусов, а когда удостоверились, что всё в порядке, садились обратно и ехали дальше по своим делам. Удивительные люди.

Недалеко от остановки Хаммаборг располагалась живописная христианская церквушка. Оттуда вышли двое: чернокожий человек и священник. Они вели неторопливый разговор, священник что-то обстоятельно объяснял чернокожему человеку, а тот с загадочным лицом внимательно слушал. Когда парочка подошла к остановке, чернокожий увидел меня. Его лицо исказило искреннее выражение печали и сострадания, даже чересчур искреннее.

— Что с тобой случилось? Тебе, наверное, так больно. Мне очень жаль, — произнес он.

— Нет, на самом деле всё в порядке. Да, я упала с велосипеда, но я осталась жива. У меня остались целые руки и ноги, я могу ходить, видеть окружающий мир, разговаривать и дышать — и я счастлива от этого, — не знаю, зачем я так с ним заговорила, видимо, уж очень много страдания и сочувствия выражало его лицо, и мне хотелось, чтобы он как-то расслабился, ведь на самом деле всё, что я сказала, было правдой. Священник слушал мои слова и улыбался, поглядывал на чернокожего, кивал головой, — словно я воплотила в себе живое подтверждение его недавней проповеди.

Лицо чернокожего просияло, глаза заискрились восторгом.

— О, вы очень сильный человек! Да, я рад, что поговорил с вами! Пусть у вас всё будет хорошо, всё будет хорошо, я вам желаю счастья! И хорошего вам пути, — так сказал мне мой собеседник.

И двое сели в подошедший автобус.

Да — почувствуй себя провидением божеств.

Прошло несколько часов ожидания. Внезапно округа опустела — уже давно не было ни автобусов, ни ожидающих их пассажиров, кроме одного скучающего под козырьком остановки мужичка. Откуда ни возьмись появился целый эскорт из полицейских машин и скорой помощи. Сделав круг почета, вся эта процессия направилась в мою сторону. Так, понятно...

Из машин выбежали люди.

— Как ты себя чувствуешь? Что произошло? Кто это сделал? — наперебой стали спрашивать они.

— Все хорошо, я просто упала с велосипеда, а сейчас поджидаю моих друзей. Мы путешествуем. И ваши коллеги из скорой мне уже помогли и дали вот эти бинты. Не беспокойтесь, — стала уверять их я.

— А, так, значит, нас дезинформировали, простите.

Ребята из скорой дали мне пачку новых бинтов, и вся процессия поспешно укатила.

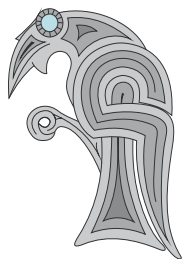
— Получается, тебя никто не избил? Ты просто упала с велосипеда, так? — поинтересовался мужичок под козырьком после того, как все уехали.

Так вот оно что! Вот тут-то я и поняла, что сидеть на остановке в Рейкьявике, в стране с минимальным уровнем преступности, с разбитым лицом и кровавыми ранами на руках и ногах было не очень предусмотрительно. Я решила уйти и подождать ребят на дальней лавочке.

35...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

Спустя какое-то время появился автобус, который привез Энтони. Мой друг не нашёл Хению, — мы решили отправиться в кемпинг, потому что больше искать её было негде. И не ошиблись. Оказывается, в кемпинге Хения не потеряла зря времени и рассказала нашу историю на ресепшене. Администрация связалась с полицией, которая, в свою очередь, дала распоряжение водителям автобусов передать нам весть, если мы повстречаемся им на остановках. Кажется, если бы этот день продлился ещё немного, мы попали бы в местные новости.

День мы пробыли в кемпинге, а уже на следующий решили выдвигаться. Движение приносило мне невероятную боль, особенно разбитые колени — кручение педалей велосипеда всё время мучило ещё свежие раны. От дувшего в лицо ветра тоже несладко саднило. Иногда от боли начинали течь слёзы, но залечивать раны в кемпинге было некогда. На это ушло бы не меньше двух недель. Было досадно так подставлять своих друзей — они-то здоровы. Я предложила им оставить меня, а самим поехать путешествовать, но ребята стали яростно отказываться, уверяя, что не бросят меня. И я поняла, что не имею права ставить перед ними такой моральный выбор. Тем более что с этой болью я могу кое-как справиться. И я продолжила свой путь, стиснув зубы и смеясь над чудовищной комичностью ситуации, — поиграй теперь в настоящего викинга, который весь в крови пробирается по суровой Исландии.

Закупались едой мы по большей части в самом дешёвом сетевом магазине в Исландии — Bonus. Макароны, овсянка, пакеты растворимой лапши, печенье и шоколад — вот и вся наша походная еда. Утром — макароны с сушеными грибами (привет с моей северной родины), а вечером — солёная овсянка (вкус Исландии). И больше практически ничего. Таким в основном и был наш рацион в этом путешествии. Надо сказать, еда меня тогда совсем не волновала. Когда душа наполняется природной красотой, когда сердце горит зовом дороги, все нужды желудка становятся несущественными — лишь бы не болел, а так — хоть мхом забей.

Ехали мы очень медленно, ведь каждое движение давалось мне большой ценой. На спусках было страшно — и не только из-за пережитого, но из осознания того, что раны снижают управляемость велосипеда. В тот день мы недалеко уехали и остановились на ночлег в какой-то лесной поросли между Рейкьявиком и городом Мосфедльсбайр. Мы постарались максимально спрятаться, чтобы нашу палатку не было видно с дороги.

Наутро мы приготовили макароны на топливе, которым разжились в столичном кемпинге: там был отведен специальный уголок, где путешественники могли оставлять ненужные вещи, а другие могли бы их забирать. Так мы обзавелись топливом на весь поход — банка бензина, бутылка красного спирта и куча баллонов с газом. Скрепя зубами и изображая немые рожицы страданий, я забралась на велосипед, и наш путь продолжился. Во второй половине дня мы добрались до Тингведлира. Поставили палатки на территории местного кемпинга и ушли смотреть поля Тинга.

Был чудесный тёплый день, светило солнце, и в воздухе гулял лёгкий ветерок. Мы вышли к обзорной смотровой площадке, откуда открывался вид на всю долину: система водоёмов куталась в зелёные шарфы островов и небольших холмов. В воздухе стояла замершая в тихом спокойствии древняя сила. Прямо посреди долины, как след от проползшего здесь Ёрмунганда, тянулось ущелье, окаймлённое с двух сторон отвесными скалами. Откуда взялось оно тут, посреди тишины? Вот она — невероятная сила Земли, спящая и страшная. Ведь эта священная скала — рифт. Именно здесь проходит разлом

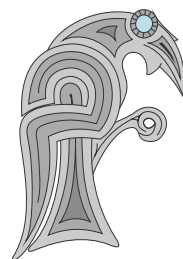
земной коры, разделяющий Европейскую и Северо-Американскую литосферные плиты и тянувшийся дальше, в Атлантический океан, формируя срединно-океанический хребет. Здесь рождается новая земля, новый материк. Когда-нибудь между этими двумя скалами, расстояние между которых сейчас не превышает 20 метров, пролягут горы и равнины, новые страны и города, новые истории, славные свершения и тихая мирная жизнь. Кто-то будет рассказывать истории у костра, кто-то — тихо грустить, глядя на пушистые хлопья снега, а земля будет держать их в своих ладонях до поры, пока не настанет время перемен. Где-то глубоко внизу бурлят потоки лавы, волнуются перед выходом в свет, новые камни готовятся к рождению, для того чтобы обрести, наконец, бессмертие. Как здорово оказаться в таком месте, как здорово чувствовать себя силой, создающей камни. Стоит лишь прижаться к земле — и ты уже становишься ей, через призму человеческого тела приходит ощущение, как дрожит земля, как от этого тревожно вздрагивают спящие травы, как что-то вечное и древнее с утробным вздохом приходит в движение и создается что-то вечное и молодое. И ты знаешь, что будешь жить так же долго, как и эти юные скалы.

В долине Тингведлира находится самое большое озеро в Исландии — Тингвадлатн, а ещё 4 действующих вулкана. Мы прошли по маг(мат)ическому ущелью и увидели водопад Ёксараурфосс, что образует на скалах река Ёксара. Он был весёлым и шумным, как и все водопады, радостно сбегал по камням и верещал от счастья, как ребенок на снежной горе. В сравнении с ним спокойная гладь Тингвадлатна казалась проявлением мудрости и взрослой рассудительности. Впрочем, наверняка и не скажешь, кто из них поистине мудр. Вода, как и мы, её дети, — непостижимая вещь.

Мы не встретили много людей на своей прогулке, хотя это место — достопримечательность. Здесь можно найти разные таблички, рассказывающие занимательные факты. С 930 года эти скалы и долина служили исландцам местом сбора, где решались законодательные и судебные вопросы. Там же находилось и место казни. Как мы узнали, мужчин древние исландцы казнили через повешение, а женщин топили. Чудесенько.

37...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

Весь следующий день мы проезжали зелёные луга с овечками и лошадьми, золотые поля с исландскими хуторами, разделяющие их реки и небольшие холмы.

Нашей целью на сегодня была долина гейзеров — единственное в Исландии место, где есть гейзеры. Сам Гейсир, от которого и пошло слово «гейзер», выбрасывает свои воды в строго определённый момент, и во время нашего прибытия он спал, мирно булькая водичкой. Зато рядом находился гейзер Строккур, который фонтанировал каждые 5 минут. Причём иные залпы воды были очень высоки — метров 20 точно, а иногда Строккур выбрасывал маленькие «плевки» высотой едва ли с рост человека, чем вызывал неодобрительное улюлюканье окружающих его туристов. Было здорово пытаться подловить момент, чтобы успеть его сфотографировать или заснять на видео. У меня гейзер вызвал необъяснимую радость, прилив сил, энергии и хорошего настроения. Люди ждали, люди кричали ему «гей-зер, гей-зер, гей-зер, да-вай» и хлопали в ладоши. И все ликовали, когда стремительный поток вырывался из своего каменного плена. Мне не хотелось уходить от гейзера. Как это только можно вообразить, что земля выплёвывает такие фонтаны тёплой воды сама, без вмешательства человека? Было как-то досадно, что ночью никто не станет смотреть на радостный гейзер, хотя он всё равно будет продолжать своё дело. Может, это и есть чистая красота, которая существует сама по себе, — не важно, видит ли её кто-нибудь или нет. Так странно было удивляться этому, близоруко возомнив, что гейзер работает для праздных туристов вроде нас. Привыкли в цивилизации, что вся радость в этом мире — для людей. А гейзеру нет до этого дела в его чистом величии, но для меня он стал символом и напоминанием — когда завертишься в суматохе будних дней, полезно вспомнить, что где-то есть гейзер, который выбрасывает в воздух радость независимо от того, видит ли кто-нибудь его красоту.

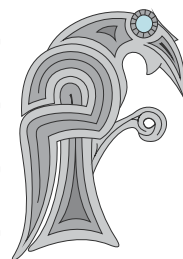
... 38

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№20
2018

Отведав с утра неизменные макароны с грибами, мы отправились дальше. Светило солнце, день был тёплым и радостным. Вокруг простирались всё те же луга с овечками, а на горизонте виднелись очертания далёких гор. Мы доехали до большой трещины в земле, по которой мчался бурный поток. На полянке возле расщелины нашлось немного свежесвыросших грибов, которые мы собрали для завтрака. Продолжив свой путь, мы достигли водопада Гульфосс. Он был широк и могуч — это первое определение, которое у меня возникает в голове при мысли о нем. Гульфосс имеет два порога или ступени и обдаёт своими брызгами прохожих. Это всё тот же мощный поток, который мы встретили по пути. На один участок водопада лёг мост радуги, через который прыгали искрящиеся на солнце брызги. Было хорошо гулять у воды, слушая её рев, и ловить щекой блестящие капли. Но на горизонте уже виднелись далёкие горы с их ледяными шапками, которые начинали тихо нащёптывать, приманивая нас к себе.

Мы отправились дальше. Энтони вычитал в каком-то отчёте, что можно чуть сократить маршрут, пройдя по тропе через предгорья. Это сэкономило бы нам два дня пути. Судя по отчёту, где-то должна была быть хорошая грунтовая дорога, по которой ходят внедорожники. Мы следовали карте и компасу и вскоре нашли, как нам тогда казалось, нужную отворотку — стали затаскивать наши велосипеды со всей поклажей в горы. Мы продвигались крайне медленно и тяжело, и за один день точно не осилили бы этот переход. Да и дорога выглядела редко используемой — в душе у меня появились сомнения. С большим трудом мы забрались на хребет этих холмов, таща за собой велосипеды с поклажей. Там дорога раздваивалась — одна часть вела дальше, а другая терялась в траве. Мы двинулись по отворотке, и вскоре я заметила, что долина внизу тянется параллельно хребту, и получается, что это неверное направление — ведь мы должны были идти через горы, а не вдоль них. В итоге, этот довод наконец-то показался моим спутникам разумным, мы оставили велосипеды и пошли разведать маршрут без них. Через час ходьбы мои друзья наконец-то убедились, что эта дорога не ведёт через горы и, возможно, нужной тропы уже нет, а наша карта устарела.

К тому времени уже свечерело, мы вернулись к велосипедам и решили заночевать в этой мягкой моховой тундре. Было тепло, светило вечернее солнце, мы с Хенией стали собирать пахнущие лавандой малиновые цветочки — как потом выяснилось, это был какой-то местный вид чабреца. Вот уж чудесно — я запах чабреца узнаю из тысячи трав, а вот этот пах лавандой и остался неузнанным.

Следующим утром мы проснулись в тундре и стали спускаться обратно. Вся наша трудная дорога вверх оказалась напрасной — пришлось отправиться в объезд гор. В середине дня нам встретился водопад Хьяулпарфосс (водопад помощи) — он тёк между причудливых

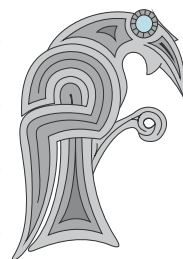

базальтовых скал, как будто сложенных из блоков. Кто-то ловил там рыбу, зайдя по поясу прямо в воду. Мы полюбовались немного водопадом и отправились дальше. Местность сменилась. Вместо фермерского уюта с зелёными полями и пасущимися овечками, нас стала окружать какая-то безликая серость. Через час начался первый дождь, который быстро пролился и перестал. Мы ещё проехали часа два и встали прямо у дороги — метрах в семи на самом берегу реки какого-то мутного молочного цвета. А по ту сторону над нами возвышался вулкан Гекла, окутанный туманом.

Та дорога, по которой мы хотели пройти через горы, была отмечена на карте, вывешенной в городе Флудер. Отмечена она была жирным пунктиром и вовсе не казалась заброшенной или не существующей. Выходит, мы её просто не нашли, свернув не там. В отчёте писали, что если пройти этой дорогой, по пути можно встретить малоизвестный, но самый прекрасный водопад в Исландии — Хайфосс. И мы решили пешком добраться до него с другой стороны гор. Доехав к отворотке на водопад, мы спрятали в кустах велосипеды и стали взбираться на холмы. Поднимались долго, шагая всё выше и выше по серой дороге, петлявшей среди камней и кустов. Спустя два часа мы увидели озеро внизу и долину. Это не соответствовало рельефу местности, отмеченной на карте. Опять заблудились, свернув не туда, снова не можем найти эту дорогу через горы — теперь уже с другой стороны! Прикинув наше положение и направление дорог, мы решили срезать напрямик через тундру, хотя идти пришлось намного труднее.

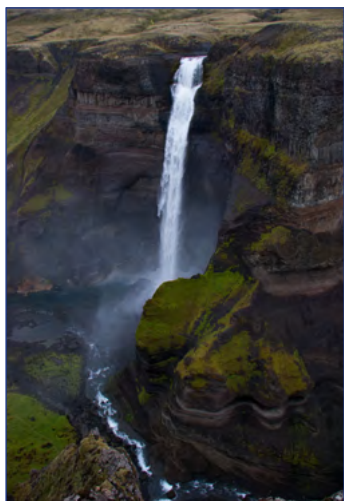
Шёл мелкий морозящий дождь, заволакивая округу белесой пеленой. Иногда на нашем пути встречались мшистые долинки маленьких ручьёв. Во время привала я опустилась на колени возле одного такого места, а потом и вовсе легла на мокрый мох, чтобы оказаться на одном уровне с этим миром, чтобы на несколько минут попасть туда. На тонких ножках дрожали шарики кукушкиного льна, задеваемые морозящим дождём, миниатюрные цветы ютились под кочками, прижимаясь друг к другу. По горкам из небольших камней стекали крошечные водопады, находящие покой в блестящих лужах-озерцах. Сквозь тучи иногда проглядывали лучи солнца, и тогда весь этот мрачный маленький мир начинал искриться и сверкать. Мох мягко касался щеки и ароматно пах, лёгкая дымка стелилась вдоль убегающего ручья. И вот ты как будто сам идёшь по этим холмам, не задевая ни травинки, зацепившись за подхваченный ветром листок, переносишься на самый большой камень, откуда можно разглядеть всю долину. Ты стал таким же салатново-зелёным, как и всё вокруг, и невидимым посторонним взорам. Тебе нравится этот морозящий дождь, ведь когда выглядывает солнце, капли сверкают в его свете, и кажется, что это самый важный миг — в эти секунды творится непостижимый человеческой речи разговор. Держась рукой за ствол кукушкиного льна, я наблюдала, как верно перетекает вода от озерца к озерцу, через водопады и дальше, стремясь по своему пути. А мне так же верно пора было возвращаться к своему. Но этот маленький мир запомнился мне не меньше, чем те величественные ледники и страшные горы, что ожидали нас впереди, хотя такую достопримечательность не отметят ни на одной карте.

В итоге, ходьба по мокрой тундре подарила нам первую стадию промокания наших ботинок, которым было не суждено высохнуть ещё много дней. Но пока мы об этом не подзревали и, бодро шагая, вышли все-таки на нужную тропу, которая оказалась довольно большой и часто используемой.

Наконец-то появился указатель на Хайфосс. Дождь утих, и появились солнечные лучи, — Исландия как будто дарила нам этот водопад: «хорошо, теперь заслужили, можете полюбоваться, только не долго», — звучала её немая речь. Мне вспомнился один из отчётов велосипедистов, которые тоже с невероятным трудом добрались сюда, но всё вокруг было покрыто туманом, и водопад им так и не удалось разглядеть. Кажется, нам повезло. Да, это не просто какой-то водопад, которых можно увидеть множество — маленьких и больших, а это, пожалуй, самый красивый водопад, который я видела в своей жизни. Мы смотрели на него сверху вниз, а он обрушивал свои воды в какие-то гроты, выделанные им в скалах. Высота его более 100 метров, и где-то далеко внизу виднелась река, убегающая по прекрасной гористой долине, огибая холмы и блестя на выглянувшем солнце. Водопад разделялся на два потока, мощно ревущих каждый в своём гроте. Внизу из породы образовалась симпатичная каёмочка, похожая на цветок. Брызги воды долетали до нас, принося с собой дыхание ледяной реки. Было в этом месте величие и безмолвие. Мне кажется, все те трудности, которые нам пришлось преодолеть на пути сюда, того стоили. Мы вернулись к велосипедам и поставили палатку недалеко от дороги, рядом с каким-то выдолбленным людьми каналом.

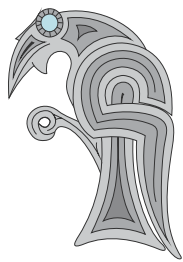
Следующий день оказался невероятно трудным. Это был путь в Ландманналейгар — край разноцветных пластилиновых гор. Проехав час по асфальту, мы свернули на грунтовку — по указателю на вулкан Гекла. Спустя какое-то время дорога под нашими колесами стала чёрной-пречёрной, состоящей из мелкого вулканического песка. Созвучные ей чёрные пустынные предгорья переваливались за горизонт. Было пасмурно и ветрено. Качались под холодными порывами одинокие цветущие пучки травы, упорно цепляясь за чёрный песок. Вдалеке гуляла овца, непонятно зачем забравшаяся в столь мрачный край.

41...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

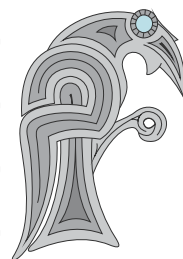

Черная дорога монотонно тянулась, спуски были испещрены выбоинами в грунте и приправлены многочисленным гравием, так что наши велосипеды скакали как зайцы. Вверх, вниз, снова вверх, ровный участок, и опять подъём. Мы ехали и ехали, и я уже потеряла счёт времени. Потом пошёл дождь. Он всё лил и лил, и тогда мы ещё не знали, что теперь это навсегда. Поднялся ледяной ветер, — видимо, вечерело, но мы не замечали времени, упорно продвигаясь вперед сквозь мокрую черноту. Далёко позади осталась отворотка на Геклу — в итоге, нам так и не довелось познакомиться поближе с этой красавицей, Исландия решила только издали на неё посмотреть. Мы ехали под дождём и холодным ветром, согреваясь предвкушением горячего чая и тёплого душа в кемпинге, уже порядочно уставшие и продрогшие. И тут впереди показался первый брод. Я первой добралась до него и хотела поскорее преодолеть, потому что стоять на месте и ждать ребят было очень холодно. Табличка с надписью Ландманалейгар указывала, по какой из двух дорог по ту сторону от брода нужно следовать. О том, куда вела другая дорога, табличка таинственно молчала.

Брод был очень широким и на вид глубоким. Я сняла велорюкзак и сначала перекаатила на другую сторону велосипед. Горная вода, как ей и полагается, была до боли ледяной, а река в том месте разлилась широко, образовав островки и ответвления. Ноги превратились в горящие ледышки после первых двух минут пребывания в воде. Как только я вернулась на берег за рюкзаком, увидела две машины, которые за бродом выбрали другую дорогу. Появились сомнения. Тут подъехали ребята, и мы стали решать, по какой все-таки дороге ехать. Мы ещё раз рассмотрели указатель, и оказалось, что там было написано не «Ландманалейгар», а «Ландманакхелир». Вот же подстава! Мы ещё уточнили дорогу у машины, возвращавшейся обратно, для чего я встала прямо поперек её движения. Да, Ландманалейгар был в другой стороне. Мы потихонечку перетащили велосипеды и мои оставшиеся вещи через брод, потом я пошла за своим двухколёсным товарищем обратно по ледяной воде. Чтобы не обходить много, я решила срезать напрямик, но сильное течение сносило нас с велосипедом, и я не устояла босыми онемевшими ногами на острых камнях, ведь уже минут 20 я ходила по этому броду. Я провалилась в реку по пояс, сразу промокнув до нитки. Выбравшись на сушу, я ощутила, как порыв ледяного ветра выдувает из моего продрогшего и измученного тела те жалкие крохи тепла, которые я так трепетно берегла. Затянувшиеся было раны размокли и вновь стали кровоточить, и уже было не разобрать, что стало невыносимее — всепоглощающий холод или раны, трущиеся об одежду. А дороги не было конца, до Ланда оставалось ещё километров 20 по горам, и это был только первый брод. Лил дождь, дул ветер, и мне захотелось кричать от отчаяния и безысходности.

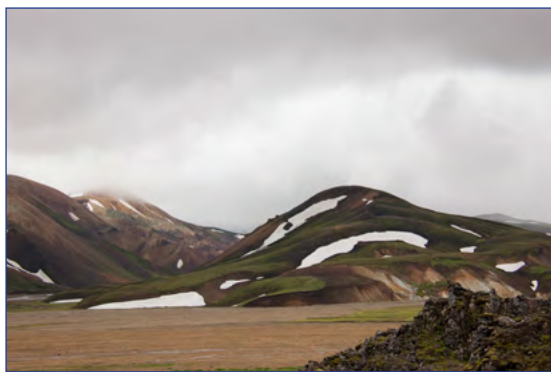
Хотя продолжать путь было очень холодно, стоять на месте ещё несносней. В какой-то момент мы подумали поставить палатку и переночевать на этом ветру. Но жажда горячего душа и чая гнала нас в Ланд, придавала душевных сил. Вскоре появился ещё один брод, но помельче, однако и его пришлось проходить босиком. Через следующий брод Энтони перенес нас с Хенией на спине, так как он всё равно промочил ботинки, не желая идти босиком по острым камням. Были и ещё броды, но воспоминания о них стерлись, потому что счёт им был уже потерян. Кажется, каждые 100 метров наш путь преграждала ледяная змея воды. Я помню, что было нестерпимо холодно и отвратительно опять и опять заходить в эту воду. А тем временем, как в насмешку, показались неземной красоты горы, скрытые плотным туманом. Они были как будто из пластилина, преимущественно зелёного цвета, но встречались и рыжие, и чёрные, с таким же пластилиновым снегом в их овальных ложбинках. Контуров были округлыми, плавными и не походили ни на одни известные мне горы. И какие фантастические долины с ярко-бирюзовыми озёрами скрывались от нас за пеленой тумана, дождя, холода и усталости. Я могла разглядеть только слабые очертания гигантских касаток, что проплывали мимо нас в холодном молоке. Туман усиливался, и в провалах между гор синели матовой пастелью водоёмы, по которым плыли лебеди. Да, это были лебеди — я видела очертания белоснежных птиц с длинными шеями. С досадой в сердце я проезжала мимо этих сказочных земель. Исландия скрыла от наших глаз одно из самых волшебных своих богатств, несмотря на всё то, что нам пришлось преодолеть.

Чтобы хоть как-то согреться, я включила максимальную скорость, и эта покрытая туманом красота стала стремительно проноситься мимо. Всё, что я помню — мне было так холодно, что это уже казалось вопросом жизни и смерти. Двигаться, как можно быстрее двигаться, ведь с каждой минутой ледяное чудовище забирается внутрь через каждую пору на коже. Пальцы на руках были зажаты в кулаки, чтобы унять боль, бушующую в них. Я ехала,

опираясь кулаками на руль, — вперед и вперед, уже не понимая куда, зачем, и когда же будет конец всему этому. И вот мимо меня пронесся указатель, что до места нашего назначения осталось 5 км. Я почувствовала облегчение и тихую радость. Через несколько спусков оказалась долина с разноцветными пупырышками палаток. Когда я добралась до кемпинга, то первым делом спросила о ресепшене, на что встреченная женщина мне ответила, что всё закрыто и работает лишь до 10 вечера. «Уже больше десяти вечера?» — изумилась я. Эта её фраза меня тогда поставила в тупик — я почему-то и не подозревала, что уже так поздно. На самом деле было 20 минут двенадцатого. Мы добирались сюда 15 часов подряд. 15 часов испытаний холодом.

Наконец наша палатка примостилась посреди кемпинга. Людей было не очень много. Я схватила туалетные принадлежности и помчалась в душ, желая воплотить мечты о горячей воде и согревании. «Ещё немного, уже вот-вот будет тепло», — думала я, стуча зубами и открывая трясущимися руками дверцу душевой. Однако тут меня ждал подходящий подарок. 5 минут горячей воды стоили 500 крон (250 р), которые надо было монетками засунуть в автомат. У меня были с собой 500 крон, но в виде банкноты. Как мне объяснили туристы, разменять можно на ресепшене, который сейчас не работал. Выменять у встречных людей не получилось, а бегать по кемпингу и искать сговорчивую душу уже не было сил, да и час поздний. Меня охватила досада, и обида подавляла желание что-то предпринимать. Раз уж я зашла в кабинку, то решила хотя бы переодеть здесь вымокшую одежду. Было противно надевать чистое и сухое на измученное грязное тело. Я решила проверить, может, вода всё-таки включится — вдруг произойдет чудо? Кран с Горячей издал недовольное урчание, а вот госпожа Холодная полилась щедро и бесплатно. И вот он, достойный финал этого безумного дня с ледяным ветром, продувающим до потрохов, дождём, заливающим глаза, холодными бродами с острыми камнями и самым из них чудовищным — туманом, укравшим у нас красоту — вот он, исландский освежающий душ из горной реки! Помню, что сердце от такого поворота просто бешено забилось. Все чаяния и надежды о тепле, горячем чае и душе разбились в прах. Ресепшен вместо теплого домика представлял собой маленький ларёк, кухня была под открытым небом, совсем не защищенная от ветров и холода. Выбравшись из ледяного душа, я помчалась в палатку, залезла в спальник и сразу уснула, наконец-то обретя немного драгоценного тепла.

Продолжение следует...

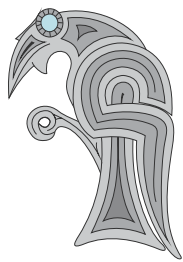
Для связи с автором пишите на kaisa.varzuga@gmail.com

43...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

Бодиль ПЕТЕРССОН

Путешествие к первоистокам

*Современные резчики
рунических камней*

*Перевод статьи выполнен силами
Хранителей Традиции
https://vk.com/keepers_of_the_tradition*

Аннотация

В данном тексте рассматривается феномен современных резчиков рунических камней в Скандинавии. Используя древние символы при резьбе, современные резчики пытаются оживить мастерство, имеющее важное историческое значение, которое также несет индивидуальные аспекты как в прошлом, так и в настоящем. Но почему в наши дни люди вырезают и возводят рунические камни? Когда и где это делается? Каковы их явные и неявные цели? В данной статье автор попытался ответить на эти вопросы и выяснить, какую роль общества прошлого играют в современном мире. Очевидно, что подобная практика проявляется прежде всего на территории скандинавских стран, но идеи, зародившиеся еще в эпоху викингов, получили распространение по всему миру. Так, например, рунические камни можно встретить в Германии, Нидерландах, Польше и Канаде. Индивидуальные проекты зачастую отображают образ жизни в той или иной местности. Был сделан вывод о важной роли прошлого во взаимодействиях людей, краткосрочных перспективах, ремеслах и устойчивом развитии с течением времени. Вырезание и возведение рунических камней сегодня является одной из форм путешествия к идентичности.

Множество рунических камней

Взгляните на все эти рунические камни! Всего несколько лет назад для меня был очевиден и неоспорим тот факт, что рунические камни являются памятником эпохи викингов или средневековья, и что они были вырезаны с целями, о которых у меня не было достаточных знаний, но основываясь на том, что я читала и слышала, я могла предполагать, что они так или иначе были связаны с родом, традицией и территорией. Сейчас я вижу, что всё не так просто. Время от времени рунические камни возникают в самых неожиданных местах, и некоторые из них окрашены в великолепные цвета. На древних рунических камнях, как правило, не сохранилось каких-либо оригинальных цветов. Следовательно, цветные рунические камни могут являться либо заново окрашенными оригиналами, либо совершенно новыми памятниками.

Кем являются сегодняшние резчики рунических камней? Как они сами оценивают себя и свое ремесло? В каком контексте они работают? Как отдельные резчики рун формулируют для себя задачу по резьбе рун в начале XXI века? Что заставило их объявиться именно сейчас? И кому нужны камни и монументы с руническими надписями в наше время? В данной статье я попыталась выяснить, что сегодня могут вкладывать в процесс резьбы рун и возведения рунических камней. Принято считать, что резьба и возведение рунических камней так или иначе связывались с идентичностью. Я попробовала выявить её отношение не только к прошлому, но и к будущему, к памяти современных людей и явлений.

Резьба по камню

Издавна людям было известно, что сообщения, оставленные на камнях в прошлом, могут храниться если не вечно, то в течение весьма продолжительного времени. Похоже, история решила не менять эти правила. Несмотря на суровые погодные условия, с которыми приходится сталкиваться камням, они по-прежнему остаются лучшим средством передачи информации за пределы своего времени. Вероятно, именно в этом и есть очарование резьбы по камню. Воспоминания, зафиксированные в камне, обретают бессмертие. Резьба по камню становится способом продлить как свою жизнь, так и жизнь всей эпохи. Современные носители данных не сравнятся с камнем. Сегодняшние архивы однажды размагнитятся и окажутся, таким образом, недоступными для будущих поколений. Единственный способ сохранить такую информацию — регулярное обновление информации и технологий производства.

С конца эпохи викингов в Скандинавии осталось более 3000 рунических камней, географически расположенных от юга Скании до Лофотенских островов на севере (Сойер, 2000). Также там можно встретить более древние рунические камни, которые датируются ранним железным веком (похоже, автор говорит про ранний германский железный век, который имеет датировку приблизительно с 400 по 550 год — прим.). Их намного меньше, а рунические надписи вырезаны с использованием более старого рунического алфавита. Одним из примеров старых рунических камней является камень из Бьеркеторпа (Björketorp stone, Blekinge), который датируется VII-VIII веком. Такие древние камни обычно связаны с погребениями. В рунических надписях можно встретить заклинания, в том числе защитные, которые, вероятно, должны были защитить памятники от серьезных разграблений и разрушений (Янссон, 1963). В эпоху викингов рунические камни возводились с середины X века и до начала XII века (изображение 1).

Изображение 1: рунические камни в Еллинге, Дания. Фото Йес Виенберг, 2008 г.

Поскольку резчики рун нередко оставляли свои имена на камнях, можно с уверенностью говорить, что этим занимались в основном мужчины. В то время, когда письменность еще не была распространенным знанием, резчики рун, вероятно, были весьма востребованы, потому как были в состоянии передать сообщение потомкам. Рунологи могут различить отдельных резчиков рун по именам. Примерами таких резчиков в центральной шведской области являются Варин (Varin), Алрик (Alrik), Асмунд (Åsmund), Ливстен (Livsten), Балли (Balle), Висэт (Visäte), Фот (Fot) и Эпир (Öpir). Тем не менее, в одном только Уппланде подписи есть не более, чем на 13%

45...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

рунических камней. Одним из объяснений является то, что профессионализм резчиков рун повышается к концу эпохи викингов (Захриссон, 1998, стр. 126; Соьер, 2000, стр. 27).

Обычно рунические камни рассматривают в качестве работы, выполненной на заказ опытными каменщиками. В соответствии с информацией, представленной в надписи, клиентами могли быть как мужчины, так и женщины. Типичный пример такой надписи: «Гюве воздвиг этот камень в честь Олава, его сына, очень хорошего человека. Он был убит в Эстонии. Хавард камень вырезал» (Камень из Фрюгарда, западный Готланд, Швеция; интерпретация взята из книги Эриксона и Стрид, 1991, стр. 84). Человек погиб в чужой стране, и память о нем увековечивается в камне на его родной земле. Согласно наиболее устоявшейся интерпретации, камни возводились родственниками в память об умершем человеке или группе лиц, которые сделали нечто значимое. Другая интерпретация гласит, что камнями отмечали важные границы или территории, связанные с упоминаниями в рунических надписях. Куда более противоречивой интерпретацией является та, в которой рунические камни рассматриваются в качестве документов о наследстве (такая версия была представлена Биргит Соьер в 2000 году).

Обычно рунические камни располагаются в одних и тех же местах. Их возводят вблизи дорог, водных путей и мест народных собраний, чтобы как можно больше людей смогли увидеть то, о чем говорится на камне. Большие рунические надписи также можно найти на плоских (лежащих) камнях и каменных плитах. Таким образом, отнюдь не все рунические надписи были сделаны на отдельно возведенных камнях. Многие камни возведены на кладбищах или рядом с ними; предположительно, они были частью более крупного монумента (Стальбом, 1994, стр. 46; Петерсон, 1995, стр. 89; Соьер, 2000, стр. 26).

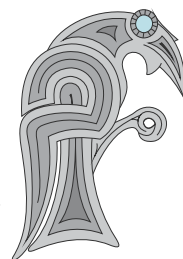
На территории Мэлардалена (Mälardalen) в Швеции находятся примеры наиболее выдающейся рунической резьбы. Рунические камни в этой области, с их продвинутой дополнительной графикой и сложными текстами, часто берут за основу, когда в шведских статьях идет упоминание о рунических надписях. В Дании обычно на ум сразу приходит большой рунический камень из Еллинга, который стал прототипом для этой области. Это роскошный камень с тонкой резьбой в сочетании с исторически интересным текстом о том, как Харальд Гормссон (*он же Харальд Синезубый — прим.*) объединил королевство и сделал датчан христианами. Большой рунический камень из Еллинга во многом отличается от других датских камней с надписями. Зачастую это большие и красивые рунические камни с хорошо известными текстами и узнаваемым дизайном, который часто демонстрируется в наше время. В Норвегии находится самый северный из заново открытых рунических камней эпохи викингов в Скандинавии — камень из Гимсёй (Gimsøy stone, Lofoten), датированный второй половиной X века. Сегодня этот камень находится не на своем первоначальном месте, он был перемещен в музей Тромсё (Tromsø Museum). Самый северный рунический камень эпохи викингов в Швеции расположен на острове Фрёсён (Frösön, Jämtland). Он возведен в память об умершем человеке, который сделал нечто значимое. Вместе с большим руническим камнем из Еллинга он рассказывает историю перехода от язычества к христианству.

Около 1200 года в Норре Осум (Norra Åsum, Scania) был вырезан и возведен рунический камень, который современные рунологи называют одним из наиболее важных с точки зрения истории. В частности, Свен. Б.Ф. Янссон пишет следующее: «С культурной точки определенный интерес представляют мемориалы Абсалона (Absalon) и Асбьёрна (Åsbjörn Mule) из-за необычной формы рунических камней. Возведение камней такого рода так поздно, в XIII веке, то есть спустя почти два века после завершения возведения рунических камней в Скании, мягко говоря, удивляет. Это можно объяснить любовью архиепископов к античности и ее памятникам. Для Абсалона рунический камень из церкви Норры Осум мог выглядеть как надлежавший и значимый памятник» (Янссон, 1963, стр. 171, мой перевод).

Рунические камни высоко ценятся историками, а также лингвистами и археологами. Они рассматриваются как феномен, сочетающий в себе свойства артефакта и одновременно с этим раннего письменного источника. В процессе комбинирования текста и изображения рунический камень становится многогранным документом своей эпохи (Андрен, 2000).

Изготовление рунических камней не прекратилось после эпохи викингов и средних веков. Йохан Буре (Johannes Bureus), первый антиквар Швеции, поспособствовал пробуждению раннего интереса к руническим надписям в начале XVII века. Рунические надписи XVII века были сделаны в основном на надгробных плитах. Рунические камни, возведенные в период с XVII по XIX века главным образом связаны с расцветающим интересом к антиквариату и влиянием национального романтизма. В конце XX и в начале XXI века интерес к прошлому и желание

воссоздать прошлую жизнь только усилились (см. Петерссон, 2003). В результате сегодня появляется все больше активных резчиков рун, и в наши дни мы можем наблюдать настоящее возрождение искусства резьбы и возведения рунических камней.

Назад в настоящее

В этой части я хотела бы представить нескольких современных рунических резчиков, а также то, что они создали, что именно говорят нам их рунические камни и как они относятся к прошлому, настоящему и будущему.

Постоянно растущий интерес к истории и практика культурного туризма породили спрос на события, позволяющие узнать и понять викингов через собственное восприятие. Такие возможности предоставляются на ярмарках и фестивалях викингов, которые проходят в течение всего летнего сезона на территории Скандинавии и в других частях Европы. Помимо обычной торговли, на таких ярмарках также практикуется ремесленное производство. Руническая резьба занимает здесь особое место. Иногда резчики рун приглашают всех желающих принять участие в возведении рунического камня в память о каком-либо событии.

В реконструкции деревни викингов в Фотевикене (Foteviken Viking Reserve, Scania) находится рунический камень, который вырезал Эрик Рыжий Сандквист (Erik the Red Sandquist) в 1997 году. Надпись гласит: «Горан, Стеллан и Бьёрн возвели камень, где погибло много людей. *Pugna Forensis* снова жива. Эрик Рыжий вырезал» (изображение 2). Надпись относится к историческому событию, битве при Футевикене, которая проходила неподалеку в 1134 году. *Pugna Forensis* переводится с латыни как «битва на рынке» (это историческое событие упоминается средневековым датским историком Саксоном Грамматиком в его книге *Gesta Danorum*; см. также Сковгаард-Петерсен, 1970, стр. 50 и далее). Первые три имени — это Горан Хольм, член комиссии муниципалитета Веллинге, Стеллан Карлссон, представитель Ассоциации музеев Фалстербонасета (Falsterbonäset Museum Association) и Бьёрн М. Якобсен, руководитель музея Футевикена, который управляет заповедником (подробнее: www.fotevikensmuseum.se). Текст хорошо вписывается в традицию увековечивать в камне события, человека или группу людей, совершивших что-то значимое. Настоящее связано с прошлым для создания памятного события — но когда же это произошло на самом деле?

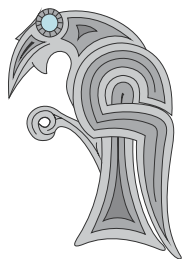
Изображение 2: рунический камень, вырезанный Эриком Рыжим Сандквистом в 1997 году в Футевикене. Фото Йес Виенберг, 1997 г.

47...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

Современные рунические камни возведены сегодня во многих странах, не только в Скандинавии. Большинство свежих рунических надписей можно найти на камнях Дании, Швеции, Норвегии, а также в Исландии и Гренландии, в Польше и Канаде. Подавляющее большинство камней вырезаны по особым случаям, зачастую весьма неопытными людьми. Тем не менее, в Скандинавии в конце 1990-х — начале 2000-х гг. укоренились несколько профессиональных рунических резчиков. Несколько раз эти профессиональные каменщики получали соответствующие заказы.

Я не стану приводить полный список всех резчиков рун, действующих сегодня в Швеции, Дании и Норвегии. Вместо этого я выбрала тех, кто состоит в викингских сообществах, существующих в наши дни на территории Скандинавии и Европы. Они действуют в контексте, который связан с современными сообществами викингов и движением реконструкторов. (Историческая инсценировка является попыткой воссоздать исторические события или конкретный исторический период. Подобные сообщества существуют во всем мире, они воссоздают различные события, такие, как, например, гражданская война в Америке или эпоха викингов. Для представления об исторической реконструкции и ее распространении см. английскую Википедию по запросу «Historical reenactment».) Некоторые из рунических камней вырезаются и возводятся сообществами, которые характеризуются приверженностью к эпохе викингов, ее обычаям и традиции. Другие камни появились благодаря музеям и, таким образом, эти камни и вырезанные на них надписи сразу же прошли необходимую экспертизу. Они создавались в качестве образовательной программы для взрослых и как элемент сегодняшних мероприятий на тему викингов, включая ярмарки и фестивали. Чтобы получить наиболее полное понимание деятельности современных резчиков рун, я провела интервью с Эриком Рыжим Сандквистом.

Эрик Рыжий Сандквист

Эрик Рыжий Сандквист является резчиком рун, практикующим в Дании. С 1995 года (по 2009) он вырезал 57 камней. Они были возведены в Дании, Норвегии, Исландии, Гренландии, Англии, Голландии, Германии и Польше. Все возведенные им камни были задокументированы Национальным Музеем в Копенгагене. На этом настаивал сам музей, поскольку руководство не хотело, чтобы в будущем современные рунические камни путали с оригинальными.

Сандквист является членом группы реконструкторов Brimir, которая прежде всего сосредоточена на ремесле (www.brimir.dk). Он увлекается ремеслом и самостоятельно выучился на резчика по камню. Он работает вместе с археологом Оле Тируп Кастхольм Хансенем (Ole Thirup Kastholm Hansen). Вместе они написали статью о том, какие инструменты могли использовать резчики рун. Статья является продолжением работы датского рунолога Эрика Мольтке (Erik Moltke), который в 1980 году установил (Нильсен и Мольтке, 1980), что в эпоху викингов для этой цели использовался «остроконечный молот» (pikhammer). Но с точки зрения практика, имеющего опыт использования различных инструментов для работы с руническими камнями, Сандквист и Кастхольм Хансен считают наиболее вероятным, что резчики рун эпохи викингов использовали зубило и молоток (Кастхольм Хансен и Сандквист, 2004).

Помимо резки рун, Сандквист также известен как ювелир. Он работает ювелиром вот уже 16 лет и в настоящее время (2009 год) работает в магазине в центре Копенгагена, где продает собственные украшения, на изготовление которых его вдохновила эпоха викингов. В семье Сандквиста больше нет ремесленников. Он самоучка и как ювелир, и как резчик рун. На своих украшениях он также любит высекать рунические надписи. Именно с них начался его интерес к рунам, который впоследствии привел его к созданию рунических камней.

Время, которое требуется для создания одного рунического камня, варьируется. Во многом это зависит от того, как именно выполняется работа. Сандквист утверждает, что на создание обычного рунического камня, без каких-либо особенностей внешнего вида, у него уходит неделя. Рунический камень, который он изготовил для Королевского музея Еллингга, отнял у него около двух летних сезонов или же 300 часов работы в период с 2004 по 2005 год (изображение 3).

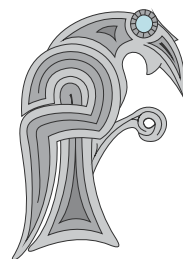
Изображение 3: Рунический камень, сделанный Эриком Рыжим Сандквистом для Королевского музея Еллингга в период с 2004 по 2005 год. Фото Кристер Хамп.

Обычно Сандквист вырезает рунические камни сразу на том месте, где они будут установлены. Это также касается и взаимодействия с музеями, где часть концепции состоит в том, чтобы продемонстрировать и передать сам процесс вырезания рун. В этих случаях Эрик Рыжий работает в костюме викинга, так что резьба рун становится уникальным опытом для всех посетителей.

Сводный брат Сандквиста владеет собственной каменотесной мастерской. Там Эрик Рыжий изготовил несколько рунических камней, которые у него заказали частные лица, и производство которых не имело образовательного характера. При резьбе камень должен лежать или стоять? В идеале камень должен стоять, чтобы резчик сразу же мог объективно оценить свою работу, но в таком положении процесс резьбы продвигается довольно тяжело. Гораздо легче вначале нарисовать контур, пока камень стоит, затем положить его, вырезать руны по контуру, а после снова поставить. Конечно, это проще всего проделать с небольшими камнями внутри мастерской. В своей работе Эрик Сандквист использует различные зубила и молотки. И хотя они и не были найдены археологами в качестве инструментов, используемых викингами для резьбы по камню, Эрик утверждает, что это наиболее логичный выбор.

Тексты на рунических камнях Сандквиста написаны на древнескандинавском языке, так как именно он использовался в старых рунических надписях, которые и пробудили в Эрике интерес к рунам. Он использовал различные фразы, взятые из эпохи викингов, и наносил их на свои ювелирные изделия, стараясь соблюдать все лингвистические правила, насколько это позволяют надписи на оригинальных камнях. Языковед университета Копенгагена Майкл Нильсен (Michael Lerche Nielsen) помогает ему изучить и оценить тексты при резьбе. Со временем он стал все чаще окрашивать свои камни. Это результат исследования поверхности рунических камней, которые показали, что зачастую они были окрашены. Поэтому очень интересно выяснить, как именно люди эпохи викингов красили камни и какие компоненты они использовали для создания краски.

Сандквист говорит, что тысячу лет назад люди, вероятно, были гораздо сильнее заинтересованы в вещах, создаваемых человечеством, в то время когда большая часть окружения понималась «естественной». Сегодня многие люди представляют себе эпоху викингов как «естественную» эру. Таким образом, любые явления, связанные с эпохой викингов, воспринимаются как «естественные», а не как культурно созданные. Сандквист часто сталкивается с этим парадоксом в пределах реконструкций. Он старается не романтизировать образ резчика рун. Он видит процесс вырезания рун как вполне современное, тесно связанное с остатками культуры викингов и ремесленными традициями, но все же созданное в наше время явление.

49...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

Кем являются клиенты, которые заказывают для себя рунические камни? Как правило, это музеи и поселения викингов, но иногда обращаются и частные лица, желающие возвести камень в честь кого-то или установить его в качестве надгробия. Первый камень, который вырезал Сандквист, был возведен в память о человеке из Христиании (Christiania, Copenhagen), которого звали Торкильд Вайс (Thorkild Weiss). При жизни он очень интересовался археологической находкой, которую называли Солнечной повозкой из трундхольмского болота (Trundholm). Другой камень Сандквист вырезал для группы викингов на датском острове Фюн (Fun). Они заказали камень в память об умершем члене группы. Сандквист считает, что это вдохновило его вырезать «настоящий» камень с целью сохранения памяти о человеке, подобно тому, как обычно интерпретируются камни эпохи викингов.

Женщина-лидер общины реконструкторов, сосредоточенной на проведении боев, получила от Сандквиста рунический камень, после того как она подала в отставку. Этот конкретный камень изображает женщину с мечом. Меч в сочетании с женским образом является анахронизмом, однако Сандквисту кажется, что всё в порядке. Она же воин, так что почему бы и нет? Эрик Сандквист говорит, что со временем он стал более прагматичным, а потому аутентичность не имеет решающего значения в его работах. В любом случае, он никогда не сможет соответствовать стандартам эпохи викингов, потому что сегодняшняя резьба рун — абсолютно современное явление.

Сандквист убежден, что вполне резонно быть в некоторой степени коммерчески ориентированным, но только не в случае, когда заказчик просит вырезать нацистские или крайне националистические мотивы. Таких заказов он старается избегать. Но не всегда можно заранее понять конечные цели людей.

Общество Творческого Анахронизма (The Society of Creative Anachronism), ОТА, ежегодно проводит в США ярмарки, куда Сандквист приезжает, чтобы продать свои викингские украшения. ОТА смешивает различные периоды без ортодоксии в отношении подлинности. Бримир, группа реконструкторов, в которой состоит Сандквист, является одной из старейших общин, существующих в скандинавских странах и Дании.

Сандквист часто посещает воссоздание битвы при Гастингсе в 1066 году. Ярмарка устраивает его каждые пять или шесть лет, когда 14 октября выпадает на субботу, в тот же день, когда битва состоялась в действительности. В эти годы реконструкция проходит с размахом, но есть и аналогичное ежегодное мероприятие меньших масштабов. Сандквист считает, что первая половина XI века была наиболее интересным и вдохновляющим периодом по части искусства и украшений. Этот период особенно хорошо подходит для его производства ювелирных украшений. Татуировки, которые есть на теле Эрика и которые интересуют многих людей, увлекающихся эпохой викингов, часто ставят под сомнение. Ибн Фадлан описывал некое явление, которое позднее интерпретировалось как татуировки эпохи викингов. Это единственный аргумент в пользу того, что у викингов могли быть татуировки.

Интерес к эпохе викингов появился у Сандквиста, когда он был еще ребенком. У его тётки была книга 1960-х годов с рисунками и текстом, затрагивающими мировое древо из скандинавских мифов — ясьень Иггдрасиль. Будучи ребенком, он также получил книгу «Рыжий Орм» (*Röde Orm*; в русском переводе также известна как «Драконы моря» — прим.), в которой была описана история викингов. Эрик Сандквист взял себе такое имя, потому что его отец интересовался историей.

В рамках реконструкторского движения идеально, если вся атрибутика изготавливается самостоятельно. Сандквист по-прежнему подчеркивает, что в эпоху викингов производство становилось всё более специализированным.

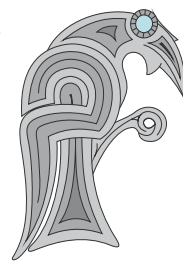
Сандквист считает, что в ремесле важно сосредоточиться на чем-то одном, вместо производства множества разных вещей. Сам он в первую очередь занимается серебряной ковкой и каменной кладкой. Его интерес к дизайну подпитывает это увлечение. Инсценировка обеспечивает контакты с разного рода комиссиями. Задания по вырезанию рун он получает, прежде всего, на встречах с новыми людьми. Музеи также делают заказы, лично связываясь с Эриком.

В последние годы возросла конкуренция со стороны других стран, таких, как, например, Польша, где изделия, относящиеся к эпохе викингов, могут быть гораздо дешевле, чем в скандинавских странах. Быть мастером — значит хорошо знать каждый этап производства и быть

готовым изготовить какую-либо вещь прямо на месте, а не где-то далеко. Эрик Сандквист говорит, что здесь важно соблюдать баланс между стремлением к подлинности и коммерческому успеху.

Сандквист говорит, что никто не сможет «вернуть» традиции, которые ушли несколько веков назад. То, что делается сегодня, это попытка создать что-то новое в наше время, что лишь в некоторой степени имеет отношение к эпохе викингов. Реконструкторские сообщества очень сплочены между собой. Сезон ярмарок викингов длится с мая по октябрь, когда торговые точки открываются по всей Скандинавии и в других странах Европы. Люди и общины, относящиеся к эпохе викингов, получают возможность встретиться и обменяться опытом касательно этого периода.

Резьба рун для Эрика Рыжего Сандквиста является частью личного самоопределения. Он известен как резчик рун в своем окружении. Такой образ жизни позволяет ему находить людей с похожим складом ума. (Вся информация в этом разделе является результатом интервью, проведенного 9 января 2008 года в Копенгагене).

Резчик рун Калле

Остров Адельсё (Adelsö) располагается неподалеку от викингского города Бирка на острове Бьёркё (Björkö) в озере Меларен, где работает резчик рун Калле (Kalle the Runecarver). Он начал свою карьеру в качестве резчика рун в начале 1990-х. Свой первый рунический камень он создал в 1993 году, надпись гласила: «Новые руны расширяют возможности старой веры». Однажды он попал на страницы шведской газеты *Dagens Nyheter*, а также упоминался в статье шведской газеты на промышленную тематику *Dagens Industri*, и вскоре к нему обратились первые клиенты, желающие заказать рунический камень. Этими первыми клиентами были как компании, так и частные лица, желающие заказать памятники, которые могли бы с ними ассоциироваться (подробнее: www.runristare.se).

Резчик рун Калле использует современный шведский язык при вырезании своих надписей. Он не использует древнескандинавский, как это делает Эрик Рыжий. Рунические камни Калле бывают нескольких видов. Он создает традиционные рунические камни, которые возводятся в контексте тематических мероприятий, например, ярмарок и фестивалей викингов. Одним из примеров его работ является рунический камень, воздвигнутый в 1997 году вблизи Румскуллы (Rumskulla) и викингской фермы Культхульт (Kulthult) в Смоланде: «Герт воздвиг камень в память о себе и о том месте, которым он владеет. Калле вырезал». Другим примером является рунический камень, вырезанный на фестивале викингов в Сталлархольмене (Stallarholmen) в 2003—2006 годах с надписью: «Викинги Сталлархольмена воздвигли камень как связующее звено между прошлым и будущим».

Резчик рун Калле также занимается изготовлением памятных камней на день рождения. Одним из таких примеров является рунический камень, возведенный в Хотунахольме (Hätunaholm) в 1996 году, когда заказчик отмечал свой 50-й день рождения: «Хокану из Хотуна 50 лет, множество вещей он сделал. Друзья воздвигли камень. Калле вырезал». Также он занимается изготовлением надгробий, которые выглядят как рунические камни. Помимо фамилий и дат, как на обычных надгробиях, здесь есть петля с рунами, которая украшает камень.

Резчик рун Калле также получает заказы не только от частных лиц и компаний, но и от ассоциаций. В 1993 году судоходный концерн Viking Line заказал камень с надписью «Большие корабли все еще ходят в восточном направлении. Viking Line воздвиг. Калле вырезал». Viking Line — судоходная компания, работающая в Балтийском море с пассажирскими и грузовыми паромными маршрутами Стокгольм — Аландские острова — Хельсинки/Таллин.

Ныне не существующая шведская охранная компания Securitas заказала в 1994 году камень с текстом: «Честность, настороженность, любезность. Калле вырезал». Как и в случае с руническим камнем для Viking Line, здесь также идет упор на бизнес, но, в отличие от предыдущего примера, он уже никак не связан с эпохой викингов.

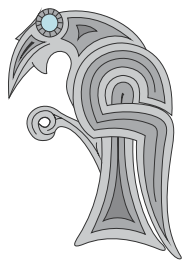
Жилищный кооператив под названием «The Runestone» заказал камень в 2002 году с текстом: «Люди разных культур из жилищного кооператива The Runestone воздвигли этот камень в память о сорока хороших годах. Пусть и дальше на земле преобладает комфорт и мир. Калле вырезал».

51...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

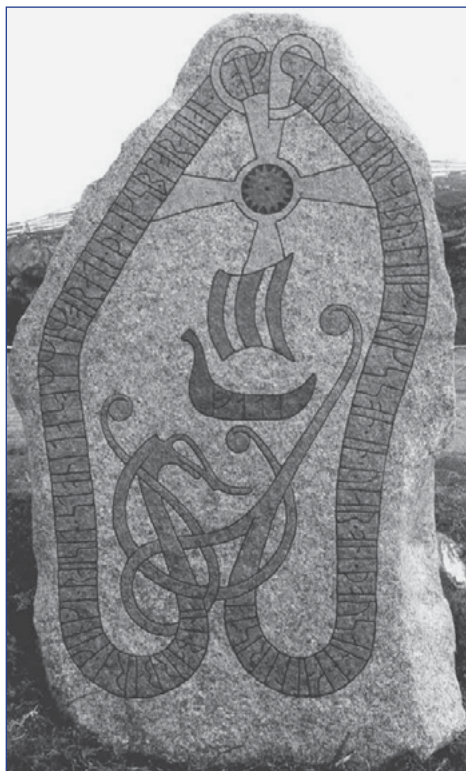
В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

Резьба, где текст показывает, что клиент пожелал сказать с помощью рун, была сделана в 1995 году в охотничьей хижине. Там сказано: «Природа заключает в себе красоту, жизнь и смерть. Она может быть жестокой, но она же нас кормит. Мудрый охотник сохраняет природный баланс и охотится смиренно. Лейф это сделал. Калле вырезал».

Еще один интересный случай из практики резчика рун Калле — камень, перевезенный через Атлантику и воздвигнутый в северной части Ньюфаундленда (Newfoundland) в 2000 году в рамках празднования 1000-летия со дня открытия викингами под водительством Лейфа Эриксона Северной Америки. Текст гласит: «ТАТВ и Барбара Генг воздвигли камень, чтобы ознаменовать исследование Северной Америки Лейфом Эриксоном в год тысячный. Калле вырезал». ТАТВ — Туристическая Ассоциация «Тропа Викингов» (VTTA; Viking Trail Tourist Association) (*изображение 4*).

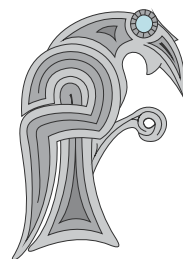
Изображение 4: Рунический камень, воздвигнутый в северной части Ньюфаундленда в 2000 году в честь 1000-летия открытия Северной Америки. Фото Калле Дальберг.

Также в 1997 году Калле изготовил камень в свою честь. Он назвал его Рунический камень Старых Богов: «Старые боги радуются, когда люди искушаются мудростью древней веры, чтобы снова увидеть дальнейший путь». Калле намеренно использует аллитерацию в качестве поэтического приёма. (Информация о рунических камнях с сайта резчика Калле: www.runristare.se)

Также резчик рун Калле в течение последних лет в своей попытке воссоздать художественную традицию прошлого активно использует цифровые технологии. Он утверждает, что рунические камни, которые представлены на ряде скандинавских сайтов, вводят посетителей в заблуждение, поскольку на их поверхности не сохранилась оригинальная краска. Сегодня окрашивать камни в яркие цвета запрещено, так что Калле проделывает это на компьютере. На его сайте можно увидеть некоторые специфические камни из центральной части Швеции — Уппланда. При помощи цифровых технологий он окрасил эти камни так, чтобы подчеркнуть их красоту и значимость орнамента.

Другие современные резчики рун

Янне Йоунссон (Janne Jonsson Eldskägg) — еще один резчик рун, который изготовил ряд рунических камней в различных местах. Он вырезал копию камня с острова Гимсёй на севере Норвегии, а также сделал несколько снимков процесса изготовления камня (*изображение 5*).

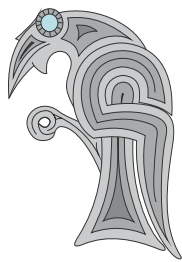
Изображение 5: Копия рунического камня с острова Гимсёй, сделанная Янне Йоунссон.
Фото Ларс Эрик Нармо, 2007г.

Харальд Юуль (Harald Juul) — датский резчик рун, который возводил свои камни в Норвегии, Дании, Швеции и Исландии. У него есть свой сайт с информацией о его деятельности. Там сказано, что рунические камни Юуля были вырезаны в рамках викингских ярмарок, проходивших на территориях ферм и поселений викингов, включая Футевикен, Борре и Сторхольмен (Foteviken, Borre and Storholmen). Помимо изготовления рунических камней, Юуль также вырезает фигурки из дерева (www.haraldjuul.com) (изображение 6)

Изображение 6: Рунический камень, вырезанный Харальдом Юулем в национальном парке Борре.
Фото Терье Гансум, 2005г.

В Дандерюде (Danderyd) к северу от Стокгольма резчик рун Фредрик Эрикссон занимается своей работой, делая четкий акцент на мотокультуру. На своем сайте (www.runstenar.se) он отмечает свою заинтересованность в эпохе викингов, а также представляет свои вариации рунических камней. На камнях Эрикссона можно прочитать такие тексты: «ШКХД (Шведский Клуб Харлей-Дэвидсон) воздвиг этот камень в качестве подарка Льюнгбюхеду (Ljungbyhed)», «Доброе братство уходит в закат на железных конях еще на двадцать лет», «На этом самом месте в этот день ничего особенного не произошло», «Кубические технологии стучатся», «Живые мертвецы, моряки морей», «Кристин и Мортен две тысячи третий», «Ода, спасибо за хорошую работу». Среди его работ можно найти свадебные камни, надгробные плиты, мотоциклы с руническим орнаментом (www.runstenar.se) и развлекательные камни. Рунические камни Эрикссона носят явный игриво-развлекательный характер, когда прошлое встречается с настоящим. Они не выглядят так, как будто их возводили в эпоху викингов. Вместо этого ярко выражен интерес к мотоциклам. Хотя я и не брала у него интервью, у меня нет сомнений, что его подход к руническим камням отличается от других.

Три разновидности новейших рунических камней

Пытаясь найти различия в работе современных резчиков, можно выявить, по меньшей мере, три категории рунических камней. Основное отличие в подходах основано на отношении резчиков к модели эпохи викингов.

Первый вид рунических камней имеет ярко выраженные признаки современности с точки зрения текста и процесса изготовления. Тексты на таких камнях написаны современным языком с использованием рунической транслитерации. Как правило, в них также описаны некие современные явления. Резчик рун Калле является главным представителем этого способа изготовления рунических камней. Таким же образом можно охарактеризовать и рунические камни Фредрика Эрикссона.

Второй вид рунических камней также совершенно новый, но с текстом на древнескандинавском языке. Резчик рун делает языковую адаптацию своего памятника, чтобы он стал похож на своих предшественников из эпохи викингов, насколько это возможно. В некоторых случаях орнаментация также адаптируется в соответствии с региональными традициями викингов. Дизайн этих камней учитывает рунические камни эпохи викингов в этом регионе, стараясь соответствовать их внешнему виду. Эрик Рыжий Сандквист является основным резчиком рунических камней этой разновидности.

Третий вид рунических камней — это точные копии уже существующих памятников. Формально такие камни можно назвать точной копией древних оригиналов. Тем не менее, способ их изготовления тесно связан с современностью, как в случае с руническим камнем с острова Гимсёй. Копия подается как «антикварная работа», в качестве аргумента влияния прошлого на наше время. Копии древних объектов часто используются сегодня для создания идентичности. Копия рунического камня с острова Гимсёй, изготовленная Янне Йоунссоном, может быть установлена на месте, где когда-то был возведен оригинальный камень, если это позволят сделать авторитетные антиквары. Обсуждение оригиналов и копий становится все более и более интересным, и так как зачастую владельцами оригинальных объектов становятся национальные и региональные музеи, параллельно с интересом к историческим событиям повышается спрос на местном уровне (см. Нильсен, 2003, стр. 191).

Категоризация рунических камней показывает, что современные резчики рун работают в этой сфере в разрезе своих личных целей и интересов. Помимо собственных взглядов и амбиций резчиков рунических камней, также очень важно отношение к ним потребителей. Что заставляет клуб, музей или частное лицо захотеть свой персональный монумент? Эти недавно сделанные памятники и произведения искусства, таким образом, вносят двусмысленность, что может также говорить о том, что рунические камни были точно таким же неоднозначным явлением и в прошлом.

Приверженность

Сегодня активную деятельность ведет множество резчиков рунических камней. Кто-то из них заинтересован в исторических соответствиях, другие же ориентируются на современность, что очень хорошо отражается в их работе. Зачастую резчики рун знают о существовании друг друга, но при этом у них не налажено между собой какого-либо сотрудничества. Похоже, этот вид мастерства является в высшей степени индивидуальным и художественным. По всей видимости, рунический камень — это не тот вид произведения, которое можно сотворить совместно. Интересно рассмотреть это явление в позднейший период эпохи викингов: как резчики рун взаимодействовали с различными общественными группами? Кто делал рунические камни и для кого? Вероятно, связи и личные взаимоотношения играли в то время решающую роль, как и сейчас.

Географическое расположение современных рунических камней отличается от их расположения в прошлом. Современная традиция вырезания рун произошла от широкого интереса к эпохе викингов. Большое количество викингских групп и реконструкторских движений заново оживляют маршруты викингов, иногда они также попутно воссоздают и все окружение викингов (Петерсон, 2003, стр. 316 и далее). Именно здесь обычно и появляются новые рунические камни.

Рунические камни устанавливаются в общественных местах с такой же регулярностью, как в частных случаях, связанных с историческими событиями, когда рунический камень отражает воспоминание о прошлом или относится к частным мемориалам или надгробиям, которые иногда возводятся прямо на кладбище, а иногда на том месте, которое было важно этому человеку при жизни.

Рунические надписи, конечно, являются важными историческими памятниками, не всегда конечный результат предстает перед нами в виде красивого рунического камня, на который мы рассчитываем. Коммуникативная резьба перед заинтересованной публикой иногда не менее важна, особенно если такая работа выполняется в рамках сотрудничества с музеем (как в случае с Эриком Сандквистом). В этом случае камни также имеют практическую цель: зафиксировать в предмете искусства частичку настоящего. Возможно, первые резчики руководствовались схожими мотивами. Подобно тому, как клиенты резчика рун Калле часто просили у него воздвигнуть рунический камень в память о себе или деятельности, связанной с рунами или эпохой викингов.

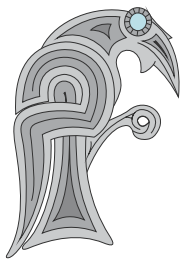
Также руны вырезались и с другой целью: чтобы создать первоклассную подделку. Знаменитый рунический камень из Кенсингтона часто становится причиной конфликтов по вопросу о его подлинности (напр., Кастхольм Хансен, 2003). Тем не менее, примеры, которые я приводила выше, не относятся к подделкам. Здесь речь идет скорее о реконструкции, которая прозрачно демонстрирует, что камни создавались именно в наше время, а не в эпоху викингов.

Подлинность и идентичность

Возникает вопрос: какое отношение эти новоиспеченные рунические камни имеют к аутентичным камням эпохи викингов и позднего железного века (VI-XII вв. — прим.)? Есть ли путаница или все же существует четкое различие между современными и подлинными руническими камнями? Насколько важно это различие? Почему? Кто что считает? Как все это относится к использованию прошлого для создания идентичности? (Обсуждение роли подлинности см. у Хольторфа, 2005, стр. 112 и далее).

На самом деле в сегодняшних рунических памятниках нет ничего неаутентичного. Большая часть современных памятников является всего лишь переделкой исторических монументов или реконструкцией стиля из любого произвольного исторического периода. Рунические камни не исключение. Сами по себе они уже памятники, а не копии артефактов, включая те, которые создаются в качестве копий. И все они играют важную роль.

Рунический камень с острова Гимсёй является этому отличным примером. Это современный камень, который неоднократно становился предметом споров об идентичности. Региональный музей взял под защиту оригинальный монумент, который был заменен копией, возведенной

55...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

на том же самом месте. Решение заново возводить такие памятники или переносить артефакты на территорию музея часто оправдывает себя с точки зрения местной или региональной идентичности.

Я не слышала каких-либо критических замечаний от антикваров о современных рунических резчиках. Однако авторитетные антиквары выражали опасения, что некоторые новые камни могут быть спутаны с подлинниками, если не будет производится никакое надлежащее протоколирование. В случае с Эриком Рыжим, Национальный Музей Копенгагена составил все необходимые документы, которые не позволят спутать его работы с оригинальными камнями. Такая документация, возможно, особенно важна, когда резчик рун подражает древнескандинавским надписям. Это может повысить вероятность путаницы, по крайней мере, по сравнению с работами резчика рун Калле, который делает надписи только на современном шведском языке. Одновременно с этим, чтобы избежать путаницы, многие копии древних украшений и артефактов имеют особые отметки, указывающие на то, что это реплики.

Очевидно, что современные рунические камни встречаются в районах с крепкими историческими связями с эпохой викингов; в районах, которые идентифицируются сегодня как важные места торговли, религиозных практик и захоронений в эпоху викингов. Тем не менее, как уже говорилось выше, новые рунические камни устанавливаются также в местах, где они меньше всего ожидаются: в Германии, Голландии, Польше и Канаде. Создается впечатление, будто они хотят присоединиться к существующей традиции. Особенно часто это можно наблюдать в местах, где культурное наследие встречается с активным медиа-движением, например, в контексте музеев, полномасштабных реконструкций, фестивалей и ярмарок викингов.

Я до сих пор не нашла каких-либо доказательств того, что существовали резчики рун женского пола. И хотя эпоху викингов во многих отношениях принято считать сугубо мужской, сегодня мы можем точно сказать, что женщины той эпохи, как правило, также принимали активное участие в деятельности общества. Одним из таких примеров является группа женщин, ходивших в моря на корабле викингов в Норвегии (Петерсон, 2003, стр. 316 и далее). Тем не менее, различные виды деятельности в равной степени привлекали как мужчин, так и женщин. Возможно, работа с камнем изначально воспринималась как традиционно мужское занятие, и поэтому она совершенно не привлекала женщин.

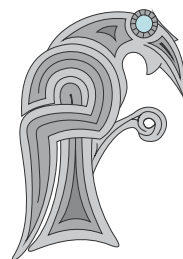
... 56

Деятельность прошлого как идентичность настоящего

Причина, по которой современные резчики решили возродить это искусство, кажется основной на желании донести частичку прошлого до нашего времени. В этом случае я не отношу построение идентичности к национальному достоянию. Вместо этого, кажется, мы можем наблюдать за рождением личностного проекта, который стремится подчеркнуть индивидуальность автора. Это также способ путешествия по следам викингов, попытка сохранить, защитить, сбегать и передать традиции (см. Хольторф, 2007, стр. 91). В случае резчика рун Калле это является большой проблемой из-за острова Адельсё, на котором он живет. На нем к сохранению древних памятников и объектов относятся с особой страстью, так что в этом нет ничего удивительного. Адельсё зарегистрирован в списке Центра Всемирного Наследия. Это значит, что в отношении острова применяются особые меры по его сохранению.

В мире, где становится все больше глобальных перспектив, в Скандинавии и Европе мы ежедневно можем видеть телепрограммы из других стран, где люди живут в совершенно иных технологических условиях, по сравнению с западным миром. Благодаря вовлеченности в образ жизни викингов появляется возможность контекстуализировать прошлое и сделать возможным идентификацию в современной жизни. Эпоха викингов всегда рассматривается в разрезе Скандинавии, где технологии основываются на сырье, доступном в этой части мира, а «этническая» одежда приспособлена к климату в северном полушарии.

Большинство современных людей имеют потребность соответствовать своему «происхождению» (*Петерсон взяла это слово в кавычки, поскольку большая часть населения Скандинавии ассоциирует себя с викингами, хотя фактическая родословная может говорить совсем о другом — прим.*), и эпоха викингов для части населения скандинавских стран видится как раз очень подходящим аргументом в эту пользу, не только с позиции национальности. Хотя

эпохой викингов часто злоупотребляют, в том числе и в контексте национальных идей, реконструкторское движение викингов все же старается отличаться от этого. Оно легко адаптируется в настоящем и активно реагирует на этнические вопросы и устойчивое развитие. Когда меньшинства имеют четкие примеры для идентификации, большинство, похоже, ищет такую возможность в том, что они связывают с их собственным прошлым, «этнифицируя» таким образом *изобретенную традицию* (Хобсбаум и Рейнджер, 1992).

В дискуссиях о качестве жизни контекст места проживания часто рассматривается как основополагающий фактор благополучия. Идентичность викингов, вероятно, подразумевает куда более обширную географию, которую современные люди иногда ассоциируют со своим прошлым. Родство не всегда столь важно в рамках таких больших временных промежутков. Гораздо большее значение имеет образ жизни, технические знания и общее представление о различных структурах, затрагивающих охрану окружающей среды, технологии, мастерство, сырьё, традиции или обычаи, которые имели первостепенную важность. В разговоре Эрик Рыжий Сандквист отметил парадокс, когда современные викинги представляют собой нечто вполне естественное, в то время как сама эта профессия или ремесло была способом дистанцироваться от окружающего мира.

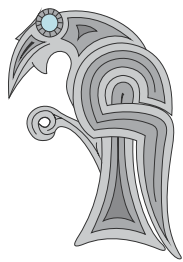
Эпоха викингов, кажется, предусматривает явные гендерные роли. В этом смысле резьбу рун можно поставить в один ряд с другими сугубо мужскими профессиями. Точно так же, как текстильное производство считалось чисто женским занятием. В этом также заключалась привлекательность некоторых ремесел и видов деятельности, связанных с эпохой викингов, в которых половая принадлежность играла важную роль. Люди не сомневались в выборе профессии в каком-то конкретном случае, когда пол мог решить это за них. Существуют документы, содержащие как текст, так и фотографии, которые показывают, как современная история переплетается с прошлым. И не обязательно речь будет идти о подлинности, вместо которой достаточно найти подтверждение идентичности.

Часто она находит свое отражение в вопросах здоровья в спортивных состязаниях. Тем не менее, невозможно без здоровой доли скепсиса относиться к людям, которые связывают свою современную деятельность с прошлым. Несмотря на то, что мы живем в то время, когда локальные и региональные, а иногда и глобальные перспективы, кажется, могут быть заменены национальными, втягивать во всё это прошлое будет самым сомнительным мероприятием. Чаще всего сопряжение с эпохой викингов носит романтические мотивы, хотя истории известны националистические и даже явно нацистские тенденции. Например, можно вспомнить про ювелирные украшения викингов, включая Молот Тора, которые в последнее время стали ассоциироваться с неонацистами (Стекер, 1996). Неонацисты активно используют атрибутику викингов — факт. Но факт также и в том, что подобные идеалы не были замечены на встречах с людьми, которые выбрали эпоху викингов в качестве образа жизни. Напротив, обычно они отрицают любые проявления расизма и нацизма (см. www.samfundetfornsed.se и www.fotevikensmuseum.se).

57...

Изменчивое прошлое

Интерес к прошлому идет в ногу со временем. Иногда «устаревшая» приверженность к прошлому может быть чрезвычайно изменчива. Это последствия регулярного пересмотра нашего мнения о том, почему люди стремятся попасть в прошлое. Например, неоднократно в первой половине XX века эпоха викингов использовалась в рамках культивации величия германского наследия. Иногда эти тенденции напоминали о себе, но сегодня к ним не проявляют сильного интереса в рамках исторической реконструкции. Вместо этого предпринимаются попытки привлечь внимание на другое: проекты по устойчивому образу жизни, затрагивающие проблемы экологии. Акцент сместился с национального до локального. В данный момент национальная перспектива не является политически целесообразной, поэтому за дело взялась локальная перспектива. Здесь можно разглядеть стремление к низкотехнологичному обществу, что доказывает возможность выживания рядом с другим, более продвинутым современным технологическим уровнем развития, который в той или иной степени остается непостижимым для средне-статистического человека. Интерес и приверженность к ремесленному мастерству становится символом отголоска знания в период компульсивной современности. Знания, которое помогло бы нам пережить судный день, обещанный нашей цивилизацией многими пророками.

Очевидно, что отработка образа жизни прошлого, подобно спортивным упражнениям, способствует объединению образа жизни и ремесла для создания идентичности. Речь идет также о создании устойчивого образа жизни и попытке вписать в него идеи о хорошей и интересной жизни, сосуществующей с действительной жизнью, протекающей здесь и сейчас. Я не хочу использовать крайне негативное слово «эскапизм» и вместо этого назову этот вид деятельности «путешествием во времени» для установления идентичности.

Долгое время мы жили в ориентированном на будущее современном обществе, в котором считается самым собой разумеющимся искать идеалы будущего в научных и технологических достижениях. В противовес этому типу прогресса есть люди, которые находят свои идеалы в прошлом. В наше время, когда националистическая идеология слабеет, а на повестке дня явные глобальные взгляды и перспективы устойчивого развития, находится место для «новых» идеалов, взятых из прошлого. Идеализируются небольшие перспективы, ремесленное мастерство и сплоченность людей. (Идеализация прошлого известна и в XIX-XX веках. Такие периоды как, например, средневековье, оказывали свое влияние на архитектуру, декоративно-прикладное искусство и ремесленные профессии. См. М. Булл, 2005 г. для представления.)

Угроза от националистически настроенных людей с их страстью к древностям, таким образом, исчезает, а перемены в античности, которые появляются в наше время, показывают, что история никогда не стоит на месте.

Суть в том, что идеалы, взятые из древних времен, в последние годы изменили свою форму. Прошлое является проектом по идентичности с его собственным видением и перспективами, которые направлены на объединение людей и поддержку малых перспектив, ремесел и устойчивого развития в гармонии с прошлым. Процесс резьбы и возведения рунических камней сегодня является своего рода путешествием во времени к идентичности.

Petersson, Bodil. 2009. Travels to Identity: Viking Rune Carvers of Today. Lund Archaeological Review 15 (2009), pp. 71–86.

... 58

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

Женская магия в сагах: сейд и спа

Перевод: Анна БЛЕЙЗ
С сайта: [Viking Answer Lady](#)

I. Введение

Скандинавские знатоки магических искусств были весьма уважаемыми профессионалами в своих общинах, и услуги их ценились высоко (Jochens, *Old Norse Magic and Gender*, 307; *Ellis-Davidson*, 37). В скандинавской литературе фигурируют как мужчины, так и женщины, владеющие магией, но в нескольких источниках прямо утверждается, что это искусство женское, а мужчина, занявшийся им, ставит под угрозу свою репутацию и мужественность (см., например, главу VII «Саги об Инглингах»). Поэтому далее я буду говорить о скандинавской магии как о женской практике, используя нарицательные имена и глаголы женского рода, однако следует иметь в виду, что в сагах упоминаются не только женщины, но и мужчины, владевшие магическим искусством.

Многие важнейшие культовые практики скандинавского язычества традиционно исполняла хозяйка дома, выступавшая при этом как жрица, или *гидья* (Steffensen, 191). В Северной Европе уже во времена древних германцев женщину почитали как священную носительницу магической силы и, в особенности, пророческого дара. Подобное благоговейное отношение к женщине-колдунье сохранялось и в Скандинавии вплоть до обращения в христианство. Поэтому при изучении материалов, касающихся женщин вообще и, особенно, тех женщин, которые занимались языческими или магическими практиками, необходимо тщательно оценивать влияние христианских установок на автора, записавшего данный материал. Для христианских источ-

ников, особенно тех, которые повествуют о христианизации Скандинавии, характерно враждебное отношение к магии и языческой религии в целом: боги в них представлены бесами, язычники вообще — злыми колдунами, а уж те, кто практиковал магию в языческом контексте, — и вовсе отъявленными грешниками, творящими самые противоестественные и нечестивые злодеяния (Simpson, 165). Чем дальше во времени отстоит тот или иной источник от языческой эпохи, тем больше ошибок и неточностей закрадывается в описания. И, как мы увидим далее, особенно от этой путаницы пострадали понятия «сейд» и «спа».

Исследователи отмечают, что женские религиозно-магические практики всегда воспринимаются в соотнесении с четко очерченными и социально одобренными ролями, которые исполняет женщина в традиционном обществе. Иногда женская магия и религия тесно связаны с домашними обязанностями женщины, а иногда, наоборот, противостоят принятой в данном сообществе женской роли и в этом случае вызывают недовольство и гнев — но в то же время и страх — у мужчин как блюстителей традиционного распределения ролей (Geertz, 126–141). Именно так обстоит дело и с магией в мире скандинавской женщины. Женщина эпохи викингов могла колдовать за прялкой и веретеном, вплетая магию в нити, из которых затем ткалась одежда для членов семьи, а могла и обрушить возмездие на обидчика при помощи могущественных колдовских чар.

59...

II. Терминология

В скандинавских сагах проводится разграничение между различными родами магии: выделяются такие искусства, как сейд, спа, гальдр и руническая магия. Не исключено, что существовали и другие разновидности магического искусства, но авторы саг обходят их молчанием — возможно, расценивая как некие непонятные сугубо женские занятия или же отвергая как суеверия, не стоящие внимания.

СЕЙД

Из всех перечисленных терминов *сейд* — самый употребительный, но сложнее всего поддающийся определению. Обычно это слово переводят как «колдовство» и применяют для описания самых разнообразных практик — от магии шаманского типа, такой как путешествия в духе, магическое врачевание (основанное на удалении «стрел духов», проникших в тело) или магический аналог психотерапии (возвращение утраченных частей души), и до прорицаний, ченнелинга (при котором божество временно заимствовало тело колдуньи и действовало или вещало через нее), магических воздействий на погоду или на животных, а также всевозможных форм вредоносной магии. Пожалуй, единственный характерный элемент, присущий большинству разновидностей сейда, — это магия, влияющая на сознание при помощи иллюзий, насланного умопомешательства, лишения памяти и других подобных приемов. Мастера сейда обозначались терминами «сейдкаона» (женщина, владеющая сейдом) или «сейдмад» (мужчина), но эти названия ассоциировались с «черной магией», поэтому нередко вместо них использовали термины «спакона» или «спамад», чтобы избежать негативных коннотаций, связанных со словом «сейд». С этой «политкорректной» подменой терминов связано множество ошибок в описаниях исконной скандинавской магии: в поздних источниках сейд нередко смешивается со спа. Сейд позволял пророчествовать, но сейдкаона не воспринимала *орлог* (судьбу) непосредственно, как спакона или вэльва, а вопрошала духов, которые и открывали ей будущее. Женщин, практикующих сейд, называли также «фьолькуннигкона» (буквально — «всеискусная жена» или «всеведущая женщина») и «хамлейпа» («меняющая облик», «меняющая кожу») (Simpson, 183)

Сейд был искусством одиночек: сейдконы не собирались в группы, как было принято

в некоторых других европейских ведовских традициях, хотя иногда могли обзаводиться слугами или даже целой свитой помощников. В тех редчайших случаях, когда в сагах упоминается о нескольких мастерах сейда, работающих сообща, речь идет обычно о родственниках — например, о двух сестрах, об отце и его семействе и так далее (Ellis-Davidson, 37–38).

СПА

Вторая разновидность магии — *спа* (*spá* или, в архаичной английской или шотландской форме, *spae*), или *спакрафт* («искусство спа»); тех, кто ею владел, называли спаконами. Спа — это, по сути своей, искусство чтения *орлога* интуитивным путем или посредством личных духовных прозрений. Слово «*ǫrþǫg*» состоит из двух элементов: «*ur*» — «древний, первозданный» и «*þǫg*» — «закон»; таким образом, орлог — это изначальный закон развития событий, predeterminedенный вирдом (судьбой), которым, в свою очередь, правят три норны. Эти три норны — Урд («То, что есть»), Верданди («То, что становится») и Скульд («То, что станет») — сообща служат олицетворением вирда. Фактически, их можно считать прототипом трех ведьм из «Макбета»: варево, над которым колдуют шекспировские ведьмы, — это и бурлящий Источник Вирда, и котел сейдконы. Искусством спа владеют многие богини: в «Перебранке Локи» утверждается, что Фригг знает все судьбы (орлог), хотя и хранит их в тайне, и что богине Гевьон, так же как Одину, «открыты и ясны судьбы всех сущих», а в «Младшей Эдде» — что спаконой была и Сив, жена Тора.

Еще один термин, которым обозначали женщин, владеющих спа, — «*вэльва*», что обычно переводят как «провидица» или «пророчица». Это слово происходит от корня со значением «магический посох», и действительно, в скандинавской литературе то и дело упоминаются провидицы и колдуньи, ходящие с посохом или жезлом. Термин «*вэльва*» существовал уже у древних германцев, где входил в состав имени или титула некоторых провидиц. Вэльвы пользовались особым уважением: Тацит рассказывает об одной такой провидице по имени Веледа, которая предсказала своему племени победу над римлянами и успешный исход общего восстания против римских легионов:

...германцы считают, что в женщинах есть нечто священное и что им присущ пророческий

... 60

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

дар, и они не оставляют без внимания подаваемые ими советы и не пренебрегают их прорицаниями. В правление божественного Веспасиана мы видели среди них Веледу, долгое время почитавшуюся большинством как божество; да и в древности они поклонялись Альбруне и многим другим, и отнюдь не из лести и не для того, чтобы впоследствии сделать из них богинь¹.

Вэльвы фигурируют и в скандинавских мифах: так, Один обращается за советом к умершей вэльве, поднимая ее из могилы силой своего магического искусства.

ГАЛЬДР

«Гальдр» в буквальном переводе означает «пение»; этим термином обозначаются магические песнопения, исполнявшиеся на различных тонах. В отличие от предыдущих разновидностей магии гальдр обычно ассоциируется с мужскими заклинаниями. В тех случаях, когда речь идет о заклинаниях, звучащих из уст женщины, обычно используется глагол «говорить», свидетельствующий

¹ Корнелий Тацит, «О происхождении германцев и местоположении Германии», 8 (пер. А.С. Бобовича).

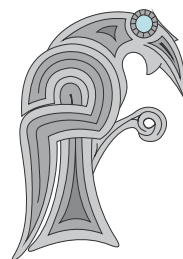
о том, что заклинание не пелось по-настоящему, а просто произносилось нараспев.

МАГИЯ РУН

Магией рун в основном занимались мужчины, хотя не исключено, что по крайней мере некоторые женщины тоже были в ней сведущи. Во всяком случае, в сагах упоминаются сейдконы, умеющие резать руны для волшебства:

И, выйдя к морю, она заковыляла вдоль берега, как будто ей кто показывал дорогу. На пути у нее лежала большая коряга — ноша как раз по плечу одному человеку. Она взглянула на нее и попросила перевернуть. Снизу коряга была как бы обуглена и обтерта. Она велела отколоть щепочку с гладкого места. Потом взяла нож, вырезала на корне руны, окрасила их своею кровью и сказала над ними заклинания. Она обошла корягу, пятясь задом, и нашептала над ней много колдовских слов. После этого она велела столкнуть корягу в море и заговорила ее, чтобы плыла она к Скале Острову, Греттиру на погибель².

² «Сага о Греттире», LXXIX (пер. О.А. Смирницкой).

III. Кипящий котел

О происхождении слова «сейд» высказывались две гипотезы. Согласно первой из них, предложенной Гриммом, это слово родственно современному «seethe»³ и восходит к ритуальному вывариванию морской воды для получения соли (Grimm, III:1047). На основе этой этимологии современные исследователи предположили, что скандинавские норны послужили прообразами трех ведьм из «Макбета», колдующих над котлом:

*Жарко, жарко, пламя ярко!
Хороша в котле заварка!⁴*

Некоторые свидетельства в поддержку этой гипотезы обнаруживаются в скандинавской литературе. Первое из них — следующие строфы из «Прорицания вэльвы» («Völuspá» — «Спа вэльвы»):

*Помнит войну она
первую в мире:
Гулльвейг погибла,
пронзенная копьями,*

³ «Кипеть, бурлить, вариться» (англ.).

⁴ У. Шекспир, «Макбет», акт IV, сцена 1 (рус. пер. М. Лозинского).

*жгло ее пламя
в чертоге Одина,
трижды сожгли ее,
трижды рожденную,
и все же она
доселе живет.*

*Хейд ее называли,
в домах встречая, —
вещей колдуньей*

*[букв.: «вэльвой, искусной в спа»], —
творила волшбу [сейд]
жезлом колдовским*

*[букв.: «заколдовывала жезлы»];
умы покорялись
ее чародейству [сейду]
злым женам на радость⁵.*

Гулльвейг, таинственную колдунью-сейдкону, посланную к асам ванам, нередко отождествляют с Фрейей, госпожой сейда. Имя «Гулльвейг» в буквальном переводе означает «опьянение золотом», а мотив тройного сожжения и воскрешения некоторые комментаторы толкуют как описание какого-то

⁵ «Прорицание вэльвы», 21–22 (пер. А.И. Корсуна).

61...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

химического или алхимического процесса. Таким образом Гульвейг сама по себе ассоциируется с магической силой пламени, подобно котлу, кипящему на огне, — и при этом в тексте прямо сказано, что она владела магией сейда.

Здесь же упоминается имя Хейд (heath⁶), которое в скандинавских сагах носят и многие другие колдуньи и которое этимологически родственно слову «heathen»⁷. Полагают, что это имя, подобно имени Веледы из «Германии» Тацита, изначально могло представлять собой титул женщины, исполняющей особые магические или религиозные функции, а в имя собственное превратилось лишь на позднем этапе, после обращения в христианство, когда многие языческие традиции прервались и были забыты. Другое часто встречающееся имя колдуний — Льот («безобразная») — отражает христианское представление о том, что все ведьмы злы и порочны, в сочетании с поверьем о том, что внутренние качества не-

⁶ «Вересковая пустошь» (англ.).

⁷ «Язычник» (англ.).

пременно должны отражаться во внешности. И еще одно распространенное среди колдуний имя — Хульд, или Хульда («тайная, скрытая»).

Из других литературных источников мы узнаем, что магия сейда включает в себя искусство варки ядов и зелий, особенно таких, которые лишают человека памяти. В «Пряди о Сёрли» (133–134) Фрейя принимает облик смертной женщины по имени Гёндурль и подносит конунгу Хедину рог с волшебным питьем, отнимающим память. Выпив зелье, Хедин забывает о своей дружбе с конунгом Хёгни и вступает с ним в битву, в которой гибнет множество воинов: такой ценой Фрейя выкупила у Одина свое чудесное ожерелье Брисингамен. Схожим образом в «Саге о Вельсунгах» Гримхилд подносит Сигурду дурманный мед, испив которого, тот забывает о своей возлюбленной Брюнхильд (глава XXVIII), а Боргхилд, жена Сигмунда, поит отравленной брагой своего пасынка Синфьотли (глава X). Магия забвения — типичный образец искусства сейда: в основе ее лежит воздействие на разум жертвы.

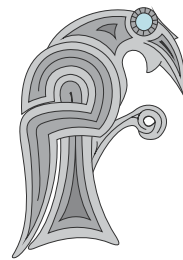
IV. Разум, восприятие и сейд

Итак, характерная отличительная черта магии сейда — влияние на разум, которое лишает жертву памяти, вводит в заблуждение, насылает те или иные иллюзии, внушает необъяснимый страх, туманит сознание или даже физическое зрение. Воздействия такого рода называются «сьонверфинг» — магический морок или «обман зрения», при помощи которого сейдкона искажает восприятие реальности у своей жертвы (Jochens, *Old Norse Magic and Gender*, 313). В сагах встречается множество примеров подобной магии; чаще всего к ней прибегали, чтобы защитить человека от преследователей. Отчасти она может быть связана с гипнозом, потому что сейдкона, лишившаяся зрения, лишалась и своей магической силы, а влияние магии на жертву слабело, как только последняя выходила из поля зрения сейдконы.

Эти мотивы использованы в «Саге о людях с Песчаного берега». Здесь женщина по имени Катла, сведущая в сейде, старается спасти своего сына Одда от Арнкеля и его подручных, решивших его убить. Видя, что отряд всадников приближается к дому, Катла велит Одду сесть рядом с ней и не шевелиться, а сама продолжает мотать пряжу. Арнкель и его люди обыскивают дом, но не видят никого, кроме Катлы, сидящей за прялкой. Они уезжают,

но вскоре возвращаются; на сей раз Катла стоит на крыльце вместе с Оддом, расчесывая и подстригая ему волосы, но Арнкелю и всем его спутникам кажется, что она вычесывает лохмы козлу. На третий раз Одд лежит в куче золы, а его недруги вместо него видят спящего борова. Покинув дом, они всякий раз догадываются, что их обвели вокруг пальца, поэтому использовать дважды один и тот же трюк Катла не может. В конце концов, Арнкель возвращается еще раз и берет с собой другую женщину, владеющую сейдом, — Гейррид, с которой Катла была во вражде. Увидев из окна синюю накидку соперницы-сейдконы, Катла понимает, что морок-сьонверфинг против нее бессилён, и пытается спрятать Одда в подполе. Но Гейррид набрасывает Катле на голову мешок из шкуры тюленя, и та лишается возможности наводить чары. Катлу и Одда связывают, увозят из дома и убивают.

По-видимому, важный элемент этой техники заключался в том, чтобы обвязать волшебной козьей шкурой голову жертвы («Сага о людях из Долины Дымов», глава XIV) или самого колдуна или колдуньи («Сага о Ньяле», глава XII). Другая, но схожая с этой разновидность магии называлась «хулидсхьяльм» — «шлем невидимости». Создать хулидсхьяльм можно было по-разному: например, сейдкона

могла просто возложить руки на голову человека, которого хотела скрыть от посторонних глаз, или посыпать его волшебным порошком; имелись и другие способы (Ellis-Davidson, 21-24), а в одном случае сейдкана надевает свою шапку на человека, которого хочет сделать невидимым («Сага о людях из Озерной Долины», глава XLIV).

Кроме того, с сейдом ассоциировался «дурной глаз», поэтому считалось, что, схватив колдунью, нужно набросить ей на голову кожаный мешок, чтобы она не смогла заморочить или проклясть своих похитителей. Иногда встречаются описания, согласно которым сейдкана наклоняется и смотрит назад через расставленные ноги, нередко при этом держа себя за мочки ушей: в этой позе она готовится к тому, чтобы насрать или снять какие-нибудь чары, затупить мечи, расколоть землю или открыть себе магическое зрение:

— Кто это к нам идет? — спросил Хёгни. — Не могу разобрать.

— Да это старая Льот, — отвечал Торстейн. — Эк ее скрутило-то!

И впрямь: она пятилась к ним задом, задрав юбки себе на голову, а голову просунув себе между ног, и зыркала на них так злобно, что твоя троллиха («Сага о людях из Озерной Долины», глава XXVI).

Также при помощи сейда вызывали мужское бессилие; некоторые комментаторы толкуют «vitti hún ganda» из описания Хейд в «Прорицании вёльвы» как магическое воздействие на фаллос, предполагая, что слово «ganda» — обычно означающее «магический жезл» — в данном случае служит кеннингом для пениса (Jochens, *Völuspá*, 353 n. 21). Основываясь на англосаксонских загадках о ключе, в которых ключ, отпирающий замок, уподобляется фаллосу, проникающему в вагину, а также учитывая то обстоятельство, что в захоронениях женщин иногда находят

символические украшения в форме «поясных» ключей, Мини утверждает, что ключи, которые носила на поясе скандинавская хозяйка дома, выполняли не только бытовую, но и магическую функцию: подразумевалось, что мудрая женщина владеет ключами от мужской силы своего мужа и распоряжается его имуществом (Meaneу, 181). Действительно, женские ключи могут оказаться бесполезны в сейде, основанном на симпатической магии. Норвежская королева Гуннхильд, славившаяся как великая колдунья, разгневалась, когда ее любимец Хрут решил вернуться домой в Исландию, к другой женщине, и прибегла к сейду, чтобы его наказать:

...когда корабли были совсем готовы, Хрут пошел к конунгу и Гуннхильд прощаться. Она отвела его в сторону и сказала:

— Вот золотое запястье, хочу подарить его тебе. И надела запястье ему на руку.

— Много хороших подарков я получил от тебя, — говорит Хрут.

Она обняла его за шею, поцеловала и сказала:

— Если моя власть над тобой так велика, как я думаю, то не будет у тебя утехи в Исландии с женщиной, что у тебя на уме. А с другими женщинами ты добьешься чего хочешь. Пусть мы оба поплатимся за то, что ты не доверился мне⁸.

По-видимому, Гуннхильд воспользовалась симпатической магией, подействовавшей через это запястье. Хрут женится на своей возлюбленной Унн, но не может соединиться с ней: как рассказывает сама Унн, «когда он приходит ко мне, плоть его так велика, что он не может иметь утехи со мной, и как мы оба ни стараемся, ничего у нас не получается. Но по всему видно, что по силе своей мужской он не хуже других мужчин» («Сага о Ньяле», главы VI—VII).

⁸ Пер. С.Д. Кацнельсона.

V. Шаманский сейд

Согласно второй гипотезе, слово «сейд» происходит от корня со значением «сидение», родственного французскому *séance*, латинскому *sedere* и древнеанглийскому *sittan* (Gloseki, 97). Этот вариант этимологии представляется более правдоподобным, поскольку известно, что сейдкана нередко усаживалась на высоком сидении или помосте. Самое известное описание практики сейда содержится в «Саге об Эйрике Рыжем» (глава IV):

Тогда в Гренландии были очень голодные времена. Те, кто ездил на промыслы, вернулись с небогатой добычей, а некоторые совсем не вернулись.

В селении жила женщина по имени Торбьёрг. Она была прорицательница [спакона (*spákona*)]. Ее называли Малой Вёльвой. У нее было девять сестер, [и все они были прорицательницами (спаконами)], но в живых оставалась тогда только она.

У Торбьёрг было в обычае ходить зимой по пирам. Ее постоянно приглашали к себе, особенно те, кто хотел узнать, что им суждено или какой выдастся год. Так как Торкель был там самым крупным хозяином, считали, что разведать, когда кончатся подобные времена, должен он.

Торкель приглашает прорицательницу и оказывает ей хороший прием, как это бывало, когда принимали таких женщин. Ей было приготовлено почетное сиденье, и на него положена подушка, которая, как полагалось, была набита куриными перьями.

Когда она пришла вечером с человеком, высланным ей навстречу, она была так одета: на ней был синий плащ, завязанный спереди ремешками и отороченный самоцветными камушками до самого подола. На шее у нее были стеклянные бусы, а на голове — черная смушковая шапка, подбитая белым кошачьим мехом. В руке она держала посох [став (*staf*)] с набалдашником, оправленным желтой медью и усаженным самоцветными камушками. Пояс у нее был из трута, а на поясе висел большой кошель, в котором она хранила зелья [точнее, талисманы: тауф (*taufr*)], нужные для ворожбы. Она была обута в мохнатые башмаки из телячьей кожи, и на них были длинные и крепкие ремешки с большими пряжками из желтой меди. На руках у нее были перчатки из кошачьего меха, белые и мохнатые изнутри.

Когда она вошла в дом, все почли своим долгом уважительно ее приветствовать, а она принимала приветствия от каждого в зависимости от того, насколько он был ей приятен. Торкель взял ворожею [висендакону (*visenda-kona*)] за руку и привел ее к сиденью, которое было ей приготовлено. Затем он попросил ее окинуть взглядом его стада, домочадцев и дом. Но она ни о чем ничего не сказала.

Вечером поставили столы, и вот что было подано ворожее [спаконе]: каша на козьем молоке и кушанье из сердец всех животных, которые там были. У неё была ложка из желтой меди и нож с рукоятью из моржовой кости, стянутой двумя медными кольцами. Острие его было обломано.

Когда столы были убраны, Торкель подошел к Торбьёрг и спросил, как ей понравился его дом и обхождение людей и скоро ли он получит ответ на то, что спрашивал и что всем хочется узнать. Она сказала, что ответит только на следующее утро, после того как проспит там ночь.

На исходе следующего дня ей было приготовлено все, что нужно для ворожбы [сейда]. Она попросила, чтобы ей помогли

женщины, которые знают песню, необходимую для ворожбы [сейда] и называемую вардлок [Vargðlokur, букв.: «то, что зачаровывает духов»]. Но таких женщин не нашлось. Стали искать в селении, не знает ли кто этой песни. Тогда Гудрид сказала:

— Я не колдунья [фьолькунниг (*fjölknunig*)] и не ворожея [висендакона], но когда я была в Исландии, Халльдис, моя приемная мать, научила меня песне, которую она называла вардлок.

Торбьёрг отвечала:

— Тогда твое знание кстати.

Гудрид говорит:

— Это такая песня и такой обряд, в которых мне не пристало принимать участие. Ведь я христианка.

Торбьёрг отвечает:

— Возможно, что ты оказала бы помощь людям, и ты не стала бы от этого хуже. Но это дело Торкеля позаботиться о том, что мне нужно.

Торкель стал уговаривать Гудрид, и она сказала, что сделает, как он хочет.

Женщины стали кольцом вокруг помоста, на котором сидела Торбьёрг, и Гудрид спела песню так хорошо и красиво, что никто раньше не слышал, чтобы ее пели настолько красивым голосом. Прорицательница [спакона] поблагодарила ее за песню.

— Многие духи явились теперь, — сказала она, — любо им было слушать песню, а раньше они хотели скрыться от нас и не оказывали нам послушания. Мне теперь ясно многое из того, что раньше было скрыто и от меня, и от других⁹.

Описанная здесь процедура — это именно сейд, а не спакрафт, хотя она и применяется для предсказания будущего. Торбьёрг именуют вэльвой и спаконой, поскольку она действительно прорицает; но для этого она не взаимодействует с нитями вирда непосредственно и не прозревает будущее силой собственной интуиции или дара предвидения. Будущее открывают ей духи, которых она призывает с помощью особых песнопений, а затем общается с ними, восседая на своем помосте. В данной своей форме сейд во многом схож с практиками шаманской религии саамов и различных народов Сибири. Например, алтайские шаманы входят в транс, поднимаясь по девяти ступеням, вырезанным на березовом шесте (Eliade, 191). В связи с этим любопытно, что в «Прорицании вэльвы» (2) провидица тоже поднимается по девятиступенному древу (Buchholz, 14):

⁹ Пер. М.И. Стеблин-Каменского.

Великанов я помню,
рожденных до века,
породили меня они
в давние годы;
помню девять миров
и девять корней [или ступеней: *viði*]
и древо предела,
еще не проросшее¹⁰.

Вэльва из «Саги об Эйрике Рыжем», подобно шаману, облачена в особый костюм, сшитый из шкур и увешанный украшениями. Возможно, не случайно ее шапка и перчатки подбиты кошачьим мехом: кошка — священное животное Фрейи, богини сейда. Плащ у вэльвы — синего цвета, а синий цвет в скандинавской литературе ассоциируется со смертью, Хель и царством мертвых. Один из устойчивых мотивов в эддах и сагах — получение тайной мудрости от умерших. Прорицательницу усаживают на особую подушку, набитую куриными перьями; возможно, это всего лишь знак уважения, но не исключено, что благодаря этим перьям сейдкона обретает способность перелетать из мира в мир (как Фрейя в своем соколином оперении).

Саамские и сибирские шаманы входят в экстатический транс под барабанный бой, а вэльве для этого нужна особая песня — *вардлок*. Слова вардлока до нас не дошли, но поскольку Гудрид говорит, что эту песню пела ей приемная мать, можно предположить, что вардлок был подобен монотонной и умиротворяющей колыбельной. Кроме того, другие источники наводят на мысль, что вэльва могла ритмично ударять посохом в настил *сейдхьялля* (помоста), как шаман бьет в свой бубен. В «Перебранке Локи» (24) Локи обвиняет Одина:

А ты, я слышал,
на острове Самсей
бил в барабан (*vétt*),
среди людей колдовал,
как делают ведьмы [вэльвы, *völor*]¹¹.

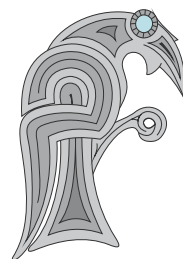
Стрёмбек и другие комментаторы давно подметили многие черты сходства между практикой сейда и саамской религией. Более того, в самих описаниях сейда в скандинавской литературе нередко указывается, что это искусство перенято от «финских чародеев», под которыми, собственно, и подразумевались лапландские (саамские) шаманы. Во многих случаях «финским», т.е. саамским, колдунам приписывают те же способности, что и сейдконам. Утверждается, что финны могут превращаться в различных живот-

ных (зачастую — в морских млекопитающих или птиц), чтобы путешествовать в духе по чужим землям и вести там разведку («Сага о людях из Озерной Долины», глава XXIX). В число колдовских способностей этих «финских чародеев» часто входила магия стрельбы из лука: говорили, что колдун всегда стреляет без промаха, может выпустить по три стрелы за раз и владеет волшебными стрелами, которые сами возвращаются на тетиву, поразив цель. По-видимому, все эти поверья связаны с представлениями о «стрелах духов», широко распространенными в европейском фольклоре: считалось, что эльфы или другие сверхъестественные существа могут поражать людей и домашний скот волшебными стрелами с каменными наконечниками. В Скандинавии такие стрелы назывались «финскими» или «лапландскими» (*finnskot, lappskot*), и вера в них надолго пережила эпоху викингов. Известна строчка из средневековой молитвы скандинавских христиан: «For Nordenvind og Finskud bevar os milde Herre Gud» («От северного ветра и от финской стрелы избавь нас, добрый Господи Боже!»)

Снорри Стурлусон в «Саге об Инглингах» утверждает, что изначально сейд был искусством ванов и что богов ему обучила Фрейя — сперва в обличье Гулльвейг, а затем и в собственном своем облике, как наставница Одина:

Один владел и тем искусством, которое всего могущественнее. Оно называется колдовство [сейд]. С его помощью он мог узнавать судьбы [орлог] людей и еще не случившееся, а также причинять людям болезнь, несчастье [букв.: утрату хаминьи] или смерть, а также отнимать у людей ум или силу и передавать их другим. Мужам считалось зазорным заниматься этим колдовством [точнее: «Но с этим колдовством имели дело такие эрги (*ergi*), что мужам считалось зазорным им заниматься»], так что ему обучались жрицы («Сага об Инглингах», глава VII)¹².

Итак, сейд был преимущественно женской магией — до такой степени, что мужчина, владевший этим искусством, считался «арг» (*argr*, прилагательное от *ergi*), то есть склонным принимать женскую роль в сексуальных отношениях с другими мужчинами и, в целом, женоподобным и трусливым. Почему практика сейда воспринималась фактически как запретная для мужчин, точно неизвестно. Высказывались предположения, что сейд считался неподобающим для мужчины потому, что позволял поражать врагов не силой оружия, а колдовством или ядом, или же

65...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

¹⁰ Пер. А.И. Корсуна.

¹¹ Пер. А.И. Корсуна.

¹² Пер. М.И. Стеблин-Каменского.

что сейду сопутствовали какие-то сексуальные ритуалы, в которых главный исполнитель обряда выполнял женскую роль. Однако более вероятно, что сейдконой или сейдманом время от времени овладевали духи или даже божества, как это происходит в практике вуду. Допуская иную сущность в свое тело, человек утрачивал власть над собой и превращался в пассивное орудие божества или духа, что в корне противоречило традиционной этической концепции мужественности.

Обряды сейда не всегда проводились на помосте: некоторые магические практики требовали от сейдконы удалиться от людей и сесть или лечь, укрывшись плащом, шкурой или покрывалом. Уединившись таким образом, она шептала заклинания или медитировала, но со стороны могло казаться, что она погрузилась в глубокий сон или даже умерла. Во время этой процедуры с сейдконой ни в коем случае нельзя было разговаривать и, в особенности, окликать ее по имени, чтобы не прервать транс. Во многих описаниях погружению в транс предшествует необыкновенно широкий и долгий зевок, и с таким же зевком сейдкона выходит из медитации; возможно, за этим стоит идея о том, что сознание, душа или хаминья сейдконы выходит и возвращается через рот (Buchholtz, 12). Этим методом «ухода под плащ» чаще пользовались мужчины, чем женщины, и, по-видимому, он играл важную роль в искусстве тулов и скальдов, позволяя открывать тайные истины, предсказывать будущее, наносить магические удары врагам и вести разведку в чужих землях, а иногда и творить чары, проявляющиеся непосредственно в физическом мире (например, вызывать оползни). Самыми лучшими местами для «ухода под плащ» считались вершины курганов и могилы: по-видимому, там было легче всего получить мудрость от мертвых. Эта практика называлась «утикета» (utisetá, букв. «сидение снаружи») или «ситья а хауги» (sitja á haugi, «сидение на кургане»). Человеку, решившемуся на утикету, всегда грозила опасность: он мог обезуметь или пасть жертвой хаугбуи (haugbúi) — мертвеца, обитавшего в кургане (Aðalsteinsson, 110–122).

Еще одна черта, роднящая сейд с шаманизмом, — способность превращаться в животных или подселять свой дух в тело животного. В описаниях подобных практик чаще всего фигурируют морские млекопитающие (морж, кит или тюлень) или животные, связанные с Фрейей (кошка, вепрь или сокол). Эта техника известна под названием «ганд-рейд» (gand-reið, буквально — «езда на ганде»).

Само слово «gand» означает «заклинание, магическое песнопение, чары» и описывает ту силу, при помощи которой осуществлялась эта «езда». К искусству ганд-рейда причисляли также езду верхом на метлах, прятках и волках (Cleasby-Vigfusson, статья «gandr»). В «Саге о Кормаке» (глава XVIII) сейдкона Торвейг совершает ганд-рейд в обличье моржа:

Только братья отошли от пристани, как прямо за кормой из-под воды показался морж. Кормак швырнул в него палкой и попал. Морж ушел обратно под воду, но люди на борту узнали его по глазам: то была колдунья Торвейг. Больше морж не появлялся, но прошел слух, что Торвейг лежит при смерти; говорят, так ей и настал конец.

По-видимому, здесь идет речь не о превращении, а о подселении духа в тело животного: тело Торвейг оставалось на берегу, но пострадало от удара, нанесенного в море. Оборотничество такого рода тесно связывается с сейдом в «Саге о Фритьофе Смелом» (главы V–VIII), где колдуньи управляют китом в море, восседая при этом на сейдхьялле:

Потом послали они за двумя колдуньями, Хейд и Хамгламой, и дали им денег, с тем, чтобы они наклеили на Фритьофа и мужей его такую непогоду, от которой бы все погибли в море. Они изготовили чары и взошли на подмости [сейдхьялле] с колдовством и заклинаниями. <...> Тогда Фритьоф и люди его заметили, что корабль унесло далеко вперед; но они не знали куда, ибо их отовсюду окружала мгла, так что ничего не было видно между кормой и носом за волнением и бурей, туманом и снегом, и страшной стужей. Вот Фритьоф взлез на мачту и сказал своим товарищам, когда спустился: «Я видел чудное зрелище: огромный кит лег кольцом вокруг корабля; догадываюсь, что мы приблизились к какой-то земле и что он хочет помешать нам пристать; мне сдается, что конунг Хельге поступает с нами не дружески и посылает нам что-то недоброе. Вижу двух женщин на хребте кита, и они-то, конечно, вызвали эту грозную бурю своими злыми чарами и заклинаниями.

Фритьофу и его людям удастся победить этих женщин, кит уходит под воду, и непогода отступает, а между тем «колдовавшие сестры свалились с колдовских подмостков, и обе переломили себе спину»¹³.

Способность путешествовать в теле животного использовалась в самых разнообразных целях: для поиска необходимых предметов, для прокладки маршрутов, для разведки

¹³ Пер. Я. Грота и А. Смирницкого.

в стане врага, для защиты какого-либо человека или жилища (Ellis-Davidson, 29).

«Дальним странствиям» сейдкон в обличье животных находятся параллели среди саамских и сибирских шаманских методов. В категорию ганд-рейда входили и такие характерные для шаманизма практики, как путешествия во сне и насылание кошмаров:

Мара «ездит верхом» на людях и животных, а иногда и на деревьях. Напасть она может на кого угодно, хотя, по-видимому, мужчинам досаждаёт чаще, чем женщинам. Риск особенно велик, если спать на спине. Обычно мара проникает в дом через замочную скважину, через отверстие в стене или в оконной раме, а иногда — через дымоход. Вообще она может войти через любую круглую дыру, но в отверстия другой формы не проникнет. Впрочем, через щели в окнах она способна просочиться в любом случае. Мара приходит не беззвучно. Слышится шелканье в замке или тихий топоток у дверей, или шлепок, словно на дощатый пол упало что-то мягкое. Иногда — тихое шипение («ш-ш-ш, ш-ш-ш») или какой-нибудь подобный непонятный и слабый звук. Но бежать уже поздно: мара навалится на жертву тотчас же, как проникнет в дом. Ощущается это, как будто на вас накатила огромная тяжесть, чаще всего поднимающаяся от ног к голове. Иногда кажется, будто кто-то пытается заткнуть вам рот и нос, иногда — будто вас сдавили так крепко, что не пошевельнуть и пальцем. Человек, на которого нашла мара, начинал громко стонать во сне, но пошевелиться и сбросить её не мог. В конце концов, он просыпался, трясясь с головы до ног и весь мокрый от пота (Tillhagen, 318).

Иногда мара не имела определенного облика, а иногда являлась в образе уродливой ведьмы, тени, лошади, кошки или другого животного. Предания о маре известны по всему миру; по-видимому, за ними стоят такие реальные явления, как ночные кошмары у детей и специфические состояния между сном и бодрствованием, встречающиеся у взрослых. Но в культуре викингов считалось,

что мара насылают могущественные сейдконы, как, например, в следующем рассказе о смерти Ванланди:

Тогда Дрива послала за колдуньей [сейдконой] Хульд, а Висбура, сына ее и Ванланди, отправила в Швецию. Дрива подкупила колдунью Хульд, чтобы та заманила Ванланди в Страну Финнов либо умертвила его. Когда шло колдовство [сейд], Ванланди был в Уппсале. Ему вдруг захотелось в Страну Финнов, но друзья его и советники запретили ему поддаваться этому желанию, говоря, что оно наверно наколдовано финнами. Тогда его стал одолевать сон, и он заснул. Но тут же проснулся и позвал к себе и сказал, что его топчет мара. Люди его бросились к нему и хотели ему помочь. Но когда они взяли его за голову, мара стала топтать ему ноги, так что чуть не поломала их. Тогда они взяли его за ноги, но тут она так сжала ему голову, что он сразу умер («Сага об Инглингах», глава XIII)¹⁴.

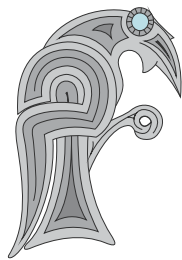
Как уже отмечалось, в сагах нередко упоминается, что та или иная сейдкона научилась своему ремеслу у саамских волшебников — шаманов. Поэтому не удивительно, что, подобно этим «финским», то есть саамским, шаманам, сейдкона зачастую знает заклинания, вызывающие ветер, умиротворяющие ураган, насылающие метель на врага и поднимающие бурю на море. Один из примеров тому встречается в «Саге о Фритьофе Смелом», и мы его уже рассмотрели. По-видимому, погодой обычно управляли именно так, как в этой саге, — с вершины сейдхьялля (хотя в некоторых источниках упоминаются и другие техники). Сейдхьялль используется и в эпизоде «Саги о людях из Лососей Долины», где семейство Коткеля, сведущее в колдовстве, поднимается на помост, чтобы наслать грозу на корабль Торда (глава XXXV). Бури и грозы — не единственные природные явления, подвластные сейдконам: во многих сагах повествуется о том, как колдуньи вызывают оползни и камнепады, либо лежат в трансе, либо трижды обходя с заклинаниями против хода солнца то место, где должна сойти лавина (Ellis-Davidson, 36).

¹⁴ Пер. М.И. Стеблин-Каменского.

VI. Магия и домашнее хозяйство

В древнескандинавской литературе прядение стойко ассоциируется с судьбой и магией. Полагали, что в день середины зимы богини прядения осматривают прялки и веретена всех женщин и трудолюбивым прядильщицам посылают удачу, а ленивым — несчастья

на весь следующий год (Motz, 152, 154). Таким образом, усердие в прядении напрямую влияло на удачу всей семьи. Считалось, что норны прядут нити вирда каждого человека. Например, в «Первой Песни о Хельги убийце Хундинга» норны выпрядают судьбу Хельги:

67...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

*Так нить судьбы [сына Боргхильд]
пряли усердно,
что содрогались
в Бралунде стены;
нить золотую
свили и к небу —
к палатам луны —
ее привязали.*

Представления о том, что судьбу ребенка можно спрясть либо изменить или необратимо разрушить посредством прядения, были весьма устойчивыми и сохранялись даже в позднейших детских сказках — таких, например, как «Спящая красавица». Под влиянием этих поверий возник сложный ритуал, который исполняли шведские женщины на седьмом месяце беременности. Проколов палец швейной иглой, женщина чертила кровью защитные символы на деревянной дощечке. Затем она выпрядала три меры льна, одну из которых окрашивала в красный цвет, другую — в черный, а третью оставляла белой. После этого дощечку полагалось сжечь, а пепел от нее — всыпать в мед или пиво. Горящим прутом из огня, на котором сжигалась дощечка, женщина отделяла от каждой меры льна отрезок нити длиной в семь дюймов, вываривала эти нити в соленой воде и на три дня оставляла сушиться в лесу на ветке. Затем нити заворачивали в чистую льняную тряпицу и хранили до родов. Белой нитью перетягивали пуповину новорожденного. Красную нить повязывали младенцу на запястье как оберег; иногда на нее подвешивали бусину для защиты сглаза. Наконец, черную нить, символизирующую смерть и несчастье, сжигали дотла и зарывали пепел в землю. Послед нередко закапывали под тем же деревом, на котором сушились нити.

В захоронениях женщин из континентальных германских племен, так же как и в могилах англосаксонских и британских женщин в области датского права, нередко встречаются крупные, несколько уплощенные, ограниченные пятиугольниками бусины из горного хрусталя с непропорционально большими отверстиями. Предполагают, что это — веретенные блоки. При вращении веретена такой блок сверкал на солнце, испуская яркие радужные вспышки. Кроме того, при раскопках в Скандинавии и на территориях расселения англосаксов находят веретенные блоки из янтаря и гагата; гагат считался «черным янтарем» и, соответственно, таким же священным камнем Фрейи, как и настоящий янтарь — застывшие слезы богини; куски янтаря и гагата часто использовали как амулеты. Если требуется «спрясть волшбу», что может быть лучше,

чем магический веретенный блок из сверкающего горного хрусталя или из слез самой богини? (Meaneу, 78–79).

Чары не только пряли, но и вплетали в полотно на ткацком станке. Самые лучшие примеры сейда этого рода встречаются в «Саге об оркнейцах», где Хельга и ее сестра Фраккок ткнут для Паля, брата Эрленда, рубаху из тонкого белого льна, расшивают ее золотой нитью и пропитывают ядом или смертоносной магией. Сын Хельги, оркнейский ярл Харальд, находит эту рубаху и хочет взять ее себе, но

...сестры сняли шапки и принялись рвать на себе волосы, восклицая, что жизни его придет конец, если только он наденет эту рубаху. Но как они обе ни плакали, Харальда это не остановило; надев рубаху, он тотчас затрясся от ужасной боли, слег и вскоре умер (глава LV).

Магия ткачества могла служить и благим целям. В загадках нередко кольчуги уподобляются волшебным одеждам, в которые при тканье были вложены защитные чары. Такие одеяния называли «колдовскими плащами» (*gørningstakkr*); в «Саге о людях с Песчаного Берега» (глава XVIII) упоминается плащ, защищающий от любого оружия, который Катла сшила Одду, а в «Саге о людях из Озерной Долины» (глава XIX) — такой же плащ, который колдунья Льот сшила своему сыну Хроллеифу. Подобные магические одеяния фигурируют и во многих других скандинавских источниках. Тот же мотив встречается в финском эпосе, где мать шьет сыну волшебную рубаху, спасающую от любого металлического оружия.

Широко известный пример ткацких защитных чар — разновидность флага, известная под названием «знамя ворона». Под такими знаменами датские викинги грабили побережья Бельгии и Северной Франции в IX—X веках. Под таким же вороньим стягом воины Сигфрида совершили набег на Британские острова в 878 году, а в исландских рукописях XII—XIII веков знамя ворона упоминается в связи с оркнейским ярлом Сигурдом II Толстым, сыном Хлэдвира, и с норвежским королем Харальдом Суровым. Во всех этих случаях знамя использовалось как источник магии, наводящей страх на врага: в мирное время оно оставалось белым, но в бою чернело — или же, по другим рассказам, на белом поле стяга появлялось изображение огромного черного ворона, который казался живым и даже хлопал крыльями. Волшебное знамя для предводителя войска непременно должна была соткать сестра или мать, вплетая в полотно защитные

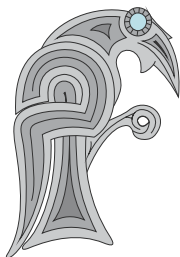
чары. Конунг или ярл, шедший в бой под таким знаменем, непременно побеждал, но знаменосец зачастую погибал в битве («Сага об оркнейцах», VI, XI, XIV, XVII; «Сага о Ньяле», CLVII, Lukman, 135–150).

Христианские комментаторы сурово осуждали эту разновидность женской магии. Элигий Нуайонский заявлял, что женщина не должна «называть имена других несчастных ни за ткацким станком, ни у красильного чана, ни при какой иной работе с тканями», а редактор Бурхарда Вормсского (ок. 1010) назначал за ткацкую магию следующую епитимью:

Видел ли ты своими глазами и попускал ли, чтобы женщины за прялкой или за ткацким станом предавались суеверию своему, когда, приступая к прядению, возомнят, будто способны заклинаниями и рукодельем своим так переплести утók с основой, что человек,

против которого они злоумыслили, смертию умрет, ежели не отыщет иного средства от тех бесовских заклинаний? Коли видел и попускал, то назначено тебе тридцать дней покаяния на хлебе и воде (Meaneу, 185).

Особенно тесно с магией ассоциировались красный и синий цвета; ткань, окрашенную в эти цвета, использовали для процеживания лекарственных настоев. Голландское слово «toverij», немецкое «Zauber» и древнеанглийское «teafor», означающие «колдовство», родственны древнеисландскому «tauf», обозначавшему амулет или талисман. И все эти слова, в свою очередь, происходят от германского корня со значением «красный, киноварный» (Storms, 102–103). Красной нитью перетягивали пуповину новорожденного и привязывали к большим частям телам мешочки с лечебными травами.

VII. Магия и врачевание

В языческих культурах магия не только используется для врачевания телесных недугов, но и зачастую служит основным средством лечения психических расстройств. Врачевание было одной из важнейших обязанностей скандинавских женщин, владевших магией (Steffensen, 192). Турид Мудрая, также известная как спакона, излечила двух мужчин, получивших ранения в хольмганге (hólmganga, скандинавская форма поединка) (Steffensen, 188). Среди исландских врачевательниц были в ходу амулеты и целебные камни. §7 «Грагаса», свода законов, действовавших в Исландии после христианизации, утверждает:

Не должно человеку творить ухищрения с камнями или наполнять их колдовской силой, дабы подвешивать затем на людей или скотину. Если кто уверует, что камни способны охранить его здоровье или здоровье скота, да будет наказан малым изгнанием.

В других скандинавских источниках упоминаются «камни жизни», целебные камни, камни, облегчающие деторождение, останавливающие кровь, дарующие невидимость и исполняющие желания (Meaneу, 102).

Была известна скандинавским женщинам и магическая техника наложения рук. Обычно эту форму диагностики проводила родная или приемная мать: провожая сына на битву, она дотрагивалась до всех частей его тела и определяла таким образом, куда он будет ранен (Ellis-Davidson, 27).

Использовались и другие магические приемы, связанные с врачеванием, но целительная магия в сагах упоминается редко. Из колдуний-врачевательниц нам известны также гренландка Грима из «Саги о названных братьях» и Гуннхильд из Страны Бьярмов, персонаж «Саги о Харальде Прекрасноволосом» (Ellis-Davidson, 40-41, п. 20 & 55). Наложение рук в сочетании с рунической магией упомянуто в «Речах Сигдривы»:

7. Руны пива
*познай, чтоб обман
тебе не был страшен!
Нанеси их на рог,
на руке начертай,
руну Науд — на ногте.*
8. Рог освяти,
*опасайся коварства,
лук брось во влагу;
тогда знаю твердо,
что зельем волшебным
тебя не напоят.*
9. Повивальные руны
*познай, если хочешь
быть в помощь при родах!
На ладонь нанеси их,
запястья сжимай,
к дисам взывая.*
11. Целебные руны
*для врачевания
ты должен познать;
на стволе, что ветви
клонит к востоку,
вырежи их.*

69...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р
№ 20
2018

19. То руны письма,
повивальные руны,
руны пива
и руны волшбы, —
не перепутай,
не повреди их,
с пользой владей ими;
пользуйся знанием
до смерти богов!

VIII. Женщины и магия в области датского права

Среди англосаксов в IX—X веках были распространены предания о женщинах-колдуньях из Данелага — области датского права в северо-восточной части Англии. Жители Данелага поддерживали постоянные связи со Скандинавией, благодаря чему практики северного язычества сохранялись там дольше, чем в других областях Англии. В источниках упоминаются «заклинательницы трав» (*wyrtgælstra*), поющие *гальдор* над растениями (Crawford, 105). Церковники осуждали женщин, которые

...занимаются колдовством (*wicse*) ради любви мужчины либо подмешивают ему в пищу или питье, или же в какие-либо заклятые вещи (*galdor-craft*) нечто такое, от чего любовь его должна усилиться (Crawford, 111).

Эльфрик негодовал на женщин, проповедовавших культ деревьев, камней и источ-

ников, варивших любовные зелья и толковавших сны (Crawford, 111). Чтобы навредить человеку, его изображение пронзали железными булавами:

...а прежде того некая вдова и ее сын лишились своего имени в Эйлсворте за то, что втыкали железные булавы в Элси, отца Вульфстана, но дело их раскрылось, и ту смертоносную куклу нашли у них в кладовой (Crawford, 113).

Встречались среди англосаксов и прорицательницы, как свидетельствует следующая статья из христианского уложения о наказаниях:

Если женщина прорицает и творит заклинания при помощи дьявола, ей полагается наказание сроком на один год или на 40 месс, 40 дней, и да будет она наказана в меру ее вины (Crawford, 113).

... 70

Основные источники

Grágás [Грагас]. Trans. Andrew Dennis, Peter Foote and Richard Perkins. // *Laws of Early Iceland: Grágás I. Winnipeg: University of Manitoba Press, 1980.*

Grágás [Грагас]. Trans. Andrew Dennis, Peter Foote and Richard Perkins. // *Laws of Early Iceland: Grágás II the Codex Regius of Grágás With Material from Other Manuscripts.* Winnipeg: University of Manitoba Press, December 1999.

Kormáks saga [Сага о Кормаке]. Trans. William G. Collingwood and Jón Stefánsson. // *The Life and Death of Cormac the Skald.* Ulverston: Holmes, 1902.

Orkneyinga saga [Сага об оркнейцах]. Trans. Herman Pálsson and Paul Edwards. // *Orkneyinga Saga.* Harmondsworth: Penguin, 1978.

Vatnsdoelasaga [Сага о людях из Озерной Долины]. Trans. Gwyn Jones. // *The Vatnsdaler's Saga.* New York: Princeton University Press, 1944.

Прядь о Сёрли, или Сага о Хедине и Хёгни. Пер. Т. Ермолаева.

Сага о Волсунгах. Пер. Б.И. Ярхо // *Корни Иггдрасиля.* М.: Терра, 1997.

Сага о Греттире. Пер. О.А. Смирницкой. // *Исландские саги.* В 2-х тт. М.: 2004, т. 1.

Сага о людях с Песчаного Берега. Пер. А.В. Циммерлинга, С.Ю. Агишева. // *Исландские саги.* В 2-х тт. М.: 2004, т. 2.

Сага о Ньяле. Перевод С.Д. Кацнельсона (гл. I–XXXVIII), В.П. Беркова (гл. XXXIX–CXXIV и CXXXI–CLIX), М.И. Стеблин-Каменского (гл. CXXV–CXXX). // *Исландские саги.* В 2-х тт. М.: 2004, т. 2.

Сага о Фритьофе Смелом. Пер. Я. Грота, проверен и исправлен А. Смирницким. // *Эсайас Тегнер. Фритьоф Смелый.* М.: Терра, 1996.

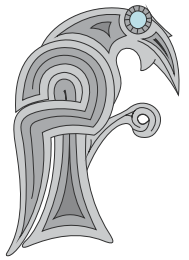
Сага о Харальде Прекрасноволосом. Пер. М.И. Стеблин-Каменского. // *Стурлусон, Снорри. Круг Земной.* М.: Наука, 1980.

Saga об Инглингах. Пер. М.И. Стеблин-Каменского. // Стурлусон, Снорри. *Круг Земной.* М.: Наука, 1980.

Saga об Эйрике Рыжем. Пер. М.И. Стеблин-Каменского. // *Исландские саги.* В 2-х тт. М.: 2004, т. 1.

Старшая Эдда. Пер. А.И. Корсуна. // *Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах.* М.: Художественная литература, 1975.

Тацит, Корнелий. *О происхождении германцев и местоположении Германии.* Пер. А.С. Бобовича. // Тацит, Корнелий. *Сочинения в 2-х томах. Том 1. Анналы и малые произведения.* М.: Наука, 1969.

Дополнительная литература

Aðalsteinsson, Jón Hnefill. *Under the Cloak: the Acceptance of Christianity in Iceland with Particular Reference to the Religious Attitudes Prevailing at the Time.* Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 1978.

Benedikz, B.S. «The Master Magician in Icelandic Folk-Legend». // *Durham University Journal*, pp. 22–34.

Buchholz, Peter. «Shamanism — the Testimony of Old Icelandic Literary Tradition». // *Medieval Scandinavia*, 4 (1971), pp. 7–20.

Burhenn, Herbert. «Functionalism and the Explanation of Religion». // *Journal for the Scientific Study of Religion*, 19:4 (1980) pp. 350–360.

Cleasby, Richard and Guðbrandr Vigfusson. *An Icelandic-English Dictionary.* 2nd ed. Oxford: Clarendon, 1957.

Collinder, Bjorn. *The Lapps.* New York: Princeton University Press, 1949.

Crawford, Jane. «Evidences for Witchcraft in Anglo-Saxon England». // *Medium Ævum*, 32:2 (1963) pp. 99–116.

Ellis-Davidson, Hilda R. «Hostile Magic in the Icelandic Sagas». // *The Witch Figure: Folklore Essays by a Group of Scholars in England Honouring the 75th Birthday of Katharine M. Briggs.* Ed. Venetia Newall. Boston: Routledge & Kegan Paul, 1973, pp. 20–41.

Elsworthy, Frederick T. *The Evil Eye: An Account of this Ancient and Widespread Superstition.* Reprint. New York: Bell Publishing, 1989.

Doore, Gary, ed. *Shaman's Path: Healing, Personal Growth, and Empowerment.* Boston: Shambala, 1988.

Eliade, Mircea. *Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy.* Princeton University Press, 1964.

Fuglesang, Signe Horn. «Viking and Medieval Amulets in Scandinavia». // *Forvänneren*, 84 (1989) pp. 15–25.

Geertz, Clifford. *The Interpretation of Cultures.* New York: Basic Books, 1973.

Gloseki, Stephen O. *Shamanism and Old English Poetry.* New York: Garland, 1989.

Gordon, E.V. *An Introduction to Old Norse.* 2nd ed. Oxford: Clarendon, 1957.

Hand, Wayland D. «Witch-Riding and Other Demonic Assault in American Folk Legend». // *Probleme der Sagenforschung.* Ed. Lutz Röhrich. Friburg im Breisgau: Deutsche Forschungsgemeinschaft. 1973. pp. 165–176.

Henderson, Joseph L., M.D. *Thresholds of Initiation.* Middletown, CT: Wesleyan University Press, 1967.

Hufford, David J. *The Terror that Comes in the Night: An Experience-Centered Study of Supernatural Assault Traditions.* Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1982.

Jochens, Jenny. «Old Norse Magic and Gender». // *Scandinavian Studies*, 63(3):305–317, 1991.

Jochens, Jenny. «Völuspá: Matrix of Norse Womanhood». // *Journal of English and Germanic Philology* 88(3):344–362, 1989.

Karsten, Rafael. *The Religion of the Samel: Ancient Beliefs and Cults of the Scandinavian and Finnish Lapps.* Leiden, Netherlands: E.J. Brill, 1955.

Kieckhefer, Richard. *Magic in the Middle Ages.* Cambridge Medieval Textbooks. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

Kliman, Bernice W. *Shakespeare in Performance: Macbeth.* Manchester: Manchester University Press, 1992.

Krappe, Alexander H. «The Sending». // *Scandinavian Studies* 17:8 (1943) pp. 297–304.

Lewis, I.M. *Ecstatic Religion: A Study of Shamanism and Spirit Possession.* Harmondsworth: Penguin, 1971, vol. I.

Lukman, N. «The Raven Banner and the Changing Ravens». // *Classica et Mediaevalia*, 29. Copenhagen: Dansk Selskab for Oldtids og Niddelalder Forskning. 1958. pp. 133–151.

McCutchan, J. Wilson. *Macbeth: A Complete Guide to the Play.* New York: Barnes and Noble Inc., 1963.

Meaney, Audrey L. *Anglo-Saxon Amulets and Curing Stones.* British Archaeological Reports British Series 96. Oxford: BAR, 1981.

Motz, Lotte. «The Winter Goddess: Percht, Holda, and Related Figures». *Folklore* 95:2 (1984), pp. 151–166.

Näström, Britt-Mari. *Freyja — the Great Goddess of the North.* Lund Studies in the History of Religions 5. Lund: Department of History of Religions, University of Lund, 1995.

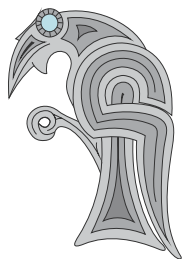
Page, R.I. «Lapland Sorcerers». // *Saga Book of the Viking Society* 16 (1963–1964):215–232.

Poulsen, Grete S. «The Complementarity of Magic in Nordic Mythology and in Archaeological Sources». // *Words and Objects: Towards a Dialogue between Archaeology and History of Religion.* Ed. Gro Steinsland. Oslo: Norwegian University Press, 1986. pp. 168–179.

71...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р
№ 20
2018

Simpson, Jacqueline. «Olaf Tryggvason versus the Powers of Darkness». // *The Witch Figure: Folklore Essays by a Group of Scholars in England Honouring the 75th Birthday of Katharine M. Briggs*. Ed. Venetia Newall. Boston: Routledge & Kegan Paul, 1973. pp. 165–187.

Steffensen, Jón. «Aspects of Life in Iceland in the Heathen Period». *Saga-Book of the Viking Society*, 17:2–3 (1967–1968), pp. 177–205.

Storms, Godfrid. *Anglo-Saxon Magic*. The Hague: Martinus Nijhoff, 1948.

Strömbäck, Dag. *Sejd: Textstudier I Nordisk Religionshistoria*. Stockholm: Hugo Gebers Forlag, 1935.

Tillhagen, Carl-Herman. «The Conception of the Nightmare in Sweden». // *Humaniora: Essays in Literature, Folklore and Bibliography Honoring Archer Taylor on His 70th Birthday*. Eds. Wayland D. Hand and Gustave O. Arlt. Locust Valley, NY: J.J. Augustin, 1960, pp. 317–329.

von Erhardt-Siebold, Erika. «The Old English Loom Riddles». // *Philologica: the Malone Anniversary Studies*. Baltimore: Johns Hopkins, 1949.

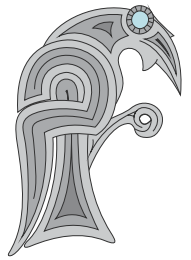
... 72

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

Мария КВИЛХАУГ
Перевод: Анна БЛЕЙЗ
С сайта:
www.northern.thesaurusdeorum.com

Фрейр и Герд: инициация бога

73...

«ГЕРД» (Gerðr) означает «укрытие, убежище», и это имя носит дева-великанша в эддической песни «Поездка Скирнира». Бог Фрейр садится на престол Одина и Фригг в чертоге Хлидскьяльв (*Hliðskjalf*)¹, откуда видны все миры. С этого престола он замечает прекрасную деву во владениях великана Гюмира, и в сердце его пробуждается страстная любовь. Слуга Фрейра, Скирнир (*Skirnir*, «сияющий» или «чистый»)², предлагает сосватать за него эту деву, если только Фрейр даст ему «коня, который пронесет его сквозь темное, неотвратимое, мерцающее пламя», и «меч, который сам собою бьется против великанского рода»³. Фрейр уступает ему эти сокровища, и Скирнир верхом на волшебном коне отправляется в путь в страну великанов.

И вот он скачет сквозь тьму, «по влажным нагорьям»; строфа 10 ясно показывает, что это очень опасное ночное путешествие через мир турсов, в котором «ётун могучий» может запросто

¹ Simek, 1996, p. 152. Значение этого имени остается спорным, но не исключено, что оно происходит от *hlið* – «ворота» и *skjalf* – «дозорная башня». – Примеч. автора.

² Simek, 1996, p. 290, от *skirr* – «чистый, ясный». – Примеч. автора.

³ «Поездка Скирнира», 8; в пер. А. Корсуна:

«Дай мне коня,
пусть со мною проскачет
сквозь полямя мрачное,
и меч, разящий
ётунов род
силой своею!»

одолеть и чудесного коня, и его всадника⁴. У ворот ограды, окружающей дом Девы, Скирнира встречают свирепые псы. Он спрашивает пастуха, сидящего на холме неподалеку, как ему пройти мимо «псов Гюмира». Пастух удивлен таким вопросом и не отвечает ему, но спрашивает в свою очередь, неужто Скирнир уже мертв или вот-вот умрет, — а затем, по-видимому, сообразив, что пришелец все-таки жив, заявляет, что поговорить с дочерью Гюмира ему не удастся. Создается впечатление, что «вести речи» с этой великаншей дозволено только мертвому или умирающему. Но Герд тем временем слышит, как содрогается земля, и, узнав о прибытии Скирнира, приглашает его войти в дом и отведать *inn mæra mjöð*, «славного меда»⁵, — хотя и опасается, что это приехал убийца ее брата. Скирнир проезжает сквозь стену огня, ограждающую дом, и Дева спрашивает его, альв он или кто-то из богов, ас или ван.

Скирнир отвечает, что он не альв, не ас и не ван, и тотчас начинает сватать ее за Фрейра, предлагая в обмен на ее согласие одиннадцать золотых яблок и кольцо, порождающее восемь новых, точно таких же колец на каждую девятую ночь. Герд отказывает ему наотрез. В доме ее отца и без того достаточно золота. Тогда Скирнир начинает грозить ей мечом, но Герд снова отказывает, добавляя, что Гюмир, ее отец, сумеет постоять за себя в схватке. Наконец Скирнир прибегает к гальдру и насылает на Деву страшные проклятия. После этого Герд неожиданно сменяет гнев на милость: она приветствует Скирнира и предлагает ему «хрустальный кубок⁶, полный старого меда» (*hrímkálki fullum forns mjaðar*)⁷. Затем она заявляет, что встретится с Фрейром через девять ночей в безветренной роще Барри (*Barri*)⁸. Узнав о поставленном ею условии, Фрейр не выражает радости, а только сокрушается о том, какими длинными будут эти девять ночей.

Мотивная структура повествования

Мотивная структура «Поездки Скирнира» аналогична той, которая обнаруживается в сюжете о Гуннлёд и Одине. Песнь начинается с мотива визионерского путешествия (описанного в прозе): Фрейр восседает на престоле Одина и обзревает «все миры». Такое состояние, в котором с особого божественного места созерцателю открывается все мироздание, трудно определить иначе, чем визионерский опыт. В продолжение визионерской темы Фрейр замечает в одном из далеких миров прекрасную Деву, чьи руки сияют светом, озаряя горы и моря. Она определенно из иного мира, не из того, в котором находится Фрейр, и увидеть ее он может только сверхъестественным зрением.

Далее следует мотив нисхождения: не сам Фрейр, но его «слуга» — не альв и не бог — спускается в нижние миры. Подобно Одину, он знает, как говорить с теми, кого встречает в этом путешествии, — с пастухом-великаном и дево-великаншей. Затем вводится мотив испытания, когда Скирнир проезжает сквозь мерцающее пламя и мимо свирепых псов, чтобы проникнуть в дом Герд. Великанша приветствует его, и мотив испытания сменяется мотивом Девы, которая обещает гостю напиток, а затем, после словесного поединка (где Скирниру, как Одину, приходится продемонстрировать свое красноречие), соглашается на брак и подносит Скирниру обещанный мед.

Когда Скирнир возвращается к Фрейру с известием о согласии Герд, становится понятно (по крайней мере, на мой взгляд), что мотивы нисхождения, испытания и Девы должны будут повториться: Скирнир совершил инициатическое путешествие от имени Фрейра, которому Дева от-

⁴ Скирнир сказал коню:

«Сумрак настал,
нам ехать пора
по влажным нагорьям
к племени турсов;
доедем ли мы,
или нас одолеет
этун могучий?» (пер. А. Корсуна).

⁵ «Поездка Скирнира», 16. Хольм-Ольсен переводит *mera* как «драгоценный» (*dyrebar*), а Ларрингтон — как «знаменитый» (*famous*). Я нашла в словаре только *mæra* (от *mærd*, f.) — «читать, славить, украшать». — Примеч. автора.

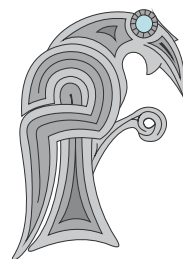
В «Исландско-русском словаре» В. Беркова и А. Бёдварссона даются следующие определения: «*mæra*² a (A *masc* sg *mæran*) поэт. 1) прекрасный, чудесный; 2) ясный, сияющий; 3) знаменитый»; «*mæra* vt -ði поэт. хвалить, славить, прославлять»; в «Исландско-английском словаре» Р. Клисби — «*mæra*, ð, to praise, laud» (т.е. «хвалить, славить»).

² «Поездка Скирнира», 37.

⁶ *Hrímkálki*, букв. «инеистый кубок».

⁷ «Поездка Скирнира», 37.

⁸ От *barr* — «ячмень» или «хвоя». Simek, 1996, p. 32. — Примеч. автора.

крылась только в видении, но теперь Фрейру предстоит проделать тот же путь самостоятельно. Дева дала согласие, но не отправилась вместе со Скирниром в мир богов. Она лишь определила условия, на которых состоится брак: Фрейру предстоит выдержать девять ночей, после чего она встретится с ним в безветренной роще. Не удивительно, что Фрейр сокрушается о долготе этих девяти ночей и опасается не пережить даже трех из них, а то и одной: надо полагать, эти ночи будут не легче тех девяти, которые Один провисел на древе. И завершится его испытание только тогда, когда он достигнет священной рощи, куда не достают ветры — вздымаемые крыльями орла Хресвельга, Пожирателя Трупов.

Дева и ее мир

...свирепые сторожевые псы Гюмира <...> с пастухом на могильном кургане и сам этот курган создают атмосферу преддверия загробного мира с его неизменными стражами-церберами.

— Урсула Дронке⁹

Мы уже показали, что Гуннлёд обитает в мире мертвых; теперь следует задаться вопросом, так ли обстоит дело и с Герд? Действительно, именно так. Темная и топкая дорога, содрогающаяся земля, стена-ограда (в данном случае огненная), к которой нельзя прикасаться, и лающие псы — все это типичные символы мира Хель. Лающие псы вынуждают Скирнира обратиться с вопросом к пастуху, который сидит на могильном кургане. Пастух поначалу принимает Скирнира за мертвого или умирающего — одного из обычных путников на Дороге-в-Хель, — а затем, увидев, что Скирнир жив, делает вывод, что встретиться с Герд ему не удастся. Если Герд и впрямь выступает в роли владычицы смерти, то этот вывод совершенно логичен.

К счастью, мы располагаем весьма детальными описаниями того, как был устроен загробный мир с точки зрения скандинавов. Так, повествуя о путешествии Хермода в Хель, Снорри пишет:

[Хермод] скакал **девять ночей темными** и глубокими долинами и ничего не видел, пока не подъехал к реке Гьёлль [«Шумной»] и не ступил на мост, выстланный светящимся золотом. Модгуд [«Яростная Битва»] — имя девы, охраняющей тот мост. Она спросила, как звать его и какого он роду, и сказала, что за день до того проезжали по мосту пять полчищ мертвецов, «так не меньше **грохочет мост** и под одним тобою, и **не похож ты с лица на мертвого**. Зачем же ты едешь сюда, по Дороге в Хель?» <...>

⁹ Dronke, 1997, p. 390. — Примеч. автора.

75...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

Тогда Хермод поехал дальше, пока не добрался до решетчатых ворот в Хель. Тут он спешился, затянул коню подпругу, снова вскочил на него, всадил в бока шпоры, и конь **перескочил через ворота, да так высоко, что вовсе их не задел**¹⁰.

Похожее описание обнаруживается и в эддической песни «Сны Бальдра», где в Хель отправляется Один, желающий выяснить, что означают зловещие сны его сына:

...reið hann niðr þaðan
niflheljar til;
mætti hann hvelpi,
þeim er ór helju kom.

Sá var blóðugr
um brjóst framan
ok galdrs föður
gól of lengi;
fram reið Óðinn,
foldvegr dunði;
hann kom at hávu
Heljar ranni.

Þá reið Óðinn
fyrir austan dyrr,
þar er hann vissi
völu leiði;
nam hann vittugri
valgaldr kveða...

...оттуда он вниз
в Нифлхель поехал;
встретил он **пса,**
из Хель прибежавшего.

У пса была грудь
кровью покрыта,
на отца колдовства
долго он **лаял;**
дальше помчался —
гудела земля —
Один к **высокому**
Хель жилищу.

На восток от ворот
выехал Один,
где, как он ведал,
вельвы могила;
заклинание он начал
и вещью поднял...¹¹

Поездка Скирнира без труда вписывается в модель, представленную в этих двух источниках. Скирнир отправляется в путь на волшебном коне, способном перепрыгивать через огонь — огонь, который окружает стеной жилище Герд. Один и Хермод, в свою очередь, совершают свои путешествия в Хель верхом на восьминогом жеребце Слейпнире, и в обоих случаях особо оговорено, что они не прикасаются к воротам Хель. Дорога в царство мертвых темна и длинна. Когда Скирнир прибывает к дому Герд, земля под ним содрогается и грохочет; точно так же грохочет под Хермодом мост через реку Шумную, и точно так же гудит земля под копытами Слейпнира, когда к жилищу Хель подъезжает Один. Скирниру приходится преодолеть огненную ограду; Хермоду и Одину — стену или ворота. Стражница у моста через реку Шумную замечает, что Хермод «не похож с лица на мертвого», а страж или житель кургана перед домом Герд спрашивает Скирнира, неужто тот уже мертв или обречен умереть.

Отец Герд — Гюмир, имя которого, по мнению Зимека, может означать «море»¹². Зимек предполагает, что Гюмир — морской великан, поскольку и в «Перебранке Локи», и в «Языке поэзии» он отождествляется с Эгиром¹³. Эгир — муж Ран, владычицы мертвых (утопленников); кроме того, он определенно ассоциируется с котлами и медом, как показано и в «Языке поэзии» (1), и в «Песни о Гюмире». Морские великаны связаны с Девой в ее ипостаси валькирии. Этимология имени «Гюмир» неясна, но Зимек предположительно возводит его к слову *geuta* — «прятать, хранить». В этом случае напрашивается параллель с Суттунгом, который прячет мед (и Деву) в недрах горы. Так или иначе, я бы хотела подчеркнуть, что жилище Эгира — это тоже загробный мир.

Остается добавить, что Герд подносит гостю «старый» и «славный» мед; что у нее прекрасные сияющие руки, свет которых озаряет землю и море; что она не испытывает недостатка в золоте; и, наконец, что по характеру она сильна и независима. Дом ее, как уже было неоднократно сказано, окружен стеной огня. По всем этим признакам можно предположить, что Герд обитает в самом сердце туманной страны Хель.

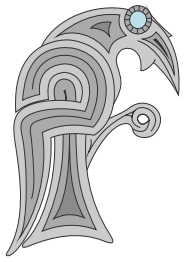
¹⁰ «Видение Гюльви», 49, пер. О. Смирницкой.

¹¹ «Сны Бальдра», 2–4, пер. А. Корсуна.

¹² Simek, 1996, pp. 126–127. — *Примеч. автора.*

¹³ «Эгир, который иначе назывался Гюмир...» (прозаический пролог к «Перебранке Локи»); «Какие есть хейти моря? Море зовется: «океан», «эгир», «гюмир...» («Язык поэзии», 76).

Испытания героев

Фрейр — бог и предок королей, но путешествие в иной мир за него совершает доверенный слуга и друг юности — Скирнир-Сияющий (или «Светлый», или «Чистый»). За свою помощь этот слуга просит (как будто обращаясь к богу с молитвой) волшебного коня и волшебный меч — и получает желаемое. Тема доверенного слуги, которого герой отправляет просватать за него Деву, встречается и в других сюжетах, где подобного рода слуга действует, как опытный шаман. При виде Скирнира Дева предполагает, что он — один из альвов, асов или мудрых ванов, способных путешествовать в Иные миры. Но Скирнир отвечает, что он не альв и не бог; и разгадка этого уклончивого ответа может заключаться в том, что он — человек.

Обладание волшебным конем и чудесным мечом сближает Скирнира с героем Сигурдом, героем/богом Хермодом и богом Одином. Стоит отметить, что в скандинавских источниках путешествие в мир мертвых — обычно конное, а не пешее, и что при захоронении в могильном кургане вместе с умершим нередко погребали и его коня. Более древний, но не менее значимый «конь», переносящий усопшего в загробный мир, — погребальная ладья, фигурирующая во многих героических песнях. Женщину чаще представляли путешествующей в загробный мир в повозке (в частности, этот образ встречается в эддической «Поездке Брюнхильд в Хель») ¹⁴. Магический меч играет важную роль и в сюжетах об обоих Хельги — Хельги сыне Хьёрварда и Хельги убийце Хундинга.

Скирниру, как и Одиному, ради встречи с Девой приходится отправиться в смертельно опасную страну могучих великанов. Однако сама встреча проходит в двух этих случаях совершенно по-разному. Один очевидным образом получает от Девы некую мудрость, Скирнира же вообще не интересуют никакие мудрые наставления: он лишь предлагает дары, чтобы выманить Деву из ее царства, а когда она отказывается, переходит к угрозам и проклятиям. В конце концов, он добивается своего: Дева приветствует его, называя «юношей» (*sveinn*¹⁵), и предлагает ему кубок с медом. Выпил ли Скирнир этот мед, нам не сообщается, но и после примирения с Девой он не изъявляет желания услышать какие-либо слова мудрости, а лишь нетерпеливо спрашивает, когда же она встретится с Фрейром.

Отчаяние, с которым Фрейр принимает весть о грядущей встрече, на первый взгляд кажется странным. Кто-то может расценить его как признак неумеренной страсти, естественной для бога плодородия: ждать целых девять ночей ему невтерпех. Однако я полагаю, что эти девять ночей действительно очень длинные, не короче тех девяти темных ночей, которые длилась поездка Хермода в Хель; и очень тяжелые, не легче трудов девяти работников, которые принял на себя Один на полях великана Бауги; и очень опасные, не безобиднее тех девяти ночей, которые владыка асов провисел на Мировом древе, пронзенный копьем и терзаемый голодом и жаждой. Эти ночи Фрейра столь же полны откровений, как те три ночи, которые отводятся герою Оттару на изучение его родословной, и столь же могущественны, как девять заклинаний, перенесшие Свипдага в чертоги богини ¹⁶. Число девять здесь далеко не случайно: оно символизирует нечто такое, о чем мы можем лишь смутно догадываться по другим контекстам, в которых оно фигурирует. Эти конкретные девять ночей должны завершиться в безветренной роще (*lundr lognfara*) — в месте, куда не досягают ветры, вздымаемые крыльями орла смерти. Эта деталь может заключать в себе скрытое указание на мотив победы над смертью.

Дары и угрозы

Она сдается не потому, что он запугал ее, а потому что усматривает в его словах некую правоту. <...> Альтернативу он обрисовал превосходно.

— Урсула Дронке ¹⁷

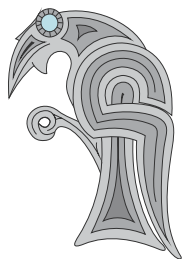
Пожалуй, необходимо сказать несколько слов о дарах, которые Скирнир обещает Деве, и об угрозах, которыми он ее осыпает. Гро Стейнсланн показала, что эти дары — яблоки

¹⁴ Ellis Davidson, 1964, p. 154. — Примеч. автора.

¹⁵ «Поездка Скирнира», 37.

¹⁶ «Песнь о Хюндле», 45; «Заклинания Гроа».

¹⁷ Dronke, 1997, p. 395. — Примеч. автора.

и кольцо, — а также магический жезл, при помощи которого Скирнир налагает проклятия, напоминая символы королевской власти (и тем самым могут отсылать к теме иерогамии)¹⁸. Более того, Бритт-Мари Несстрём усматривает в трех способах, которыми Скирнир пытался добиться от Герд согласия, аналогию с тремя «функциями» в структуре индоевропейского общества (по Дюмезилю). Золото и прочие сокровища соответствуют «третьей» функции — земледельческой; меч, которым Скирнир угрожает Деве, — воинской функции, а магический жезл и проклятия — первой функции, жреческой¹⁹.

Проклятия — это, пожалуй, самый загадочный элемент мифа: они занимают довольно большое место в тексте песни и отличаются крайней агрессивностью. Но, как предположила Урсула Дронке, Скирнир в своих проклятиях всего лишь доходчиво объясняет, что ожидает Деву в будущем, если она предпочтет остаться в нижнем мире: одиночество, отчаяние и тоска, безрадостная жизнь среди великанов и мертвецов. В сущности, он показывает Герд два противоположных мира, между которыми она вольна выбирать: мир мертвых с его ненасытными чудовищами и страданиями и мир божественной жизни и любви²⁰. Кроме того, Маргарет Ключиз-Росс утверждала, что проклятия Скирнира «призваны напомнить Герд о том, во что может обойтись ее сопротивление»²¹. Особый интерес представляет образ из строфы 28, где утверждается что Герд, глядящая сквозь решетку ограды Хель, прославится больше, чем страж богов. Иными словами, она изображается здесь как стражница Хель: такая судьба ожидает Деву в случае, если она сама не согласится покинуть страну мертвых.

Скирнир как опытный практик, Фрейр как соискатель инициации

Я понимаю Поездку Скирнира как инициатическое путешествие, которое опытный практик совершает от имени бога (или его представителя) ради «сватовства к Деве». Когда Дева дает согласие и выдвигает свои условия, Скирнир — носитель магического жезла и сокровищ богов — возвращается к своему хозяину, которому цель поездки открылась в видении, и сообщает ему эти условия. С моей точки зрения, настоящая инициация начинается только после этого: символом ее служат те девять ночей, которые должен выдержать Фрейр и которые приведут к кульминации — священному акту Иерогамии.

Как уже было сказано, сам Скирнир не получает никаких наставлений, но поспешно возвращается к своему господину и другу, чтобы передать ему условия Девы. Вот тогда-то, на мой взгляд, и начинаются подлинные испытания: испытания для самого Фрейра, короля-бога. Они продлятся целых девять ночей, даже первая из которых уже будет невыносимо длинной, — и завершатся только тогда, когда Фрейр достигнет безветренной рощи Девы. Резонно предположить, что Фрейру придется пройти путь в нижний мир, подобный тому, который до него прошел Скирнир.

Литература

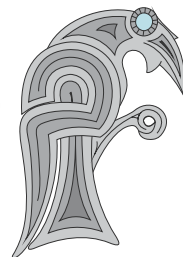
- Clunies-Ross, Margaret. *Prolonged Echoes — Old Norse Myths in Medieval Northern Society, Volume I: The Myths*. Odense University Press, 1994.
- Davidson, Hilda Ellis. *Gods and Myths of Northern Europe*. Penguin, London, New York, Toronto, 1964.
- Dronke, Ursula. *The Poetic Edda, volume II: Mythological Poems*. Clarendon Press, Oxford, 1997.
- Näsström, Britt-Mari. *BLOT – Tro og offer i det førkristne Norden*. Oversatt av Kåre A. Lie Pax Forlag A/S, Oslo, 2001.
- Simek, Rudolf. *Dictionary of Northern Mythology*. Tr. by Angela Hall. D.S. Brewer, Cambridge, 1996.
- Steinsland, Gro (ed.). *Det Hellige Bryllup og Norrøn Kongeideologi En Analyse av Hierogami-Myten i Skírnismál, Ynglingatal, Háleygjatal og Hyndluljóð*. Solum Forlag, Larvik, 1991.

¹⁸ Steinsland, 1991. — Примеч. автора.

¹⁹ Näsström, 1998, p. 140. — Примеч. автора.

²⁰ Dronke, 1997, p. 395. По мнению Дронке, Герд символизирует Землю, которую «пробуждает» от смертного зимнего сна сияющий луч (Скирнир) солнечного бога (Фрейра). Этот миф многие толкуют подобным образом, однако Гро Стейнсланн (Steinsland, 1991) и другие высказывали возражения против такой интерпретации. — Примеч. автора.

²¹ Clunies-Ross, 1994, p. 140. — Примеч. автора.

Предки хоббитов: странные создания в английском фольклоре

Том ШИППИ

Перевод: Алексей ГЛАЗАЧЕВ
(АНДВАРИ)

ОТКУДА взялись хоббиты? Ответ известен: они явились из воображения профессора Толкина, и история их внезапного появления на оставленном кем-то экзаменационном листе хорошо известна¹. Вероятно, Толкин размышлял, как он часто это делал, над англосаксонскими словами, словами, которые были записаны и которые не были, и задавался вопросом — что случилось с такими словами, как «*botl*» и «*bytla*»². Окончательной правды мы никогда не узнаем. Но есть, по крайней мере, еще одно предположение: что Толкин столкнулся с этим словом в «Денхэмских хрониках»³, и что оно осталось у него в голове, даже когда он забыл об этом. Эта идея базируется на открытии редакторами Оксфордского английского словаря более раннего использования слова «хоббит»⁴, которое было встречено некоторыми журналистами с излишним энтузиазмом, как найденное решение несуществующей

щей проблемы. Идея о том, что Толкин «получил хоббитов из Денхэмских хроник», ошибочна, так же как идея о том, что он «получил Кольцо из Вагнера»⁵.

«Денхэмские хроники» опубликованы небольшим тиражом в северном йоркширском городке Пикеринг между 1846 и 1859 годами. Едва ли кто-нибудь их читал. Однако спустя полвека они были повторно опубликованы в двух томах Фольклорным обществом в 1892-95 гг. и стали более известными. Быть может, Толкин прочитал их в свое время в Лидсе, тридцать лет спустя? Это вполне возможно. В библиотеке университета Лидса были копии томов фольклорного общества, и оба предшественника Толкина на должности заведующего кафедрой английского языка, профессор Фредерик Мурман и его последователь Брюс Дикинс, проявляли живой интерес к фольклористике, которая стала отличительной чертой университета Лидса. «Денхэмские хроники» также входили в круг интересов «Общества диалектов Йоркшира», членом которого был Толкин. Так что вполне возможно, что он читал их или просматривал их, хотя очень вероятно, что он не помнил, при каких обстоятельствах.

Хоббиты, однако, играют очень маленькую роль в «Денхэмских хрониках». На самом деле там (в «Хрониках») это лишь слово, более того, слово, скрытое среди множества других странных слов. Хоббиты — это всего лишь одно из списка 196 (по моим подсчетам) странных существ, которые г-н Денхэм собрал из своих собственных заметок и более ранних источников. Поскольку список не является широкоизвестным, я приведу его здесь полностью.

¹ См. Humphrey Carpenter, *J.R.R. Tolkien: A Biography*, 2nd edition, Boston: Houghton Mifflin, 2000, 175.

² Его возможное объяснение происхождения слова «хоббит» состояло в том, что оно происходило из древнеанглийского (незаписанного) * *hol-bytla*, «норного жителя». Это соответствует первому предложению «Хоббита», которое также было оригинальным вдохновением Толкина, настолько прекрасным, что трудно представить его результатом долгих размышлений. Тем не менее Толкин не раскрывал его до самого конца последнего Приложения «Властелина Колец», более чем через двадцать лет после того, как «Хоббит» начал складываться в его голове.

³ «Денхэмские хроники» — сборник из 54 фольклорных записок и рассказов, собранных между 1846 и 1859 годами Майклом Айслаби Денхэмом, йоркширским торговцем (пр. Пер.).

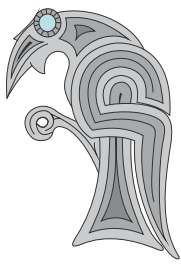
⁴ См. Peter Gilliver, Jeremy Marshall and Edmund Weiner, *The Ring of Words: Tolkien and the Oxford English Dictionary*, Oxford: Oxford University Press, 2006, 142-6.

⁵ «Кольцо Нибелунга» Р. Вагнер — пр. Пер.

79...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

«Как же повезло тем немногим, кто имел счастье родиться семьдесят или восемьдесят лет назад и раньше, накануне этого праздника всех праздников; когда вся земля была переполнена⁶ призраками, богами⁷, кровокостями⁸, духами, демонами, блуждающими огнями⁹, брауни¹⁰, буками¹¹, чернопсами, привидениями, ракушечниками¹², чучелами, ведьмами, волшебниками, баргестами¹³, Робинами-славными малыми¹⁴, колдуньями, летучими мышами, скрэгами¹⁵, шееломами¹⁶, фантомами, хоб-гоблинами¹⁷, хобхолар-

⁶ Для тех существ, которым я не смог подобрать соответствия в русском языке я оставляю англоязычный вариант – пр. пер;

⁷ От англ. bogle – то, что порождает страх. Если вы говорите, что ваш ум boggle (боится) чего-то, вы имеете в виду, что это так странно или удивительно, что его трудно представить или понять. Oxford Dictionary. Пр. пер.

⁸ Близкий родственник огра, бугимена или буки – пр. пер.

⁹ В Европе блуждающие огоньки считают душами утопленников, детей и людей, погибших насильственной смертью, а теперь застрявших между мирами, чтобы заманивать живых людей в трясины или губить иным способом. В Великобритании, и особенно в Уэльсе, блуждающие огоньки воспринимались как предвестники смерти. Соответственно, появление огня вблизи дома большого считалось дурной приметой – пр. пер.

¹⁰ В славянской традиции к брауни ближе всего домовый, в скандинавской – ниссе – пр. пер.

¹¹ Разновидность бугимена. Bugbear - причина навязчивого страха, беспокойства или раздражения. Oxford Dictionary. Пр. пер.

¹² Разновидность бугимена, встречается в основном возле рек и ручьёв. Шотландская народная молва гласит, что ракушечник покрыт раковинами, которыми он шуршит, когда двигается. Считаются относительно безвредными; они могут дурачить странников, особенно тех, которые, по их мнению, нарушают территорию существа, но без злобы – пр. пер.

¹³ Злой дух в образе чёрного пса с горящими глазами, предвещающий несчастье или смерть – пр. пер.

¹⁴ Он же Пак, или – лесной дух, пугающий людей или заставляющий их блуждать по чаще. Он также считается аналогом домового (Hauskobold), так как, по поверью, если ему оставлять еду, он может помочь по хозяйству. В Англии его также называют Хоб (хобгоблин). В английском фольклоре это весёлый эльф, трикстер, шутник и шалун. В таком виде он предстает у Уильяма Шекспира в пьесе «Сон в летнюю ночь» и у Редьярда Киплинга в «Паке с Холмов». У Киплинга Пак предстаёт духом-хранителем Старой Англии, последним из оставшихся фейри Холмов. Он рассказывает детям сказки и приводит к ним людей из прошлого их страны. Традицию Шекспира и Киплинга продолжил Нил Гейман, показав Пака в числе прочих шекспировских персонажей в комиксе «Сон в летнюю ночь», входящем в цикл «Песочный человек». Ежегодно с 10 по 12 августа в Киллорглине (графство Керри) проводится ярмарка Пака – одна из старейших в Ирландии.

¹⁵ Разновидность тролля. От английского scrag – стягивать, сжимать, душить – пр. пер.

¹⁶ От англ. bregakpesc – нестись сломя голову – пр. пер.

¹⁷ В английском фольклоре – мелкий дух, нечто вроде домового или лешего. Они редко выходят из дома, предпочитают греться у огня. Правда, они очень обидчивы, и если уж обижаются, то хозяевам достается по первое число – молоко скисает, одежда рвётся словно сама собой, чисто выметенный пол тут же вновь оказывается грязным. Один обиженный хоб-гоблин утащил с собой все ключи и отказывался их возвращать до тех пор, пока ему не испекли его любимых лепешек. Ростом они около двух футов, у них смуглая кожа, ходят они либо нагишом, либо в темных одеждах. Пр. пер.

дами¹⁸, богги-бу¹⁹, добби²⁰, хоб-трастами²¹, фетчами²², келпи²³, варлоками, попрошайками-пересмешниками, молчунами, бесовскими огнями²⁴, урчинами²⁵, сатирами²⁶, панами²⁷, фавнами²⁸, сиренами, тритонами, кентаврами, calcars, нимфами, бесятами²⁹, инкубами³⁰, филинами, людьми-из-дуба, адовыми повозками³¹, огнедышащими драконами, болотными огнями, неваляшками, мелч-дискс³², ларами³³, кошководьями, блуждающими огнями, дурацкими огнями, эльфийскими огнями, горящими хвостами³⁴, ноккерами³⁵, эльфами, кровоглавцами³⁶, Мэг-с-вязанками³⁷, старыми шаками³⁸,

¹⁸ Очередная разновидность хоб-гоблина. Пр. пер.

¹⁹ Разновидность бугимена, бука. Пр. пер.

²⁰ Разновидность брауни, домовый.

²¹ Очередная разновидность хоб-гоблина.

²² Фетч – сверхъестественный двойник или явление живого человека в ирландском фольклоре. В значительной мере похож на нем. доппельгангера. Рассматривался как предзнаменование, как правило, для надвигающейся смерти.

²³ Келпи – в шотландской мифологии водяной дух, обитающий во многих реках и озёрах. Келпи большей частью враждебны людям. Являются в облике пасущегося у воды коня, подставляющего путнику свою спину и затем увлекающего его в воду.

²⁴ То же, что и блуждающие огни.

²⁵ Словари упоминают что это и ёж, и мальчишка-оборванец, и гоблин, и домовый.

²⁶ Развратник, распутник. В классической мифологии сатир – это наполовину козёл, наполовину человек.

²⁷ Пан – греческая мифология – бог стад и полей, обычно имеющий рога, уши и ноги козла на теле человека. Его внезапное появление должно было напугать стадо. Слово «паника» происходит от его имени.

²⁸ Фавн – то же, что и сатир.

²⁹ Древнеанглийское существительное *irp* означало молодой побег растения, а позже стало означать отпрыска благородного дома или ребенка вообще. Начиная с 16-го века, его часто использовали в выражениях, таких как «бесовское отродье», «змеёныш» и т. д.; в 17 веке оно стало означать маленького демона.

³⁰ Инкуб – демон в мужской форме, который приходит к спящим женщинам, чтобы заниматься с ними сексом. Его женский коллега – суккуб. Молва утверждает, что секс с инкубом или суккубом может привести к ухудшению состояния здоровья, психического состояния или даже смерти.

³¹ Википедия перенаправляет на статью о Дикой Охоте.

³² См. блуждающие огни.

³³ Лары – римские божества, покровительствующие дому, семье и общине в целом.

³⁴ Разные варианты блуждающих огней. См. сноску 9.

³⁵ Ноккер, Bwca (валлийский), Висса (корниш) или Томминокер (США) мифическое существо в валлийском, корнуэльском и девонском фольклоре. Являются эквивалентом ирландских. Около двух футов в высоту, живут под землей. Совершают мелкие озорства, такие как кража орудий шахтеров и продуктов питания.

³⁶ То же что и костокровы. См. сноску 8.

³⁷ Вновь блуждающие огни.

³⁸ Старый Шак или Чёрный Шак – призрачный чёрный пёс из английских легенд, появляющийся на побережье и в сельской местности на территории восточной Англии. Этимология его имени точно неизвестна: оно может происходить от староанглийского *scussa*, означающего «демон», или же от слова *shucky* из местного диалекта, означающего «лохматый» или «волосатый».

подмёнышами³⁹, чёрными псами, пикси⁴⁰, брэгами⁴¹, великанами, краснолюдами, молчунами, *tutgots, snapdragons*, духами, *spunks, conjurers*, турсами, *spurns*, *tantarrabobs*, свартами⁴², *tints, tod-lowries*, блуждающими огнями, мормо⁴³, подмёнышами, красными капюшонами⁴⁴, чёрными псами, колт-пикси, мальчиками-с-пальчик, *black-bugs*, боггартами⁴⁵, *scar-bugs*, чёрными псами, хобгоблинами, хобами, боглами, хоб-гоблинами, *bugorns, bolls, caddies*, бугименами, брэгами, призраками, духами, флей-боггартами, демонами, чёрными псами, *imps, gytrashes, patches, hob-and-lanterns, gringes*, боре-стами, *bonelesses*, Пэг Паулер⁴⁶, паками, *fays, kidnappers, gally-beggars, hudskins, nickers, madcaps*, троллями, *robinets, friars' lanterns, silkies, cauld-lads, death-hearses*, гоблинами, *hob-headlesses, buggaboos, kows, or cowes, nickies, nacks, [necks] waiths, niffies, buckles, gholes, sylphs*, призраками, *swarths, freiths, freits, gy-carlins [Gyre-carling] pigmies, chittifaces, nixies, Jinny-burnt-tails, dudmen, hell-hounds, dopple-gangers, boggleboes, bogies, redmen*, портунами, *grants, ХОББИТАМИ*, хобгоблинами, *brownmen, cowies, dunnies, wirrikows, alholdes, mannikins, follets, korreds*, любберкинами⁴⁷, кобольдами⁴⁸, лепреконами⁴⁹, *korgs*, марами, *korreds*, паками, корриган⁵⁰, сильванами, сукубами, черными людьми, тенями, банши⁵¹, *lian-hanshees*⁵², *clabbernappers*, гончими Габриэля, *mawkins, doubles, трупными огнями, scrats, mahounds, троу*⁵³, гномами, духами, норнами, демонами, сивиллами (предсказа-

тельницами), никневин⁵⁴, вельвами, феями, нортумбрийскими эльфами, синеглавками⁵⁵ и нисси⁵⁶,

И не было в Англии деревни, у которой не было своего собственного необычного призрака. Напротив, каждое стоящее отдельно здание, замок или особняк, который мог бы похвастаться какой-то древностью, имел своего богла, своё привидение, своего ноккера. Церкви, кладбища и перекрестки — все были обитаемы. У каждой рощи был свой валун, на котором наблюдались видения по ночам. У каждого из них был свой круг фей, которому он принадлежал. И едва ли можно было встретить пастуха, который бы никогда не видел духов!⁵⁷»

Конец цитаты

Список наводит на размышления о том, что существовал целый «потерянный мир» английских народных поверий, о котором, к сожалению, нам сейчас мало что известно.

Напоминает, что большинство листьев с великого Древа Языков было утеряно, так же как и большинство листьев с великого Древа Истории.

То, что выжило, вполне может быть просто сохранившимся фрагментом, как последний лист великой картины Ниггля,⁵⁸ который хранился какое-то время в музее, а затем был потерян — очень похоже на то, что произошло с «Денхэмскими хрониками».

Это, однако, очень эклектичный список. Денхэм вложил все, что мог найти, и довольно много существ, о которых он упоминает, либо не являются английскими, как ирландские лепреконы и гэльские келпи, или являются существами известных классических легенд, как тритоны и кентавры, или общеизвестны, как привидения.

Также в списке довольно много повторов: одно и то же слово иногда пишется по-разному. Если их убрать, список сократится примерно до 150. Некоторые из этих 150 выглядят очень интересными, но я могу прокомментировать только около двадцати слов, которые

³⁹ Подмёныши — существа в европейском фольклоре, которые оставались вместо похищенных духами детей человека.

⁴⁰ Маленькие и человекоподобные создания с заостренными ушами и острокопечной шляпой.

⁴¹ Озорной гoblin фольклора Северной Англии. Часто принимает форму лошади или осла. Он любит позволять ничего не подозревающим людям кататься на спине, прежде чем утаскивать их в пруд или куст и убежать от смеха.

⁴² Чёрные эльфы, тёмные эльфы.

⁴³ В греческой мифологии - женский дух, кусающий детей.

⁴⁴ Злобный гoblin. Обитает в разрушенных замках вдоль англо-шотландской границы, особенно в тех местах, где творилось зло. Замачивает капюшон кровью своих жертв.

⁴⁵ Про боггартов будет подробно ниже.

⁴⁶ О них будет ниже.

⁴⁷ Брауни.

⁴⁸ Духи-хранители подземных богатств.

⁴⁹ Злой дух, демон, садящийся по ночам на грудь и вызывающий дурные сны, сопровождающиеся удушьем под весом демона, отчего сами дурные сны также стали носить имя кошмара.

⁵⁰ Малый дух в бретонском фольклоре.

⁵¹ В ирландском фольклоре — феи, опекающие старинные рода.

⁵² В кельтском фольклоре — красивая женщина из кургана, берущая себе мужчину любовника.

⁵³ Духи или феири Оркнейских островов.

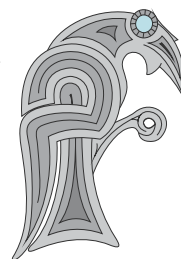
⁵⁴ В шотландской мифологии — королева фей шотландского фольклора.

⁵⁵ Создания в английском фольклоре, которые обитают в шахтах и появляются как небольшое синее пламя.

⁵⁶ Существа из фольклора северных стран, которые обычно ассоциируются с зимним солнцестоянием. Обычно они описываются как не выше 90 см с длинной белой бородой и в конической шапке красного или какого-либо другого яркого цвета. Близки к брауни.

⁵⁷ Том II: 76-80 in the Folklore Society reprint, цитата взята отсюда www.archive.org/stream/denhamtractscoll00denh#page76

⁵⁸ Лист кисти Ниггля. Дж. Р.П. Толкин

81...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

либо используются Толкином, либо сообщают нам нечто особенное о хрониках.

Слово «хоббиты», как вы могли заметить, я специально выделил заглавными буквами, без этого их легко пропустить, запрятанных в конце списка. Лишь немногие люди способны прочитать его полностью.

Кто такие, например, «портуны»? Столь же редкие, как хоббиты, они упоминаются только (до «Хроник») в произведении Джерваса Тильбери, английского клирика, написавшего большую книгу «Оття Импералия» или «Отдых для императора» для германского императора Отто IV в промежутке между 1210 и 1215. Существует около тридцати средневековых рукописей этой книги, которые лишь недавно были отредактированы и обобщены. Тем не менее, большинство из них было известно благодаря первому изданию 1707-1710, сделанному философом Лейбницем. Тысяча или около того страниц книги содержат огромное количество фольклора и множество сверхъестественных историй, среди которых есть краткое описание «портунов»:

«В Англии обитают некие демоны (хотя я не знаю, следует ли мне называть их демонами или таинственными призраками неизвестного происхождения), которых французы называют нептунами, и англичане — портунами. Их природа — наслаждаться наивностью счастливых селян. Когда крестьяне поздно ложатся из-за своих домашних дел, они (портуны) появляются внезапно, хотя двери закрыты, греются у огня и едят маленьких лягушек, которых они вытаскивают из карманов и жарят на углях. У них старое морщинистое лицо, маленький рост — менее половины большого пальца, и они носят крошечные тряпки, сшитые вместе. Если нужно сделать что-то по дому, то они приступают к работе и выполняют ее быстрее, чем это может быть сделано человеком. Такова их природа, они могут быть полезны, но не могут навредить. Тем не менее, они могут создать что-то вроде неприятности: когда порой англичане скачут в одиночестве по ночным теням, портун иногда присоединяется к всаднику, не будучи замеченным. В какой-то момент он перехватывает поводья и направляет лошадь в ближайшую грязь. Пока лошадь валяется в грязи, портун лопается от смеха, таким трюком он высмеивает человеческую простоту.

Можно, однако заметить, что порты довольно противоречивы. Они помогают в доме, и они не могут навредить, но вообще-то могут, потому что они вводят в заблуждение странников ради собственного развлечения.

Похоже, что это может быть объединением двух разных, но хорошо известных существ: «паков» и «брауни». Паки хорошо известны благодаря Шекспиру и Кипплингу. Брауни ещё более известны. В Великобритании женскими эквивалентами мальчишеских скаутов лорда Бадена-Пауэлла являются девушки-проводники (Girl Guides). Младшие бойскауты называются Волчата, а младшие девушки называются Брауни. Это объясняется тем, что девочек (в отличие от мальчиков) больше всего учили помогать в доме и, в частности, делать полезные вещи без напоминаний мамы, что и предписывалось делать сверхъестественным «домовым» — Брауни.

В этом плане они отличаются от «боггартов», которые создают большие неприятностями. Википедия пишет, что они «всегда злые» и добавляет: «боггарт будет следовать за своей (приемной) семьей, куда бы они ни убежали». Есть, однако, разные мнения об этом, а некоторые говорят, что не бывает такого, чтобы боггарт не помогал. Они помогают. Но порой они ошибаются, ломают вещи, и вы не можете избавиться от них, потому что они считают себя частью семьи.

Например, боггарт из Баркрофт Холла был чрезвычайно полезен. Один из сыновей фермера начал подглядывать за ним, увидел, что он босой, и сделал ему пару башмаков. Это разозлило боггарта, который воскликнул: «Новые башмаки, новое дерево, Т-Хоб Турс впредь к добрым делам не вернётся!» — и начал делать пакости. В конце концов семья решила покинуть ферму и отправилась в путь со всеми своими вещами. Тут они услышали голосок: «Погодите, я только свои вещи соберу и поеду с вами».

В других историях одежду давали специально, чтобы избавиться от домового или боггарта. Например, в рассказе «The Cauld Lad of Hilton» Джозефа Джейкобса, входящем в сборник «Английские сказки» (1890). В этом рассказе брауни Хилтон-Холла в Йоркшире пакостит, как боггарт, но при этом работает за сливки или мёд, как домовый. Работники слышат, как он печалится, и с удивлением узнают, как они могли бы его освободить. Одна мудрая дама говорит им, что они должны заплатить брауни не едой, а одеждой. Они делают плащ и капюшон и затем слышат, как он говорит: «Я взял твой плащ, я взял твой капюшон, / The Cauld Lad of Hilton добра больше не делает». И его больше никогда не видели. Нет точного ответа, уходит ли это существо, потому что, когда он одет, он слишком горд, чтобы работать, или потому, что одежда обижает его.

О хобах известно много схожих историй. Боггарт Баркрофт Холла называет себя хобом (а также турсом, см. ниже). За хобом из Харт Холла в Йоркшире шпионят так же, как за боггартом из Харт Холла. Фарндейл-хоб доводит семью, рядом с которой он живёт, до того, что они уезжают. И когда семья едет на своей телеге, фермер говорит соседу: «Мы сваливаем», — и голосок из телеги (голосок хоба) вторит ему: «Ауе (да — шотл.), мы сваливаем⁵⁹». От хобов, так же как и от боггартов, не легко избавиться.

Суть вышесказанного — это что portunes = brownies = boggarts = cauld lads = hobs = rucks. Портуны = брауни = боггарты = хобы = паки. Какого-то чёткого различия между ними нет. Их общие черты: быть невероятно полезными, быть большой неприятностью, получать одежду, быть объектами слежки, быть трудноуловимыми, быть привязанным к определенному месту или определенной семье. Ещё несколько существ из списка Денхэма выглядят как разные варианты одного и того же базового типа. Одной из задач, которую вы могли бы доверять боггарту, было — молотить зерно. Это тяжелая работа, не требующая деликатности (хоб из Харт Холла был замечен, делая обмолот со сверхъестественной скоростью).

Мильтон описал их в своем стихотворении L'Allegro (опубликовано 1645, но написано ранее).

*Люди рассказывают по вечерам историю:
Как Гоблин к ним забрался в дом,
Взял кринку сливок и за это
Так много им зерна до света
Успел намолотить один,
Что впору дюжине мужчин.
Затем косматый гость наелся,
У очага чуть-чуть погрелся,
Шмыгнул за дверь и был таков
Еще до первых петухов.*

Перевод: Ю. Корнеев

*Как замучился гоблин,
Чтобы заработать свою миску сливок,
Когда за одну ночь, прежде чем на-
стало утро,
Намолотил столько зерна,
Сколько и десять рабочих не могли сде-
лать за день;*

⁵⁹ См «Секретная жизнь хоба», http://oneguyfrombarlick.co.uk/forum_topic.asp, accessed August 16th, 2011

*Затем прилег усталый изверг,
И растянулся на всю длину дымохода,
Погреть на огне свою волосатую силу;
И шмыгнул за дверь
До первых петухов. (строки 105-14)*

Пер. Алексей Глазачев

Вы заметили, что существо Милтона греется у огня, как делают портуны, и его называют «извергом», «косматым гостем». Но на самом деле он, конечно же, не изверг. Денхэм называет его «фей-боггарт» и, по-видимому, он также «любберкин».

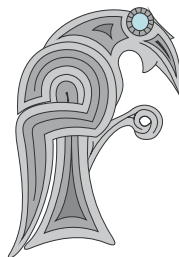
К этому моменту вы, должно быть, думаете: «Это не так, как говорит Дж. К. Роулинг!» — в книгах «Гарри Поттер» боггарт — это существо, которое умеет превращаться в ваш самый большой страх и изгоняется воображением этого существа в смешной форме и заклинанием «Ридикулус!» А создание, которое освобождается даром одежды, — это не боггарт, не домовой, а домашний эльф. Тот, кто выполняет всю домашнюю работу в Хогвартсе, и тот, кто освобождается от рабства даром одежды — в его случае, носка, — это Добби — домашний эльф. Он очень далек от Толкинского видения эльфов.

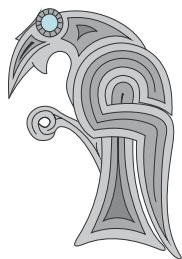
Интересный вопрос: как ильфы или альфы, или эльфы германской традиции превратились в домовых в Гарри Поттере. Я бы предположил, что это произошло из-за неправильного перевода братьев Гримм. Одна из сказок братьев Гримм касается группы крошечных существ, которые приходят на помощь сапожнику, выполняя за него всю работу, пока он спит. В благодарность он делает для них одежды, и они исчезают. Гримм назвали эту историю и созданий «Die Wichtelmänner», «Чертята, маленькие человечки». Это слово было неправильно переведено на английский как «Эльфы» (я не знаю, кто в этом виноват), и с тех пор история стала более известна под названием «Маленькие эльфы и сапожник».

С тех пор эльфы считались (до тех пор, пока Толкин не изменил эту традицию), мелкими полезными чернорабочими. В США они известны как «маленькие помощники Санта-Клауса» — традиция, которую Толкин довольно удивительно передал в «Письмах Рождественского Деда»⁶⁰.

Беда с воображаемыми существами состоит в том, что, поскольку их не существует, нет возможности «реальной проверки», и поэтому представления о них очень быстро

⁶⁰ The Father Christmas Letters Дж. Р.Р. Толкин

изменяются. Я предполагаю, именно это произошло некоторое время назад с «турсами». Слово встречается как в староанглийском «þurs», так и в Олд Норс, «þurs». Грендель описывается как «þurs» в Беовульфе, и, хотя он называется и другими именами, в том числе эотен («jötunn» в Олд Норс и «ettin» в современном английском — одно из немногих слов, которые Денхэм не смог подобрать), я думаю, слово «турс» лучше всего описывает, кто он есть⁶¹. Это слово означает особый вид болотного монстра, описанного в староанглийской поэме «*Maxims II*»:

þurs sceal on fenne gewunian, ana innan lande

thurs shall live in the fen, alone in the land

«турсу — жить в болоте — одному на земле».

На языке Олд Норс они, похоже, связаны с сексуальным насилием. В «Поездке Скирнира» слуга Фрейра, Скирнир угрожает великанше Герд, что отдаст её þurs Hrímgrímnir, который будет насилловать её.

В старшем руническом ряду þurs означает «th» руну (Турс — пр. пер).

В англосаксонском руническом ряду её заменяет «thorn» — шип.

А исландская руническая поэма гласит: «*þurs er kvenna kvöl*» — «турс — это женская боль». (при этом гугл-переводчик выдаёт дивную фразу — «жажда — женская боль». Гугл что-то знает, чего не знаем мы — пр. пер).

В средневековых и более поздних документах содержатся многочисленные упоминания турсов. Их собрал и обобщил преемник Толкина, профессор Брюс Дикинс⁶². Так, в средневековой поэме «*Alliterative Morte Arthure*» описывается людоед и насильник женщин великан из Мон-Сен-Мишель (Нормандия), имеющий «*thikke theese thursse*», «бедр толстые, как турсы». Глоссарий диалектов 18 века объясняет, что «Дом турса, или нора турса» — это «пустая пещера, склеп в скале или каменном холме». Убедительные доказательства того, что турсы были хорошо известны, исходят от имен мест, многие из которых собраны тем же Брюсом Дикинсом. Например:

Thyrspittes, Thurspit, Thrusmyre, Thruswelker, Thursegilemos, Thurescloch, Thursgyll, Thursden, Thrushgill, Thirlspott, Thursden, Trusey, Thirsqueche, Thruston Wells

⁶¹ См. Philip Cardew, «Grendel: Bordering the Human», in *The Shadow-walkers: Jacob Grimm's Mythology of the Monstrous*, ed. Tom Shippey (Turnhout: Brepols; Tempe, AZ: ACMRS, 2005), 189-205.

⁶² В его статье «Йоркширские хобы» (*Yorkshire Hobs*) (1942), 9-23.

Большинство из них, как вы видите, связаны с водой, с ямами, колодцами, болотами, омутами.

Менее очевидные связи:

Thrus-wel-ker = ogre-spring-marsh —

огр — источник — болото

Thurse-gile-mos = ogre-stream-moss —

огр — источник — трясина

Thirsqueche = ogre-quag —

огр — болотная чаща

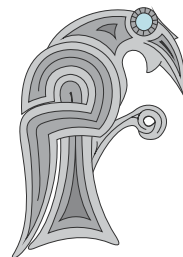
«Trusey» — это курган огров (от haugr в Old Norse), а «Thuresclock» — это скала огров. Слова также показывают, что «турс» «thurs» часто превращался в «thrus», а затем под влиянием более распространенных слов становился «thrush» (гниение) или «thrust» (укол).

Обратите внимание на сказанное выше о том, что воображаемые существа очень склонны к изменениям в народном воображении. Вышло так, что большой, злобный и опасный «турс» смешивается с маленьким, полезным, в целом благожелательным (или озорным) «хобом», чтобы создать «hobthrus» или «hobthrust». Денхэм перечисляет их обоих. Они также появляются в названиях мест, таких как Obtrusche Roque и Hobthrus Hall (или Hole). Отмечается, что боггарт из Баркрофт Холла называет себя «Г'Ноб Турс», но комбинация несомненно появляется намного раньше. В четырнадцатом столетии господин Рипон из Дарема упоминает существо, которое размалывает зерно и исчезает, когда ему дают туннику (он хоб или домовый, или боггарт), но его зовут «Турс»⁶³.

Не стоит упоминать, что «хоббиты» не очень похожи ни на одно из вышеперечисленных созданий, за исключением того, что они маленькие, ненавязчивые и трудолюбивые, как домовые-брауни. Можно было бы предположить, что Толкин размышлял о турсах. Я уже упоминал, что Грендель это турс, но в одном из наиболее убедительных немецких аналогов монстр, который нападает на чертог, называется «Вассер-карл», «водяной»⁶⁴. Жена «Вассер-карла» должна быть «Вассер-карлин», и хотя, насколько я знаю, это слово никогда не используется в немецком языке, слово «carline» довольно распространено в английских диалектах. Кем могла бы быть водяная-карлин? Она была бы «hag» — речной ведьмой, пользующейся дурной славой. Во многих реках северной

⁶³ см Cardew, op. cit., 202.

⁶⁴ Der Wassermann und der Bär», in Karl Müllenhoff, *Sagen Märchen und Lieder der Herzogthümer Schleswig Holstein und Lauenburg*, Kiel 1845.

Англии живут крадущие детей людоедки и ведьмы, иногда имеющие собственные имена. В реке Тиис охотится Пег Паулер, в реке Шен — её дочурка Нэнни Паулер, в реке Риббл — Пег О'Нелл, а в другой реке Ланкастрии (не знаю, в какой) — Дженни Зеленозубка (Зеленозубая).

Еще в двадцатом веке считалось дурным знаком спасти утопающего в таких реках, как Тиис, Тайн или Веа, потому что, если бы вы это сделали, вы бы задолжали одну жизнь, и она (река) потребует плату, когда получит возможность. (Я знаю, что должен жизнь Пег Паулер, когда спас маленького котенка в реке Тиис около двадцати лет назад. Мы назвали его «Фогги» (Туманчик), и он прожил долгую и счастливую жизнь.)

Толкин наверняка знал об этом, во-первых, потому что понятие «речные ведьмы» обсуждалось в работе Реймонда Чамберса «Беовульф: введение»⁶⁵, во-вторых, из-за статьи Брюса Дикинса, приведенной выше, а в-третьих, по более личной причине, потому что его непосредственный предшественник по кафедре университета, Фредерик Мурман, действительно утонул, пытаясь спасти ребенка в реке Скирфар. Именно его смерть в 1919 году открыла для Толкина дорогу в академию.

Надеюсь, меня простят за упоминание в этой статье моей странной личной истории. Как-то раз в 1980-х годах я показывал датскому профессору Андреасу Хардеру церковь Адель к северу от Лидса и почему-то решил рассказать ему об отважной гибели профессора Мурмана. После того как я закончил, профессор Хардер сказал мне: «Вы знаете, где вы находитесь?» Озадаченный, я сказал: «Да, я в церкви Адель». Он ответил: «Но знаете ли вы, где вы стоите?» А стоял я, дорогие мои, на латунной мемориальной пластине, посвященной профессору Мурману, которую я никогда не замечал ранее. Вся моя информация о нём была только из серии публикаций с его фотографией, лежащей поверх папки на полке в моем кабинете в Лидсе вместе с фотографиями всех моих предшественников (Мурман, Толкин, Гордон, Дикинс, Ортон, Коули). Я не знаю, что заставило меня рассказать об этом профессору Хардеру в то время и в том месте.

Возвращаясь к речным ведьмам, или калех⁶⁶, жена Тома Бомбадила⁶⁷, Золотинка

(Goldberry), явно является речным созданием, даже воплощением реки, и явно скорее доброжелательным созданием, чем вредным. А вот её мать, «река-женщина», может, однако, быть чем-то другим и не настолько безобидным. В поэме «Приключения Тома Бомбадила», впервые опубликованной в 1934 году, Бомбадил встречается с четырьмя существами, которые пытаются схватить его или утащить: Золотинкой, Ивовым человеком, Барсучиной (badger-brock) и Курганщиком (могильным духом) (Barrow-wight). Постепенно серьезность угроз нарастает от Золотинки, которая только шутит, до Могильного Духа, который собирается затащить Тома под землю.

Мать Золотинки, река-женщина, не появляется, но присутствует на заднем плане и, по-видимому, враждебна. Как мать Гренделя, она живет «в самой глубокой яме» реки; Том говорит Золотинке, когда возвращается: «Не обращай внимания на твою мать / сидящую в своей глубокой болотной трясине»⁶⁸; после того как Том и Золотинка поженились, она становится одним из враждебных существ, выгнанных из дома Тома «под Холмом»:

*Тихо в сонных тростниках Мать-Река вздыхает,
Слушая, как Дух Могильный стонет и рыдает.*

(пер. С. Степанов)

Она — эквивалент Пег Паулер⁶⁹ или Зеленозубой Дженни⁷⁰, адаптированная, возможно, к более медленным водам сельской местности Оксфордшира, чем к быстрым потокам Уорфа или Скирфара, но такая же опасная.

Наконец, стоит отметить, что Толкин использовал множество других существ из «Денхэмских хроник», включая трупные огни, призраков, огнедышащих драконов, троллей и (в «Балладе об Аотру и Итрон») корриганов. Происхождение отдельных персонажей легко объяснимо: «троу» (trow), например, наверняка произошли от древнескандинавских драугов, ходячих трупов, которые

⁶⁸ Одной из настоящих опасностей северо-английских рек являются их глубокие известняковые омуты. Недалеко от Лидса река Уорф протекает через пролом, настолько узкий, что может возникнуть соблазн попытаться преодолеть его вброд — он известен как «Стрид» (stride — расстояние, преодолеваемое за один шаг). Говорят, однако, что те, кто попадают туда, не возвращаются. Река Харт недалеко от Харт Холл Хоба, также имеет глубокие омуты, известные как «Дьявольские котлы». Про них рассказывается та же история, что и о болоте Гренделя, а именно о том, что животные не плавают через них. Интересно заметить, что Грендель врывается в зал Хеорот, который является англосаксонской формой Харт-холла.

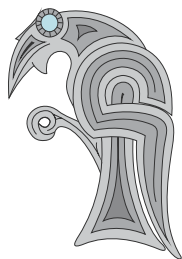
⁶⁹ Зеленокожая болотная ведьма.

⁷⁰ Болотная ведьма.

⁶⁵ Смотрите «Грендель» часть 4, стр. 304-11 (особенно 307) в 1 издании 1921 (Cambridge University Press), с которым Толкин, несомненно, был знаком.

⁶⁶ Колдунья в шотландском или ирландском фольклоре.

⁶⁷ Приключения Тома Бомбадила — Дж. Р.Р. Толкин.

часто живут в курганах, таких как Barrow-wight (Могильный дух). «Старые Шаки», должно быть, происходят от древнеанглийских скукас (*scuccas*) и напоминают нам, что Толкин начал писать «Книгу утраченных сказаний» в Шугборо Холле в Стаффордшире, местности, где, возможно, обитали Шаки, так же как в Харт-Холле были хобы. Правда, это не доказывает, что Толкин читал Денхэма, поскольку всё, о чем я упоминал, можно найти в альтернативных источниках.

Анекдоты, подобные приведенным выше, бородаты, они постоянно передаются, дополняются, меняются или неправильно запоминаются. Существует множество их версий, которых заметно больше чем согласованных определений сказочных существ, населяющих истории.

Как бы то ни было, несомненный факт, который подтверждают «Денхэмские хроники», состоит в том, что «народная мифология» Англии вовсе не была мертвым пластом, как некоторым могло бы показаться.

Сборники сказок Англии менее объемны по сравнению с их континентальными и кельтскими аналогами, потому что собиратели фольклора пришли слишком поздно. Грамотность и массовое образование просуществовали слишком долго и разрушили народные поверья. В «потерянном мире» англосаксонской, средневековой и даже ранней современной Англии мифология такого рода была живой, разнообразной и могущественной. И Толкин должен был вновь сделать её такой⁷¹.

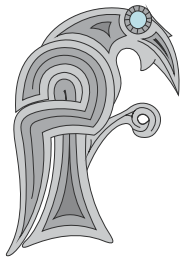
... 86

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

⁷¹ Не он один. Позже писатели-фантасты начали понимать, что можно использовать мир творчества, чтобы отвоевать и сохранить часть английской традиции. См. в частности, «Дочь Железного Дракона» Майкла Суэнвика (1993), в которой упоминается обилие странных существ. Некоторые из них упомянуты Денхэмом.

Истории о растениях (Grasasögur)

Йоун АУРТНАСОН
Перевод: Вадим ПЕРМИН

**Это перевод главы из раздела «Истории о природе»
(*Náttúrusögur*) фольклорного сборника Йоуна Ауртнасона
«Исландские народные предания и сказки».**

ТОЧНО так же, как устные рассказы об отдельных животных, ходят и истории о растениях; впрочем, сказаний о жизни растений значительно меньше, чем о жизни животных; о растениях рассказывают гораздо меньше и менее содержательно, чем о животных. В устных преданиях я слышал упоминания только тех видов растений, что здесь названы.

А. Древесные виды (*Viðartegundir*)

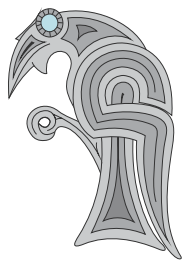
Рябина

Из древесных видов больше всего рассказов о рябине, потому что немалая вера была в неё как в древности, так и в недавнее время, да и по сей день. Она имеет своего рода святость сама по себе и примечательно, что именно она спасла жизнь Асатору, когда он переходил вброд реку Вимур [по пути] ко двору Гейррёда и вот почему рябину с тех пор называют, разумеется, в знак уважения, «спасенье Тора», как говорится в Эдде. Хотя написанное в Саге о Стурлунгах делает её ещё более священной и возвышенной, поскольку Гейрмунд-кожа-как-у-Хель всегда видел сияние над рябиновой рощей, которая выросла в одной долине, где позднее была построена Скардскиркья (церковь на Перевале), что в Скардстрёнде. Поскольку он был язычником, тот свет был ему не по нраву, но даже такой влиятельный и могущественный хёвдинг, каким был Гейрмунд, не решился искоренить те рябины, он желал извести их в своих владениях, но так и не смог ничего сделать;

да побил своего пастуха за то, что тот хлестал скот Гейрмунда рябиновым прутом. В более позднее время рябина считалась одним из наиболее надёжных доказательств невиновности, если она проросла на могиле человека, который был обвинён и казнён без доказательства виновности при жизни; и вот истории об этом.

Брат и сестра с островов Вестманнаэйар. В прежние времена, говорят, жили в Вестманнаэйар¹ брат и сестра из хорошего рода. Так случилось, что девушка забеременела в отчем доме; так как брат с сестрою очень любили друг друга, злые языки пустили слух, что брат обрюхатил девушку. Эти слухи дошли до прокурора островов, и он тотчас приехал расследовать это дело. Не помогло ни то, что брат отрицал свою вину в этом преступлении и яро доказывал свою невиновность, ни то, что сестра оправдывала его от всех обвинений и называла имя другого человека,

¹ Вестманнаэйар – небольшой архипелаг к югу от Исландии и город на нём.

который тогда покинул острова. Поскольку в те времена в этой стране, как правило, придавали большое значение кровосмешению, и, хотя представители власти не имели никаких доказательств вины, кроме подозрений, все они один за другим выносили обвиняемым смертный приговор, так здесь и произошло. Тех брата с сестрой приговорили к смертной казни, и приговор был исполнен.

Но говорят, что оба они на месте казни слёзно молили бога доказать их невиновность, после того как их предадут смерти, даже если люди не хотели верить в неё при их жизни; также они попросили своих родителей проследить, чтобы их похоронили на церковном кладбище. Затем они были казнены и, после долгого траура и, похоже, больших жертвований церкви и духовенству, которые в то время были общеприняты, родителям было позволено похоронить детей на церковном кладбище. Но всё же не могли они оба лежать в одной могиле, но должно было похоронить одного на юге от церкви, а другого — на севере от неё, так и было сделано.

Когда прошло некоторое время, люди стали примечать, что из могил брата и сестры проросли молодые рябинки, и понимались они так сами по себе, пока их ветви не соединились над коньком церковной крыши. Считалось, что, разрешив рябиновым деревцам, которые, как было известно, не сажала ни одна человеческая рука, расти, как им вздумается, бог хотел показать живущим невиновность брата и сестры. А то, что те деревца клонились друг к другу над коньком церковной крыши и соединили там листья и ветви, казалось, указывало на невинное и ласковое единство брата и сестры при жизни и на их желание лежать в одной могиле после смерти. Так росли и стояли те рябины долгое время до тех пор, пока в начале XVII века в Вестманнаэйар не пришли с разбоем турецкие псы, похищая там скот² и людей, и совершая множество преступлений, как известно. Одним из них, повествует сказание, было то, что турки срубили обе рябины на церковном кладбище и угрожали вернуться на острова с не меньшими грабежами и захватами, когда эти деревья снова вырастут такими же высокими. Но у людей нет рассказов о том, что деревья когда-либо прорастали после того, и это считается величайшей милостью божьей, потому что, если бы это произошло, турки могли бы исполнить свои угрозы.

Брат и Сестра из Эйя-фьорда. Из Эйя-фьорда происходит другая очень похожая

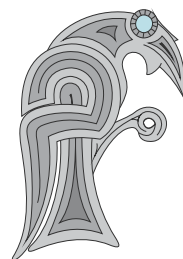
на эту история о брате и сестре, которых вместе приговорили к смерти за кровосмешение и казнили в Мёдруфетльсройне³. Рассказывается, что они всегда были невинны. Когда их привели на место казни, они оба обратились к богу, чтоб тот после смерти, в конце концов, доказал их невиновность. Потом они были убиты, и проросло из их крови рябиновое дерево, и рассказывают, что в давние времена из той рябины выросло множество других, но сейчас в той области нет ни одного деревца.

Больше о рябине. Много больше историй рассказывают о рябине. Её называют священным деревом, и есть предание о том, что в древности, когда в Сочельник дело доходило до рябины, на всех её ветвях загорались огни, и ветер не мог потушить их, сколь бы сильно не дул. Кажется, это был своего рода образ рождественской ёлки, которую за границей принято зажигать и наряжать фруктами и другими украшениями на радость молодым и старым, особенно в канун Рождества, а в некоторых местах это становится модным и здесь в стране, в торговых городках. Если человек собирается сорвать ветвь рябины и ищет её с этой целью, то он её никогда не найдёт, даже если бы он точно знал, где она растёт, и нашёл бы её в иное время сразу.

Рябина вряд ли может быть использована для какого-нибудь дела. Если её использовать как дрова, пробуждает она вражду меж теми, кто сидит вокруг огня, даже если они были лучшими друзьями; если её использовать для строительства дома, женщина не сможет разродиться в том доме, никакое другое живое существо или скотина не даст потомства и не будет процветать. Если рябину использовать в кораблестроении или оснащении судов, погибнет тот корабль, если не будет на нём использован можжевеловый. Если нагели уключин из рябины с одного борта, а не по обоим бортам, тогда опрокинется [судно]. Из-за этого последнего становится ясно, почему некоторые простолюдины говорят, «что рябина проклята»; поскольку из-за суеверий не считалось безопасным использовать её каким-либо образом, весьма вероятно, что по этой причине её не рубили там, где она выросла в нашей стране, и гораздо чаще оставляли в покое, чем берёзовые леса; так что Эггерт Оулавссон, когда он путешествовал по стране в середине прошлого века, рассказывал, что она вырастает шести или восьми локтей в высоту в Хест-фьорде и Иса-фьорде.

² Fé — также деньги, материальные ценности, богатство.

³ Лавовое поле в Эйя-фьорде.

Можжевельник и рябина. Хотя не много пользы от древесины рябины в кораблестроении, как только что было сказано, безопасно её использовать, если на том же корабле использован можжевельник. Выходит, что можжевельник и рябина — самые могущественные враги; можжевельник хочет [поднять] корабль вверх на небо, а рябина хочет тянуть его вниз в море, и это хорошо, потому что в противном случае унесло бы корабль в море, так как держался бы он слишком свободно на волнах, если бы можжевельник сам управлял; но рябина утяжеляет его и удерживает достаточно твёрдо на волнах, поскольку можжевельник тянет его вверх. Поэтому следует использовать можжевельник в средней части борта судна, а рябину — для киля или части днища, прилегающей к килю. Вот что ещё говорится о несогласии этих деревьев: если они помещены по разные стороны большого дерева, то они будут дёргать то дерево между собой и расщепят его во всю длину; вот как им плохо быть вместе. Если можжевельник и рябина вместе в одном доме, то дом сгорит. Если можжевельник и рябина по разные стороны одной лошади, то она опрокинется. Если можжевельник и крапиву (*Urtica urens*) вечером вместе поместить в ящик, утром они окажутся в противоположных концах.

«Кровавый дуб»⁴ и ива. О «кровоавом дубе» ранее упоминалось⁵, что его нельзя использовать для кораблей, потому что корабль тот погибнет. У ивы такова магическая сила, что если она имеется в бадстове⁶ или в жилом доме, то не даёт ни человеку умереть, ни родить женщине; скот не даёт приплода, если в сарае есть ива. Не следует резать иву или рубить, потому как порежет человек себя или поранит и заживать все эти раны будут долго и плохо, если вообще когда-нибудь заживут; и говорят, что то была ивовая коряга, от которой Греттир получил рану, приведшую к его смерти. Также считается небезопасным использовать иву в качестве топлива, потому что, как только она зажжена, происходит такой громкий треск в огне, что диву даёшься. Из-за этого повсеместно сборщики пла́вника часто оставляют ивовые поленья нетронутыми на берегу, не перекатывают их, не обращают никакого внимания, даже если их может унести, потому что считают иву худшим деревом из созданных богом.

⁴ Blóðeik — также можно перевести как «кровоавое дерево».

⁵ Перевод истории «Иллуги мастер», на которую ссылается Йоун Ауртнасон см. <http://norroen.info/src/tales/galdr/illugi-s/>

⁶ Бадстова — комната в старых исландских крестьянских домах, являющаяся одновременно столовой и спальней.

В. Травы (Grös)

«Воровской корень»⁷. «Воровской корень» — это трава с беловатым цветком. Говорят, что она вырастает там, где был повешен вор, и прорастает она из его смертной пены. Другие говорят, что она прорастает из кучи камней на могиле вора. Корень этой травы сильно разветвлён. Поэтому, когда добывают «воровской корень», важно окопать вокруг всех его отростков, чтобы не отрезать какой-нибудь из них где-либо кроме среднего отростка или основного корня, который идёт прямо вниз в землю, его нужно оторвать. Однако, такова магическая сила у того отростка, что какое бы существо не услышало треск, когда он разрывается, падает [оно] замертво. Поэтому те, кто копает «воровской корень» перевязывают войлоком уши. А для того, чтобы не бояться услышать что-либо, используют они такую предосторожность: они обвязывают корень, а другой конец [верёвки] привязывают к собаке, которая у них с собой. После того как закончат все приго-

товления, бегут они от места раскопок и тогда, когда полагают, что удалились достаточно — зовут собаку. Разрывается тогда корень от того, что собака слушается и собирается бежать к человеку, и тотчас дохнет та собака, из-за того что слышит треск разорвавшегося корня. Затем корень забирают и заботливо хранят. У этой травы такое магическое свойство, что она притягивает к себе зарытое в землю серебро, так же как «мышь прилива»⁸ притягивает к себе деньги из моря. Однако сперва надо украсть монетку у нищей вдовы и подложить под неё [траву] между [чтением] Послания и Евангелия в любой из трёх больших праздников года. Но не будет притягивать тот корень другие монеты, кроме того же достоинства, какого были украдены и подложены под него в первый раз; так если например это осьми-скильдинг, то будет притягивать только осьми-скильдинги и т.д. Никогда я не слышал о трудностях, связанных с владением или избавлением от этого корня; так можно выбросить [его] безнаказанно, где бы и когда бы ни пожелал.

⁷ По одним данным — Дриада восьмилепестная (*Dryas octopetala*) иное исландское название — *Holtasóley* (от *holt* — каменная неровная земля, каменистый холм; и *sóley* — лютик). По другим — Мандрагора лекарственная (*Mandragora officinarum*).

⁸ Существо из исландского фольклора, добывающее из моря деньги.

Сага об оркнейцах

Перевод: Георгий УРУСОВ
(ХАЛЬВДАН)

**Продолжение. С предыдущими главами
Вы можете ознакомиться в 11–19
номерах журнала.**

86

Ярл Рёгнвальд был готов к отплытию с Оркнейских островов ранним летом, хотя его приготовления откладывались из-за того, что ему пришлось долго ждать Эйндриди, чей корабль, строившийся зимой в Норвегии, запаздывал с прибытием. Но когда все было-таки готово, они отплыли с Оркни с флотом в 15 больших кораблей, которыми управляли следующие люди: ярл Рёгнвальд, епископ Вильям, Эрлинг Кривой, Аслак Эрлендссон, Гутхорм, Магнус Хавардссон, Свейн Хроальдссон, Эйндриди Юный и еще пятеро, чьи имена не упоминаются. Они поплыли на юг из Оркни в Шотландию, потом в Англию, и когда они были у побережья Нортимбраланда, Армод сказал такую вису:

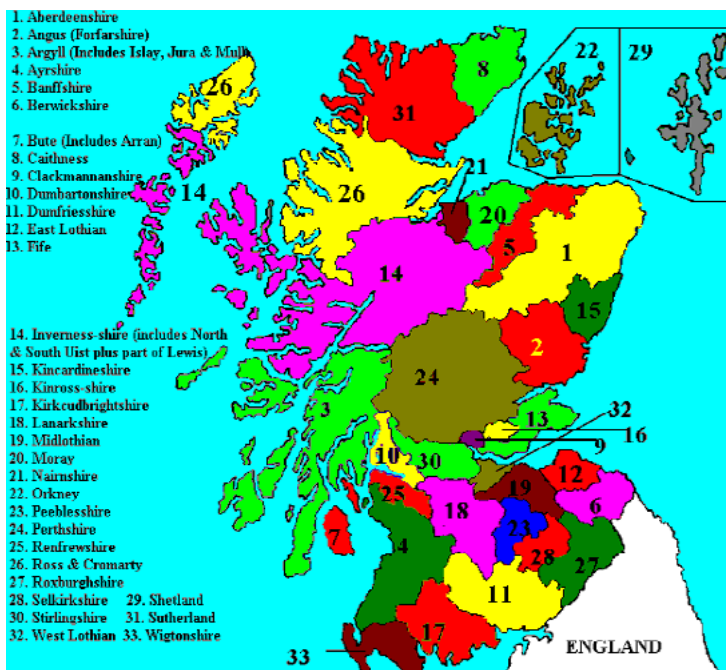
[следует виса, в которой Армод описывает путешествие по морю]

Оттуда они поплыли южнее в сторону от Англии в Валланд, и нечего сказать об их походе, пока они не приплыли в морской порт под названием Нарбон. Там стало известно, что ярл Германус, который управлял этим городом, умер, оставив прекрасную юную дочь по имени Эрмингер. Она вступила в права наследства и управляла с помощью своих родичей, очень знатных людей. Они уговорили королеву пригласить ярла Рёгнвальда на роскошный пир, объяснив это тем, что если она радушно примет столь благородных людей из таких далеких земель, то ее репутация лишь выиграет от этого. Королева приказала уладить это дело, и как только решение было принято, к ярлу пришли послы, которые при-

гласили на пир его самого и столько же друзей, сколько он пожелает взять с собой. Ярл тепло поблагодарил королеву и взял с собой всех своих лучших людей. На пиру щедро угощали, и делалось все, чтобы угодить ярлу.

Однажды ярл сидел на пиру, когда в зал вошла королева в сопровождении группы женщин, в руках она несла чашу из золота. Она была в лучших своих одеждах, ее волосы свободно ниспадали вниз, как это принято у дев, а чело украшала золотая тиара. Она прислушивалась к ярлу, а ее спутницы принялись улаживать их слух музыкой. Ярл взял ее за руку вместе с чашей, усадил себе на колени, и весь оставшийся день они о многом говорили. После этого ярл сочинил вису:

*Действительно, твои волосы (стан?),
умная Биль (= женщина),
более прекрасны, чем у других
увитых золотом жен.*

... 90

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№20
2018

Опора долины ястреба (= женщина)
позволяет упасть на плечи своим волосам
— я обагрил когти жадного орла
— золотым, как шелк.

[подстрочный пер. И. Г. Матюшиной]

Ярл долго там оставался, и с ним хо-
рошо обращались. Местные жители хотели
уговорить его остаться навсегда, намекая,
что он мог бы жениться на королеве. Ярл от-
ветил, что намерен завершить поход, как пла-
нировал, но обещал заехать на обратном пути,
и они могли бы обсудить это дело.

После этого ярл собрался и вышел в море
со своими людьми. Они обогнули Траснес
с попутным ветром, потом устроили пир, и ярл
сказал вису:

Долго будет помнить слова Эрменгарды

знатный человек, величественная

женщина хочет,

чтобы мы отправились страной Ран (= морем)

к Иордану. Но когда осень

деревья жеребца волн (= мореходы)

вернутся морем с юга,

мы пустимся в путь по дороге китов (= морю)

к Нарбонне.

[подстрочный пер. И. Г. Матюшиной]

А Армод сочинил еще одну:

Я никогда вновь

не найду Эрменгарды,

если судьба не ссудит иначе,

многое терпя горе из-за умной.

Я был бы счастлив, если бы мог уснуть

— большим счастьем это было бы —

у женщины очень красивый лоб —

на одну ночь рядом с нею.

[подстрочный пер. И. Г. Матюшиной]

Одди Маленький сочинил свою вису:

Вряд ли мы, как я думаю,

достойны Эрменгарды,

знаю я, что умная земля головной повязки

(=женщины)

может быть названа конунгом среди женщин;

ибо Билль огня опоры колец

(опора колец = рука,

огонь руки = золото, Билль золото = женщина,

т. е. Эрменгарда)

— пусть живет она счастливо под домом

солнца

(= небом) — достойна много лучшего).

[подстрочный пер. И. Г. Матюшиной]

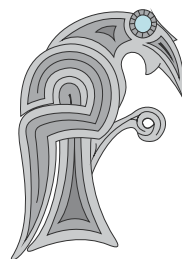
Они плыли, пока не пришли на западе
в Галицуланд, и так как праздничные дни
были уже на носу, они решили справиться йоль
там. Они попросили местных жителей устро-
ить рынок, чтобы купить провизии, но с этим
было плохо, и люди посчитали, что не смогут
обеспечить их всем необходимым. Они также
узнали, что какой-то иноземный хавдинг за-
хватил здешний замок и заставляет жителей
страдать от своей жестокости. Он водил про-
тив них свою армию, если они отказывали ему
в чем-либо, задирали и изводили их различными
способами. Как только ярл попытался прио-
брести провизию, жители сразу предложили
ему изгнать захватчиков, и тогда рынок бу-
дет устроен до начала Великого поста. Ярлу
Рёгнвальду и его людям пришлось бы вынести
все тяготы сражения, но зато, по условию, все
добро врагов переходило им.

Ярл рассказал об этом своим людям
и спросил, что они думают. Большинство
склонялось к тому, чтобы атаковать захватчи-
ков, так как все ожидали получить много до-
бра, и Рёгнвальд принял предложение мест-
ных жителей.

Незадолго до йоля он собрал своих лю-
дей вместе.

— Мы здесь уже некоторое время, — ска-
зал ярл, — но ничего не сделали с захватчи-
ками, и жители все меньше и меньше хотят
торговать с нами. Мне кажется, они думают,
что наше обещание было пустым звуком.
Но не сделать обещанное — едва ли бла-
городная вещь, поэтому, родич Эрлинг, ты
как самый знающий толк в тактике здесь,
придумай, как нам взять замок, хотя я бы хо-
тел, чтобы каждый высказался, как он думает
лучше поступить.

— Не намерен я промолчать, — ответил
Эрлинг. — Но я не так хорош в тактике. Есть
люди с гораздо большим опытом, специально
взятые в этот поход, такие как Эйндриди
Юный. Они скажут тебе, что не поймать птицу
без выстрела, поэтому позволь мне выска-
зать мысль, а дальше думайте сами. Если вы
сочтете, что это подойдет, то почему бы нам
не пойти в лес сегодня, не принести каждому
вязанку дров и не положить все это к подно-
жью крепости? Сдается мне, что известняк
не настолько крепок, чтобы противостоять
жару большого огня. Поэтому попробуем

91...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

сделать то, что я говорю, в ближайшие три дня, и посмотрим, что из этого выйдет.

Они сделали, как предложил Эрлинг. Но как только подошел конец этой работе, наступил июль, и епископ запретил им нападать.

Хавдинг, который захватил замок, звался Годфри. Он был умным, но в летах, проницательным и много видавшим, знающим несколько языков, но слишком жадным и задиристым. Когда он увидел, что делают люди ярла, он собрал своих сторонников и сказал:

— Что-то эти норвежцы (в оригинале — нордманны) собираются делать. Сдается мне, они задумали неладное для нас. Если замок подожгут, мы не сможем прятаться за каменными стенами, а если норвежцы окажутся рядом, нас ждет тяжелейшее сражение, потому что это сильные и храбрые воины. Поэтому я хочу посоветоваться с вами, что сделать, чтобы предотвратить это.

Все люди согласились, что он сам должен решить, как поступить.

— Мой план таков: обвяжите меня веревкой, — сказал тогда он, — спустите вниз по стене в лохмотьях. Я пойду в лагерь норвежцев и выведаю, что они собираются делать.

Они сделали, как он предложил. Когда Годфри встретил людей ярла, он прикинулся попрошайкой, говорящим по-валландски, потому что это был язык, который им особенно нравился. Он ходил от палатки к палатке, прося подавание, и понял, что между норвежцами много разногласий. Одни поддерживают Эйндриди, другие ярла Рёгнвальда. Годфри пришел к Эйндриди и стал говорить с ним, сказав, что его прислал из замка сам хавдинг.

— Он хочет заключить с тобой сделку, — сказал Годфри. — Он надеется, что ты сохранишь ему жизнь, если замок будет взят. И если ты пойдешь на это предложение, он лучше тебе отдаст все свои сокровища, чем тем, кто желает ему смерти.

Они долго об этом говорили и еще о других делах. Этот разговор держался в секрете от ярла, и долгое время никто о нем ничего не знал. Годфри провел некоторое время в лагере норвежцев и потом ушел к своим. Они не собирались выносить свои пожитки из замка, потому что не были уверены, что он будет взят и, кроме того, не доверяли местным жителями.

На десятый день после июля, когда погода выдалась хорошей, ярл Рёгнвальд поднялся и приказал своим людям вооружиться и играть в трубы, собирая всех к замку. Потом к подножью его были принесены дрова и разложены вокруг. Ярл отдал распоряжение каждому предводителю, как атаковать. Он сам и его оркнейцы должны были напасть с юга, Эрлинг и Аслак с запада, Йон и Гутхорм с востока, а Эйндриди Юный с севера. Когда все подготовились, они подожгли дрова, а ярл сказал такую вису:

[следует виса, в которой Рёгнвальд Кали восхваляет Эрменгарду]

Они атаковали яростно, забрасывали метательными снарядами крепость — это была единственная возможность атаковать замок. Защитники крепости защищались не столь решительно, пытаясь спастись от снарядов, но при этом выливали кипящую смолу и серу, хотя это причиняло мало вреда людям ярла. В конце концов, как Эрлинг и предсказывал, стены начали рушиться от огня, образуя огромные бреши, которые не мог скрепить известняк.

Человек по имени Сигмунд Крючок, приемный сын Свейна Аслеифарсона, сражался яростнее, чем все остальные. Он стоял впереди ярла, хотя к тому времени едва вышел из юношеского возраста.

После того как битва шла некоторое время, защитники крепости стали покидать оплот. Поднялся южный бриз, и дым повернул в сторону Эйндриди и его людей. Огонь уничтожил уже почти все, что мог, и ярл приказал принести воды, чтобы остудить горячие камни, и наступило затишье в битве. Ярл Рёгнвальд произнес вису:

[следует виса, в которой Рёгнвальд Кали описывает захват крепости]

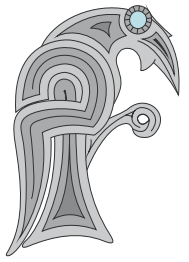
Затем он сказал еще одну:

[следует виса, в которой Рёгнвальд Кали описывает муки любви]

А Сигмунд Крючок сочинил такую:

[следует виса, в которой Сигмунд Крючок вторит Рёгнвальду]

После этого ярл и Сигмунд усилили давление на крепость и почти не встретили в ней сопротивления. Много людей было убито, а те, кому обещали пощаду, сдались. Рёгнвальд и его люди взяли большую добычу, но не смогли найти главаря и не взяли ничего ценного.

Много ходило слухов о том, как Годфри сумел улизнуть, и вскоре подозрение пало на Эйндриди Юного, который, вероятно, помог ему уйти в лес под завесой дыма.

Ярл Рёгнвальд и его люди недолго после этого оставались в Галицуланде и поплыли на запад от Спанланда, грабя языческие земли и забирая там большую добычу. Они атаковали несколько деревень, в которых местное население стойко держалось и сражалось, но в конце концов, несмотря на яростное сопротивление, бежало, оставив много погибших. Ярл сочинил такую вису:

[следует виса, в которой Рёгнвальд Кали вспоминает Эрменгарду]

Затем они поплыли на восток вдоль побережья Спанланда и попали в жуткий шторм, который заставил их бросить якорь на три дня. Погода была настолько ужасной, что они чуть не потеряли свои корабли. Ярл сказал такую вису:

[следует еще одна виса Рёгнвальда Кали, посвященная Эрменгарде]

Наконец, они снялись с якоря и поплыли навстречь сильного ветра, пока не достигли Нёрвасунда, где Одди произнес такую вису:

[следует виса, в которой Одди говорит о том, что корабли достигли Нёрвасунда]

А когда они подошли к проливу, ярл сказал еще одну:

[следует виса, в которой Рёгнвальд Кали вновь вспоминает Эрменгарду]

Они вошли в Нёрвасунд, и погода улучшилась. Потом выяснилось, что Эйндриди Юный и шесть его кораблей отделились от остальных. Он поплыл к Марсельяру, а Рёгнвальд не спешил и держался ближе к проливу. Многие отмечали, как Эйндриди не скрывал, что помог Годфри бежать. Ярл приказал тогда продолжать плавание и держать курс к Серкланду. Затем он произнес вису:

[следует виса, в которой Рёгнвальд Кали призывает гнать корабли вперед]

Они поплыли через море на восток к Серкланду и подошли близко к острову Сардинарей, хотя и не знали, что это за земля. Погода была примерно такая: подолгу держался штиль, стоял густой туман или дымка, и они мало что могли видеть с кораблей, поэтому двигались медленно. Но однажды утром туман рассеялся, и когда они поднялись и огляделись, то увидели

два острова. Но как только они стали вглядываться, один из них исчез. Об этом было рассказано ярлу.

— Это совсем не остров, — сказал он. — Похоже, это такой корабль, на котором плавают здешние люди. Он называется дромунд. На расстоянии кажется, что это целый малый остров. Там, где нет корабля, должен подниматься ветер, а настоящий дромунд, вероятно, пытается уплыть. Это, видимо, какие-то купцы.

Тогда ярл позвал епископа и всех капитанов подняться и посмотреть вместе с ним.

— Мой дорогой епископ, — сказал он, — и ты, мой родич Эрлинг, я хочу вас спросить об одной вещи. Знаете ли вы какой-нибудь маневр, который позволит нам совладать с экипажем этого дромунда?

— Думаю, придется с большим трудом поставить корабли борт о борт, — ответил епископ. — Самое лучшее, что ты сможешь сделать, зацепиться широкими лезвиями за планширь. Они станут обливать тебя с головы до ног серой и кипящей смолой. Такой пронизательный человек, как ты, понимает, что это чистое безумие - рисковать собой и своими людьми.

После этого слово взял Эрлинг.

— Мой дорогой епископ, — начал он, — возможно, ты знаешь лучше нас, что нападение на дромунд не принесет нам большой славы. Но как я думаю, если поставим корабли бок о бок с ними, то их оружие не сможет причинить нам много вреда, а если дела пойдут плохо, мы всегда можем оторваться от них, тем более что вряд ли они станут преследовать нас на этом дромунде.

Тогда сказал ярл.

— Это смелые слова, которые приходятся мне по сердцу. Теперь я хочу, чтобы это знали капитаны и все остальные. Пусть каждый человек займет свое место и возьмет лучшее свое оружие. После этого мы нападём на них. Если это христианские купцы, мы дадим им шанс договориться с нами, а если, как я подозреваю, — язычники, то пусть Господь Всемогущий дарует нам победу. Какую бы мы добычу ни взяли, пятнадцатую часть отдадим бедным.

Тогда люди вооружились и приготовили корабль к нападению, сделав все в точности, как было сказано. Ярл объяснил, как каждый капитан должен себя вести. Затем они поднажали на весла и стали быстро приближаться к дромунду.

93...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

Люди на дромунде увидели приближающиеся корабли и заподозрили неладное. Они сложили все свои наряды и драгоценности в трюмы и подняли такой шум и визг, что норвежцы приняли это за вызов. Рёгнвальд поставил свой корабль у кормы по правому борту дромунда, а Эрлинг — по левому, то же самое у носа сделали Йон и Аслак. Посередине поставили еще два корабля, и так поставили всего шесть кораблей. Но когда они попытались взобраться на дромунд, его борта оказались такими высокими, что они никак не могли зацепиться своим оружием. Люди на дромунде стали лить на них серу и кипящую смолу, но, как и предсказывал Эрлинг, в основном все лилось мимо их кораблей, и им не пришлось себя защищать.

После того как атака захлебнулась, епископ и еще два капитана отвели свои корабли, на которых собрали лучших стрелков. Они заняли нужную дистанцию и принялись обстреливать дромунд. Язычники на дромунде выставили защиту, не обращая особого внимания на то, что происходит у них под боком.

А ярл Рёгнвальд приказал своим людям взяться за топоры и прорубить в деревянном корпусе дромунда отверстия, там, где он был плохо защищен железом. И как только они стали это делать, другие последовали их примеру. В том месте, где встал Эрлинг, находился огромный якорь дромунда. Лапой он цеплялся за борт, но веретено висело прямо над кораблем Эрлинга. Но носу стоял Аудун Рыжий, он взобрался на якорь и помог остальным. Вместе они стали рубить со всей силы проход в корпусе, чтобы все могли попасть внутрь. Прорубив большое отверстие, они заскочили на борт вражеского корабля: ярл и его люди на нижнюю палубу, а Эрлинг со своими — на верхнюю. Как только они очутились на борту, началась ожесточенная схватка. Люди на дромунде оказались сарацинами, мы их называем неверными людьми Маумета. Среди них было много синих людей (т. е. негров), которые оказали сильное сопротивление. Эрлинг получил неприятную рану в шею, прямо над плечом, когда забирался на борт дромунда. Эта рана так плохо залечивалась, что всю оставшуюся жизнь он держал голову, склонив набок, и поэтому получил прозвище Кривой.

Как только люди ярла Рёгнвальда и Эрлинга объединились, сарацины бросились бежать, отступив на нос, но люди ярла

их преследовали, и чем больше проникало на борт воинов, тем сильнее они наступали.

Норвежцы заметили человека выше и красивее других, и приняли его за командующего. Рёгнвальд приказал, чтобы никто его не ранил, если можно взять этого человека по-другому. Они окружили его щитами и схватили, а потом с несколькими другими пленниками отвели на епископский корабль. Всех остальных на дромунде убили, взяв много монет и другой ценной добычи. После того как самая тяжелая работа была завершена, все сели отдохнуть, а ярл сказал вису:

[следует виса, в которой Рёгнвальд Кали описывает битву и отвагу Эрлинга]

А потом еще одну:

[следует виса, в которой Рёгнвальд Кали описывает, как захватили дромунд]

Стали они обсуждать то, что произошло, и каждый описывал все так, как ему казалось наиболее верным. Спорили о том, кто первым взобрался на борт дромунда, и не могли прийти к согласию. А некоторые сказали, что выглядит смешным, когда у всех разные версии такого важного события, и, в конце концов, решили, что последнее слово останется за ярлом — как он скажет, так и будут считать. Тогда ярл сказал эту вису:

[следует виса, в которой Рёгнвальд Кали говорит, что первым на борт дромунда взобрался Аудун]

После того как они очистили дромунд, его сожгли и уничтожили. Высокий человек, которого пленили, видел все это и выглядел несчастным. Он был бледен и молчал как убитый. Несмотря на то, что с ним пытались заговорить, не произнес ни слова, не сделал ни знака, не шелохнулся, угрожали они ему или сулили всяческие блага. Когда огонь охватил дромунд, всем показалось, будто гигантское пламя полыхает прямо в море. Пленник был сражен этим зрелищем, а люди ярла волновались, что корабль плохо обыскали, и все не найденное золото и серебро пойдет ко дну.

Оттуда ярл Рёгнвальд поплыл на юг, в Серкланд, и бросил якорь у одного из их городов. Они заключили недельное перемирие с местными жителями и организовали торговлю, продавая серебро и другие ценные предметы. Никто не купил высокого пленника, и ярл разрешил ему уйти с пятью другими пленниками. Но на следующее утро тот явился в сопровождении большого количества

... 94

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р№20
2018

людей и признался, что он — знатный сарацин. Он сказал, что дромунд и все добро на борту ему подарили, и большое горе, что корабль и груз были уничтожены: теперь это никому не принесет пользы.

— Сейчас вы все в полной моей власти, — сказал он. — Но вас спасает то, что вы пощадили мою жизнь и обращались со мной с большим уважением. И все же я надеюсь, что больше мы никогда не встретимся, поэтому прощайте.

Он повернулся и ушел, а Рёгнвальд отправился на Крит, выдержав по пути сильнейшую бурю. Однажды ночью во время дежурства Армод сочинил такую вису:

[следует виса, в которой Армод описывает морское путешествие]

Они миновали Крит и с попутным ветром направились в Йорсалаланд. Они сошли в Аксборге однажды утром в пятницу и прогулялись по побережью в такой манере, как это до них почти никто не делал. Тогда Торбьёрн Черный (скальд Эрлинга Кривого) сочинил такую вису:

[следует виса, в которой Торбьёрн рассказывает о высадке в Аксборге]

Они оставались некоторое время в Аксборге, но потом случилась болезнь, из-за которой многие погибли, включая Торбьёрна Черного. Одди Маленький сочинил такие висы:

[следуют две висы, в которых Одди рассказывает о путешествии]

Ярл Рёгнвальд покинул Аксборг и поехал в Йорсалаланд, по пути заезжая во все наиболее святые места. Они искупались в реке Иордан, и вместе с Сигмундом Крючком ярл Рёгнвальд переплыл реку. Они обследовали другой берег и обнаружили какую-то рошу, где связали несколько больших морских узлов, после чего ярл произнес вису:

[следует виса, в которой Рёгнвальд Кали рассказывает о том, как он переплыл Иордан]

Сигмунд сказал другую:

[следует виса, в которой Сигмунд Крючок говорит о завязанном им узле]

Ярл еще одну:

[следует виса, в которой Рёгнвальд Кали говорит о завязанном им узле]

Потом они вернулись в Йорсалаборг, по пути в который ярл произнес другой вариант этой висы:

[следует другой вариант висы, в которой Рёгнвальд Кали говорит о завязанном им узле]

Этим летом ярл и его люди покинули Йорсалаланд и направились на север в Миклагард, а осенью они прибыли в город Имболум, где на время остановились. Там было в обычае произносить одну фразу, когда встречались на узкой улице. Если один хотел, чтобы другой уступил ему дорогу, он кричал: "С полпути, с полпути!" Однажды вечером Эрлинг Кривой, выбираясь из города, шел по пирсу к кораблю. Ему повстречались местные жители, которые стали выкрикивать "с полпути, с полпути". Эрлинг не обратил на это внимания, будучи очень пьян, но как только они поравнялись, он тут же кувыркнулся с пирса, приземлившись в грязь. Его люди бросились за ним, вытащили обратно и стали разглаживать на нем одежду. На следующее утро у ярла стали спрашивать, что произошло, но тот только усмехнулся и сказал вису:

[следует виса, в которой Рёгнвальд Кали иронизирует над Эрлингом]

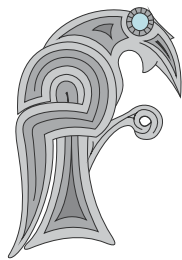
Вскоре после этого случилось так, что Йон Нога и его спутники вышли из того же города очень пьяными. Вдруг они обнаружили, что Йон пропал, его стали искать на разных кораблях, но нигде не могли найти. Ночью невозможно было искать на берегу, но утром, как только рассвело, они вышли и обнаружили его у городской стены. Он был мертв, на теле нашли раны, но никто не знал, кто их нанес. Они омыли тело и захоронили в церкви.

После всего этого они вышли в море, и нечего рассказать об их путешествии, пока они не пристали севернее к мысу Энгильснес, где бросили якорь в ожидании хорошего ветра, который помог бы им добраться до Миклагарда. Они плыли с большим вниманием и в хорошем настроении, как это делал Сигурд Крестоносец. И пока они рассекали волны, ярл Рёгнвальд сочинил вису:

[следует виса, в которой Рёгнвальд Кали рассказывает о путешествии к Миклагарду]

89

По прибытии в Миклагард ярл Рёгнвальд и его спутников осыпали почестями император и веринги. Миклагардом в то время управлял конунг Менелай, которого мы называем Манулой. Он дал много денег ярлу и предложил им пойти в его наемники, если они захотят. Они провели там всю зиму, наслаждаясь развлечениями. Среди них был и Эйндриди Юный. Император с ним хорошо обращался,

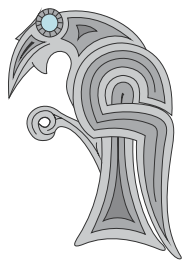
95...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

а сам Эйндриди мало общался с Рёгнвальдом и пытался все время унижить его перед другими людьми.

Той зимой ярл Рёгнвальд покинул Миклагард и направился в Болгараланд в Дюраксборг, а оттуда через море в Пуль, где он высадился вместе с епископом Вильямом, Эрлингом и всеми остальными знатными людьми. Они раздобыли себе лошадей и поехали — сперва в Румавет, а потом по обычному маршруту пилигримов — в Данию. Оттуда они поплыли в Норвегию, где люди были очень рады их увидеть. Эта поездка очень их прославила, и все, кто в ней участвовал, почитались за великих.

Пока они были в отъезде, Эгмунд Денгир, брат Эрлинга Кривого, умер. Когда они оба были живы, он был в большем почете, чем Эрлинг. Не теряя времени даром, Эрлинг присоединился к конунгу Инги, сблизившись с ним больше, чем с конунговыми братьями, и никогда не покидал его до самой кончины.

После смерти конунга Инги его сторонников возглавил Магнус, сын Эрлинга и Кристины дочери Сигурда Крестоносца, хотя на самом деле Норвегией единолично правил Эрлинг. Датский конунг Вальдемар дал Эрлингу титул ярла, и он стал большим человеком, как это говорится в саге о нем (эта сага не сохранилась).

Эйндриди Юный вернулся в Норвегию спустя несколько лет после ярла Рёгнвальда и присоединился к конунгу Эйстейну, потому что не желал иметь ничего общего с Эрлингом. После гибели Эйстейна Эйндриди Юный и Сигурд Бонд из Рейра собрали армию и провозгласили конунгом Хакона Широкоплечего сына конунга Сигурда Рта, и это они убили Грегориуса сына Дага и конунга Инги. При острове Секк Эйндриди и Хакон дали сражение Эрлингу Кривому (= 7 июля 1162 г.). Хакон был там убит, а Эйндриди спасся бегством. Но немного погодя Эрлинг настиг Эйндриди в Вике и убил его.

90

Большую часть лета ярл Рёгнвальд провел в Хордаланде, где узнал все новости с Оркни — оказалось, что на островах было много вражды, и что большинство знатных людей разделилось на две фракции. Мало кто остался сам по себе и не участвовал в ссорах. Одну фракцию возглавлял ярл Харальд, другую — ярл Эрленд и Свейн Аслейфарсон. Когда ярл узнал обо всем, он сочинил вису:

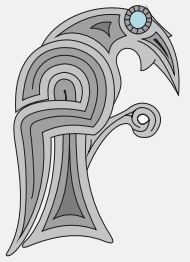
[следует виса, в которой Рёгнвальд Кали негодует по поводу возникшей ситуации]

У ярла не было в распоряжении кораблей, поэтому он отправился к своим родичам и друзьям с просьбой построить ему зимой длинный корабль. Они ответили согласием и пообещали сделать все, о чем он попросит.

Летом он был готов к отплытию домой, но опоздал: его задержало много важных вещей. В результате он договорился о проезде с купцом из Исландии Торхаллем сыном Асгрима, который владел на юге усадьбой Бискупстунг. Ярла сопровождали многие люди. Они сошли в Шотландии в самом начале зимы и на некоторое время остановились в Торфнесе, а перед самым йолем приплыли на Оркнейские острова, где их радостно встречали друзья.

Продолжение следует...

Источник: интернет-портал УЛЬВДАЛИР
<http://ulfdalir.ru/>

Bjarla

Artøm "Varulven" Maksul

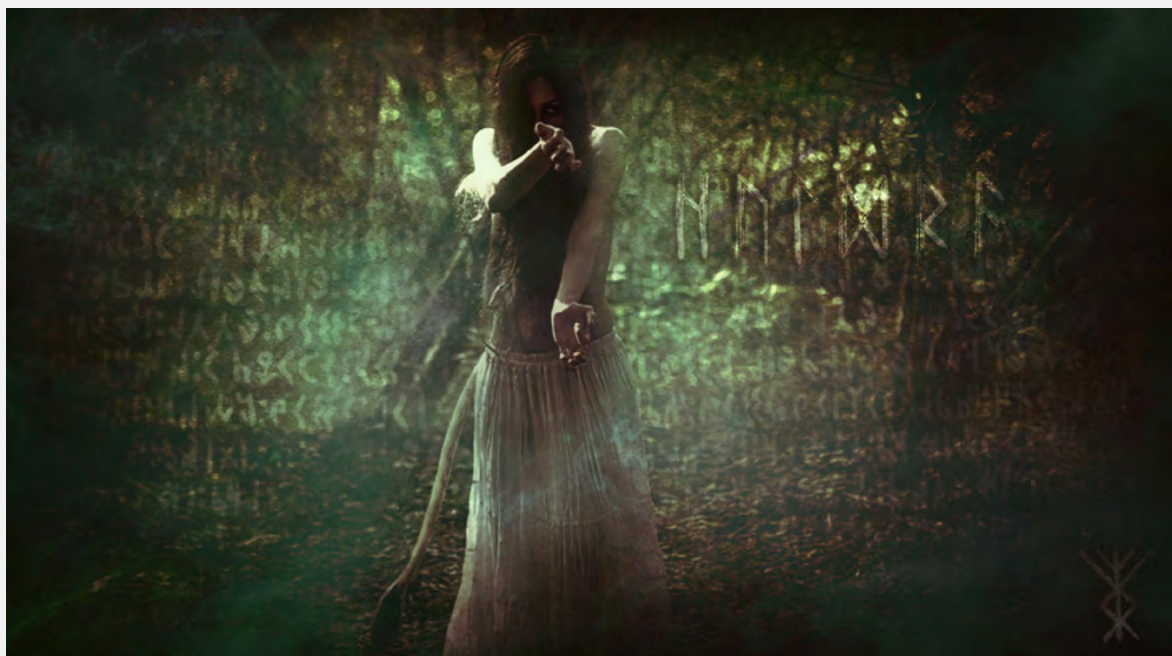
“Bjarla” – молодой, но очень многообещающий музыкальный проект. В песнях этой группы традиционные фолк-мотивы рисуют образы бескрайних заснеженных просторов и переносят слушателя во времена древних северных сказаний. На данный момент группой выпущено 4 трека, набирающих все большую популярность в сети. Эти треки не обошли стороной и нас, и потому мы решили задать несколько вопросов лидеру коллектива гитаристу Антону Марчуку и очаровательной вокалистке и автору текстов Александре “Poison Ivy”.

97...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№20
2018

Приветствую! Как и кому из вас пришла в голову идея создать такой необычный для российской сцены проект?

(Александра) Идея собрать группу пришла нашему основателю, Антону Марчуку. Вдохновившись компьютерными играми, кино, сериалами и историей он решил собрать проект именно в этом направлении.

Понятно. А кто придумал такое оригинальное название коллектива, и что оно означает?

(Антон) Название коллектива придумала вокалистка, Александра. Это слово, имеющее северные корни, производное от «björt» («яркий», исланд.).

Примерно так я и предполагал. А какие языки помимо русского вы планируете использовать в своих текстах?

(Александра) С точностью можем сказать про английский и шведский. А там — посмотрим.

Есть ли у вас заранее запланированная концепция всего альбома или же его написание происходит спонтанно?

(Антон) Пока у нас существует лишь общая концепция — нордическая тематика. Остальное рождается спонтанно.

В F.A.Q. у вас сказано, что вы не являетесь язычниками, но сама атмосфера музыки носит явный языческий характер, как это можно расценить?

(Антон) В нашем творчестве мы вдохновляемся этникой разных народов и стран, природой, скандинавской мифологией, а также верованиями древних времен. Это не может не отражаться на характере нашей музыки.

Верите ли вы, что хульдры, тролли и подобные им персонажи скандинавского фольклора могли существовать в реальности?

(Александра) Всем нам хочется верить в красивые мифы и легенды, безусловно. Скандинавский фольклор чрезвычайно богат на самые разные образы. Важно лишь не путать сказочный мир и реальность. Существуют ли упомянутые выше существа в реальности? Мы думаем, что нет. Впрочем, каждый сам решает, во что ему верить.

... 98

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№20
2018

Александра, твой псевдоним «Poison Ivy» («ядовитый плющ») позаимствован у небезызвестной роковой леди из «DC Comics»? Чем притягателен для тебя этот персонаж?

(Александра) Нет, мой псевдоним появился совершенно случайно в институтские годы и очень быстро привязался ко мне в интернет-среде. Меня сравнили с героиней фильма "Poison Ivy". С тех пор и стала для всех Ядовитым Плющом. С героиней комиксов это никак не связано.

Какие живые инструменты помимо гитары задействованы в вашем творчестве?

(Антон) Наш специалист по этническим инструментам — Алексей Большов — прописывал на данный момент в наши треки варганы, диджериду, различные флейты, раушп-файфы и волынку. Но это далеко не предел, мы любим живые инструменты на записи.

Планируются ли у вас в дальнейшем живые выступления?

(Антон) Разумеется, выступления будут. Пока же мы сосредоточены на сочинении и записи достойного материала.

Вопрос к Александре. Я посмотрел несколько роликов с твоими танцами на природе, энергия от них исходит чарующая и колдовская. Это какой-то сформированный стиль или же схема движений, разработанных лично тобой?

(Александра) Это танцы в стиле "tribal fusion" (трайбл фьюжн). Многие движения носят базовый характер и используются всеми

в данном стиле. Но многое придумывается и конкретным танцором: у каждого есть какие-то "фишки", отличающие его от другого. К моим фишкам можно отнести танцы с посохом, к примеру.

И снова вопрос Александре. У тебя интересный тембр голоса, красиво поешь. Это природный талант или же ты где-то обучалась этому?

(Александра) Спасибо. И то, и другое, я полагаю. Страсть к пению была с детства. Я окончила музыкальную школу по классу гитары, пела в хоре, однако вокал там не ставили. Мои «учителя» на данный момент — большая практика пения (подрабатывала певицей пять лет) и придирчивый музыкальный слух.

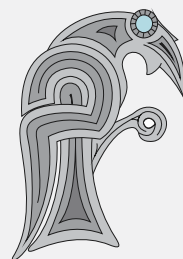
Училась преимущественно на своих ошибках. Но не исключаю, что в будущем захочу усовершенствовать свои навыки и похожу с этой целью к вокальным педагогам. Потребность расти есть всегда.

Чего поклонникам ожидать от вас в дальнейшем?

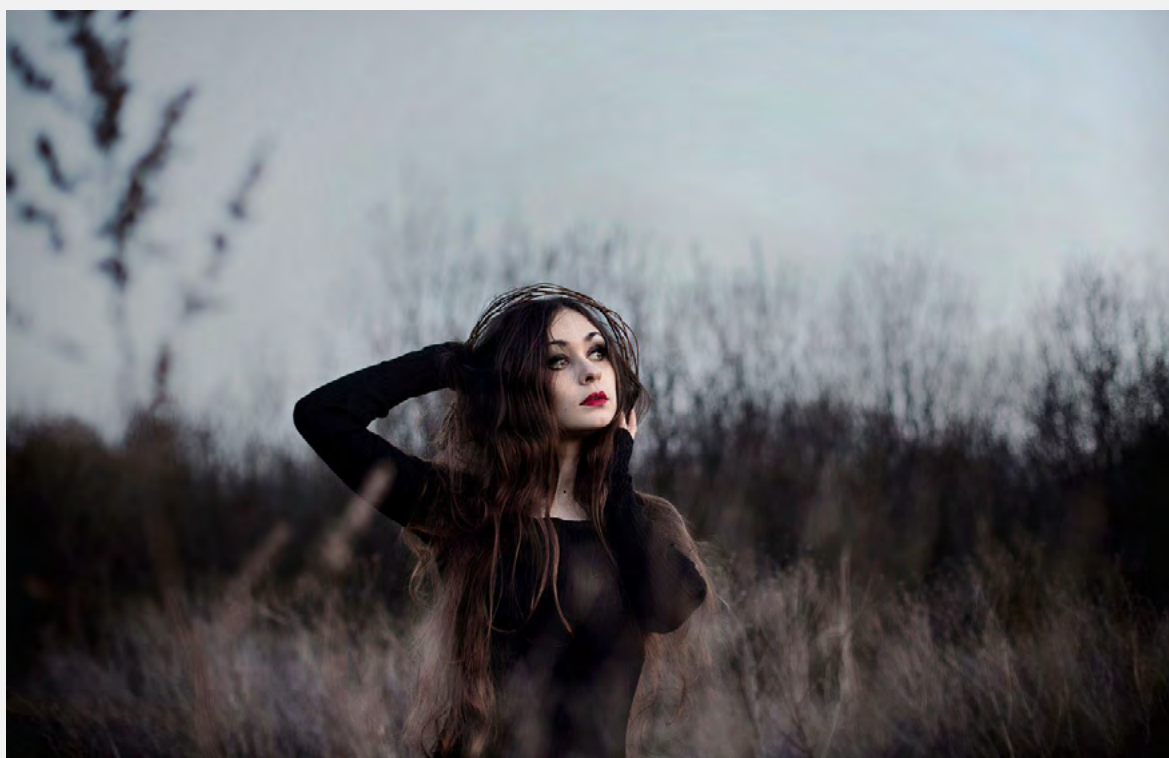
(Антон и Александра) Много новых треков, конечно же. Дебютного альбома из этих треков. Красивого фото/видео контента, новых инструментов в наших песнях. А также живых выступлений начиная примерно с августа 2018-го.

Ну что же, желаю вам дальнейших творческих успехов и спасибо за интересное интервью!

Страничка группы в контакте
www.vk.com/bjarla

99...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№20
2018

Волшебные исландские сказки

Привидение и сундук с деньгами (Draugurinn og peningakistilinn)

Перевод: Любовь ГОРЛИНА

В давние времена жил на Севере один человек, который управлял церковными землями. Доходы у него были неплохие, и денежки он любил, так что люди точно знали, что их у него скопилось немало. Хотя сам управитель славился скупостью, жена его была женщиной доброй и приветливой, но только на мужа она не имела никакого влияния.

Однажды зимой управитель занемог и вскоре умер. Его обрядили и похоронили, как положено. После этого тщательно обыскали весь хутор, но никаких денег не нашли. Стали спрашивать жену, однако ей про деньги ничего не было известно. Все знали, что она женщина честная, поэтому ей поверили и решили, что управитель деньги где-нибудь закопал.

К концу зимы люди заметили, что хутор повадилось навещать привидение, и догадались, что это покойник приходит к своим деньгам. Привидение так напугало всех работников, что они решили покинуть хутор, и вдова горевала, что больше не сможет вести хозяйство. Но вот приехал к ней один торговый человек и попросился в работники. Вдова, разумеется, взяла его.

Вскоре в поселке открылся торг, и новый работник уехал туда за товаром. Среди прочего он приобрел листовое железо и белый холст. Вернувшись домой, он велел сшить из холста саван, а сам принялся ковать железо. Кузнецом он оказался очень искусным и выковал себе железные перчатки. Ночью все заволокло густым туманом. Люди легли спать, а работник надел железные перчатки, прикрепил к груди железный лист, накинул сверху саван и пошел на кладбище к могиле хозяина. Там он стал прохаживаться взад и вперед, подкидывая в руке монетку в двадцать пять скильдингов.

Вскоре привидение поднялось из могилы и тотчас заметило работника.

— Ты что, тоже привидение? — спрашивает оно.

— Конечно, — отвечает работник.

— Дай-ка тебя потрогать!

Работник протянул ему руку в железной перчатке, потрогало привидение перчатку и убедилось, что она холодная.

— Твоя правда, — говорит оно. — А зачем ты на землю выходишь?

— Да вот поиграть с этой монеткой, — отвечает работник.

— Вон оно что! У тебя что ж, много денег? — спрашивает привидение.

— А у тебя? — говорит работник.

— У меня-то много! — крикнуло привидение и побежало прочь с кладбища, а работник — за ним.

Добежали они до самой ограды выгона, там привидение поддело ногой кочку и вытащило из-под нее сундучок с деньгами. Стали они считать деньги и провозились с ними всю ночь.

Перед рассветом захотело привидение сложить деньги обратно в сундук, а работник взял да и раскидал их во все стороны.

— Нет, все-таки ты не покойник! — говорит ему привидение.

— Сам ты не покойник! На-ка, потрогай! — отвечает работник и опять ему руку протягивает.

— Верно, покойник, — говорит привидение и снова начинает складывать деньги, а работник снова раскидывает их во все стороны.

Тут привидение рассердилось не на шутку:

— Человек ты, а не покойник, и задумал меня обмануть!

А работник на своем стоит:

— Нет, покойник!

Схватило привидение его за грудь, а грудь холодная-прехолодная.

— Да, выходит, ты правду говоришь, — сказало оно и в третий раз стало подбирать деньги.

Больше уже работник не осмелился их раскидывать, только попросил:

— Можно, я и свою монетку положу в твой сундук?

— Клади, пожалуй, — ответило привидение и закопало свой сундучок так, что сверху ничего не было заметно.

После этого они вернулись на кладбище.

— Ну, где твоя могила? — спрашивает привидение.

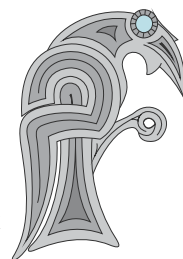
— Возле церкви, — отвечает работник.

— Полезай ты первый!

— Нет, — отвечает работник, — ты первый полезай.

Так они препирались, пока совсем не рассвело. Тут привидение прыгнуло в свою могилу, а работник вернулся домой. Дома он велел вылить из бадьи воду, поставил ее под скамью и сложил туда свое ночное одеяние, а потом принес с выгона сундучок с деньгами и тоже в бадью опустил.

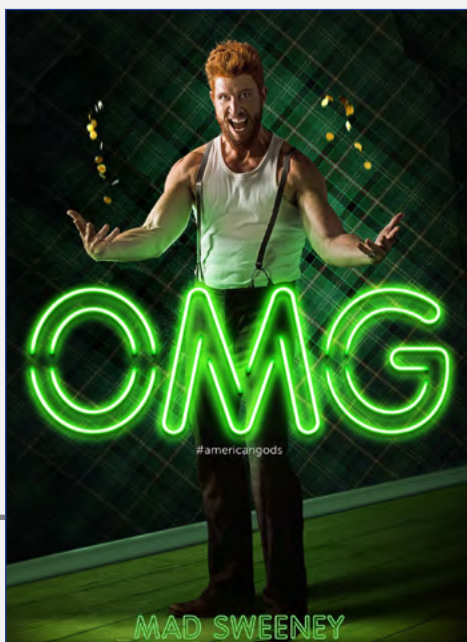
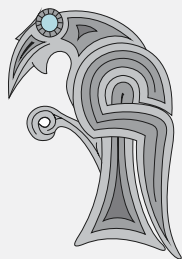
Наступил вечер, и все легли спать. Работник лежал лицом к двери. Вскоре явилось привидение, сильно смердя. Осмотрелось оно, постучало заступом по скамье и пошло прочь, а работник — за ним. И говорят, он так закопал могилу хозяина, что тот уже больше никогда не показывался. А одежду и сундучок он для того прятал в бадью, чтобы привидение не почуяло запаха земли. Вскоре работник женился на вдове, и они прожили долгую жизнь. На этом сказке конец.

101...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

Marina Krewska

Сериал «Американские боги»
(по книге Нила Геймана
«Американские боги»)

На сериал я наткнулась совершенно случайно во время поиска того, с чем коротать дождливые осенние вечера. Упоминание в описании языческих богов, а в частности, загадочного мистера Среды, разожгло во мне жуткое любопытство. Естественно, я тут же побежала смотреть, как там авторы изгаляются над мифологическими сюжетами и персонажами (помня пример компании Marvel с их чернокожим Хеймдаллем и Локи, оказавшимся братом Тора, чего-то иного я от современных киноделов не ожидала).

В кои-то веки моя неправота меня порадовала!

Сюжет выстраивается вокруг главного героя по имени Тень Мун, который выходит из тюрьмы на день раньше положенного срока из-за скорбного события: смерти своей жены.

Тень осваивает фокусы с монетками. То, что кажется вам магией, является для него хобби, требующим сноровки и долгих тренировок. Привыкший за время нахождения в тюрьме верить только в себя, на мир он смотрит так же — через призму реализма, без иллюзий.

По пути домой он встречается таинственного мистера Среду: пожилого импозантного мужчину, во внешних чертах и поведении ко-

торого сразу угадывается Один. Это не единственный представитель пантеона Северной Традиции, который встретится вам во время просмотра сериала, но самый яркий и узнаваемый. И если вы непосредственно знакомы с Эддическим образом Всеотца, образ сериального Одина придется вам очень по душе.

Один, со свойственным ему ехидством, предлагает главному герою работу и вовлекает его в водоворот странных и, кажется, совсем не случайных событий, которые в конце сезона приводят Тень к единственной мысли: «Я верю!».

Он начинает верить в сказки о трёх Звездах, что сторожат ночное небо, в жизнь после смерти, в богов и даже в то, что современные технологии настолько завладели человеческими жизнями, что превратились в силы, с которыми приходится считаться даже богам.

Новые боги технического прогресса набираются сил с каждым днем. Богиня Медиа приветливо помашет своей цифровой рукой с идеальным маникюром из экрана телевизора, пока вы заняты своей ежевечерней молитвой — просмотром за ужином очередного ток-шоу. А служить культу Техномальчика вы будете, крутя в руках новенький айфон, в жертву которому принесли своё время, деньги и кредитную историю.

Старых же богов почти забыли. В Америке, куда по повествованию сериала из разных концов света привозили своих богов переселенцы, нет места культам, нет места привязан-

ности к крови и почве. Боги чахнут, теряют силу и вынуждены жить почти как обычные люди: ходить на работу, испытывать нужду в деньгах, голод и стыд. Чего стоит только великий Чернобог, бедно живущий в США, как стереотипный эмигрант из бывшего Союза.

С этого момента я влюбилась. В сериал, в актерскую игру, в харизматичных персонажей.

Режиссер соединяет разные сюжетные линии в одну тонкую нить повествования, которая умудряется гармонично сочетать египетского Тота и ирландского лепрекона, проносить нас над светящимися небоскребами американских мегаполисов прямоком во времена освоения викингами новых земель.

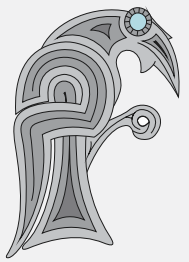
Даже те персонажи, которым отводится совсем немного экранного времени, прекрасно прописаны и хорошо запоминаются.

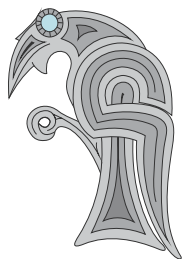
Не стану рассказывать о сюжете - кто заинтересуется, сам ознакомится с ним. Стоит лишь отметить, что он обильно приправлен черным юмором, крепким словцом и замечательной игрой актерского состава.

Можно ли что-то вынести из этого сериала, помимо красивой картинки и сопереживания герою?

Пожалуй, да, поскольку он в несколько необычном свете ставит перед нами вопрос, который для многих остается яблоком раздора: являются ли боги различных ветвей язычества отражениями одних и тех же сущностей или же они — совершенно разные личности?

Впрочем, это не только языческий вопрос: ведь в мире «Американских богов» даже Иисусов в США оказывается больше десятка. ♦♦♦

Ольга МАРКЕЛОВА

Педер Арребё

Продолжение. Предыдущие части пронзительной истории жизни лютеранского священника, который меняет религию на язычество, и про то, как дальше изменилась его жизнь, вы можете прочитать в 11–19 номерах нашего журнала.

Приезд Олава

У Педера Дитлефсена Арребё появилась своя рейкьявикская повседневность. Она была не слишком опрятной, не слишком сытой, не слишком упорядоченной, — но он жил. Дни приходили и уходили, снег таял, запас слов в исландском языке датчанина рос. Паук иногда привычно ворочался в груди, особенно по ночам. Но во внешнем окружении ничто не связывало Педера с предыдущими эпохами его жизни. Разумеется, про те времена знал иногда появлявшийся в домике в Тингхольте Арнльот — однако ведь и Арнльот изменился.

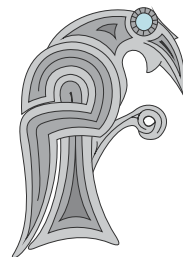
Исландцы делят год на «зиму» и «лето»: осень и весна в этом краю переменчивой погоды не считаются самостоятельными величинами. Пришёл апрель — голый апрель с мокрой прошлогодней травой и бородавчатыми ветвями полярных берёз, — но Стебби по-прежнему говорил, что сейчас «зима». В конце апреля ожидался некий официальный праздник под названием «Первый день лета» — и ребята со смехом говорили, что именно в этот праздник непременно бывает снегопад. Предстояла Пасха; но Педер уже привык к мысли, что для него это будет самый обычный день, разве что магазины и учреждения закрыты. Сейчас в его жизни стало очень много обычных дней, и он, уставший от своего внутреннего напряжения, считал это скорее благом, чем неудобством.

Впрочем, после Пасхи произошло событие, выходящее за рамки обыденности и притом, паче чаяния, приятное. Педер утром сидел на кухне и дремал над одолженным у Стебби реалистическим романом, — а входная дверь неожиданно распахнулась, нагоняя внутрь пахнущий дождём воздух, и в дом вбежал Арнльот:

— Педер! Посмотри, кто к нам пришёл! Стебби, Крюмми, знакомьтесь: это Олав — наш друг с острова Сурой! Представляете, ребята: я, типа, вышел на улицу, — а тут мне звонок на телефон! Оказалось, наш Олав в Рейкьявике, меня разыскивает! Вот он какой — молчал-молчал всё это время, я думал, он, типа, в Копенгагене по библиотекам шарится... Ты же, вроде, работу свою писал? Или у тебя творческий отпуск?

¹ Описанные в романе события в общественной жизни Исландии имели место в реальности. События в жизни персонажей, как и сами персонажи — литературный вымысел.

— Нет, я приехал именно работать над диссертацией. Тут так получилось, — объяснял Олав, — что в этом моём исследовании о христианизации Фарерских островов неким образом выплыла Исландия. Она как-то сама собой добавилась в общую картину. У меня там будет нечто вроде сравнения.

— А почему именно христианизация? — любопытно спросил Педер. — Вы же хотели, чтоб у нас была языческая община Фареров?

— Да это мне пришло в голову ещё два года назад, как раз после наших с тобой разговоров о противостоянии христианства и язычества в разные эпохи у разных народов. (Кстати, спасибо тебе огромное: благодаря тебе я на все эти вещи смог взглянуть совершенно по-новому!) Ведь процесс христианизации везде проходил примерно одинаково, насколько можно судить по источникам, но разные народы реагировали на это по-разному. Это же открывает такое поле для исследования! Уже по одному этому эпизоду с христианизацией можно увидеть различие между национальными характерами. Оно закладывалось уже тогда, хотя понятий о нациях ещё не существовало! Например, если взять хоровод с пением баллад, то он же везде подвергся опале, но у нас, то есть, на Фарерах, он прекрасно сохранился, а у исландцев, этого высококультурного народа, почему-то нет... — Олав говорил о своём исследовании, как иные говорят о любимом сыне или дочери. — Ну, я тут поживу семестр, а то и больше, сколько получится, поработаю с источниками... Стефан, мне Арнльот сказал, ты, вроде, комнаты сдаёшь? Я как раз себе подыскивал жилище в центре, чтоб поближе к библиотекам... Тут хорошая библиотека в университете...

— Все дороги приводят в Исландию, — заключил Педер. — Сперва я встретил Арнльота, потом ты приехал.. Мы снова вместе... Жалко только, Бергура с нами нет. Может, нам и его пригласить?

— Бергур? Сомневаюсь. У него сейчас вряд ли найдутся деньги на поездку. Всё-таки, поехать из Копенгагена в Исландию — это тебе не смотаться из Твёрройри в Торсхавн на выходные...

— Жалко! Я так давно его не видел... Он сейчас, наверно, изменился, повзрослел...

— Да, очевидно, не без этого...

— А что слышно... — Педеру очень хотелось расспросить вновь приехавшего друга о Байнте. Может, он знает, куда она исчезла в тот год, не вернулась ли уже на родину? Сейчас он был бы рад любым вестям о ней, даже пересказу ходивших по Торсхавну слухов. Тем не менее, он не посмел спросить. Друзья так радуются неожиданной встрече, какое право имеет он огорчать их своими тревогами?

Наверно, самое разумное — смириться с тем, что Байнта безвозвратно потеряна для него.

Заскрипела дверь, и на пороге встал мрачный литовец с пакетами в руках. Он долго смотрел на хохочущую компанию, пытаясь сообразить, чему эти люди так смеются в такой ранний час, а потом прошмыгнул мимо стола на лестницу, ведущую на верхние этажи.

— Вот, ходят тут посторонние через кухню, — возмутился Крюмми. — Посидеть спокойно не дают. Не завидую я тебе, Стебби, что у тебя снимают жильё какие-то гады! То есть, нет, до настоящих гадов им далеко... Слушай, Стебби, я у тебя тут на днях столкнулся на кухне с одним жильцом — из Швейцарии парень приехал работать на какой-то конюшне. Он меня спросил: «Что это вы, исландцы, всё время против чего-то протестуете? У вас же тут тишь да гладь да божья благодать, а вы всё хлопочете, вам что, энергию девать некуда?» Я ему отвечаю: «Мы, например, боремся за то, чтобы у таких, как ты, были лучшие условия труда». А он мне: «А что? У меня нормально, мне платят прилично, а кто попал в плохие условия, тот сам виноват!» Вот такие вот люди, инертные... Просто идиоты.

С точки зрения Крюмми население Рейкьявика делилось на гадов, идиотов, «инертных», «своих», «нормальных людей» и людей, не подходящих ни под одну из этих категорий. С последними он вёл себя особенно настороженно. К Педеру, которого действительно было трудно сразу отнести к какому-то определённом сорту, он приглядывался долго: не спрашивал ни о чём, не искал контакта, — просто приглядывался.

Педера тяготило это молчаливое рассматривание. Он знал, что положить ему конец можно только одним способом: самому сделать первый шаг в знакомстве. Но он боялся повести себя как-нибудь не так и оставить неприятное впечатление. Кроме врождённой робости Педеру мешало в этом и другое обстоятельство: Стебби должен был рассказать другу что-то о новом

жильце, — а Педер не знал, что именно может оказаться заранее известно юному андерграундному музыканту о его скромной личности. Что скажет враг денежного общества Крюмми, если узнает, что у Педера главная забота сейчас — найти работу, чтоб поправить своё финансовое положение? Сможет ли воинствующий атеист Крюмми общаться с бывшим пастором государственной церкви? Не станет ли бойкий и уверенный в себе Крюмми презирать вечные сомнения и самокопание депрессивного индивидуума?

В глубине души он всё ещё дичился молодого поколения — этих смелых и цельных людей, в душах которых тоска и отчаяние только ползают по поверхности, как маленькие древоточцы под корой, но не проникают вглубь и не подтачивают самую сердцевину. Он боялся, что они осудят его.

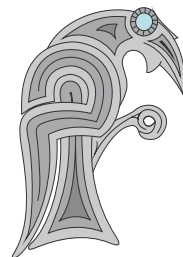
Но в тот день, когда приехал Олав, все страхи Педера разрешились сами собой. Он услышал мимоходом, что Олав рассказывает Крюмми о погроме банка в Торсхавне, окрещённом газетами «крестовым походом против денежной системы». Юный исландец поразился, что невзрачный понурый датчанин, «по виду — полный цивил», наяву на полном серьёзе совершил то, о чём он сам — убеждённый анархист и панк — смел только помыслить в своих самых дерзких мечтах. Педер был быстро зачислен в разряд «своих». Теперь во время полночных дискуссий на кухне у Стебби он мог высказывать что угодно кому угодно, не оглядываясь поминутно на чужие настожённые глаза за спиной. Он успокоился и расслабился.

Новая возлюбленная

Больше всего Сванхильд не любила, когда чашка с кофе стоит слишком близко к краю стола и под ней нет блюдца или какой-нибудь подставки. Кроме того, она не любила пушинок и волос на своей одежде, а вещи, лежащие не на своих местах, прямо-таки выводили её из терпения. Она считала, что ей просто повезло, что в многоэтажном доме в Коупавоге, где она недавно купила себе небольшую квартиру, запрещено держать домашних животных: "Вот Рунар, мой бывший, как-то принёс в дом кота, — от него было столько грязи!" Свою квартиру Сванхильд купила, взяв в банке заём, — она нипочём не смогла бы накопить на неё самостоятельно. Она училась в университете, а для того, чтобы оплатить учёбу, работала кассиршей в магазине и уборщицей в библиотеке. Считать деньги она умела хорошо, но к концу месяца большая часть заработанного загадочным образом оказывалась истрачена на одежду, посуду и сигареты. Она относилась к традициям с уважением, но никогда не жила по ним. Она свято верила в правдивость расхожего мнения, что исландцы — высоколитературный народ, и была готова растерзать любого, кто бы попытался опровергнуть это мнение. Сама она в течение года читала немного, — кроме университетских учебников и глянцевого журнала *Seð og heyr, Birta, Sirkús, Mannlíf, Veggfóður*. Но под рождество, когда все издательства страны вдруг раздражаются нескончаемым потоком самых разнообразных книг на потребу населению, которому нужны подарки для своих близких, её часто можно было видеть с толстым романом в руках. (В прошлом году это была книга о жизни рейкьявикского дна, удостоенная в свое время премии "Лучший скандинавский детектив"). Она честно прочитывала всё, что ей дарили на рождество; её пышнотелая фигура на диване с раскрытой книжкой в одной руке и стаканом кока-колы в другой украсила бы рекламный плакат любого книжного магазина. Но рождество проходило, и опять на столе у Сванхильд не было ничего, кроме компьютера и чашки кофе.

Если бы Педеру 5 лет назад сказали, что когда-нибудь он будет водиться с такой женщиной, он бы рассмеялся в ответ. Но теперь было другое время, другая страна и другой Педер. Он и сам не мог сказать, что привлекло его в Сванхильд. Она была вхожа на кухню к Стебби, там они и познакомились. Выяснилось, что девушка учится на соцфаке, слушает курс фольклористики и пишет курсовую работу о датских и фарерских рождественских обычаях. Педер мог много рассказать и о том, и о другом, на этой почве они и сошлись. Педер Арребё, всё ещё хранивший память о солнечной женщине из Торсхавна, сперва хотел ограничиться просто приятельскими отношениями, но Сванхильд неожиданно предложила ему всю себя с потрохами, — и он незаметно для себя принял этот дар.

Наверно, так было разумнее... Байнта для него безвозвратно потеряна, её вряд ли удастся заменить кем-нибудь ещё. Но за эти два года он извёлся от одиночества — наполовину добровольного, наполовину вынужденного, — ему было необходимо чьё-то тепло. Когда-то он снял со своего сердца броню, бесполезную и тяготящую его в уютной дружеской атмосфере, — а через малое время опять оказался брошен на холод, под беспощадные удары хлыстов судьбы

и совести. На его сердце уже никогда не нарастёт новый панцирь, и состояние ненужности миру, которое с детства было для него привычным, теперь оказалось невыносимым. Такое состояние переносится легче, когда есть кто-то, кому, он, Педер, нужен, и кто нужен ему, лучше всего, женщина, которой интереснее спать в его объятиях, чем общаться с кем-нибудь другим, которой ничего не стоит в середине дня позвонить ему с работы — просто так, ни о чём не прося, ничего не предлагая, только чтобы ещё раз услышать его голос... От Сванхильд не приходилось ждать, что она поддержит разговор на богословскую или философскую тему, что она разделит ненависть Педера к банковской системе... Зато от неё не приходилось ждать и никаких сюрпризов, всё было просто и понятно. Сванхильд с самого начала чётко обозначила свои позиции. Она считала себя феминисткой, стремилась к самостоятельности и решила, что жить они с Педером по-прежнему будут отдельно и только гостить друг у друга. В будущем она хотела завести ребенка, но вне брака и, может быть, даже не с Педером, — и воспитывать его самостоятельно. Она считала это самым большим подвигом, на который способна женщина, и хотела доказать, что этот подвиг ей по плечу. В отличие от Байнты, умевшей сохранять независимость в самых запутанных обстоятельствах, она чувствовала себя свободной только тогда, когда всё шло в соответствии с её собственными планами.

У Сванхильд были тяжёлые тёмные прямые волосы, которые она всегда распускала по плечам, массивное тело и вытянутое бледное лицо. На длинном прямом носу сидели очень узкие — по последней моде — прямоугольные очки; от этого казалось, что девушка смотрит на окружающих сквозь амбразуру, ревностно защищая свой покой и правила приличия. У неё не было любимого фасона одежды, она покупала всё, что продавалось в магазинах, но на её широких боках вся одежда выглядела в обтяжку.

Однажды вечером Педер сидел в гостиной у Сванхильд. Они разместились по разные концы кожаного дивана перед журнальным столиком. Сванхильд принесла поднос с чашками кофе, они молча сделали по глотку. Из динамика магнитофона в комнату врывались неспешные гитарные переборы.

— Сванхильд, что это за группа?

— Это? А, этот диск мне Эва Хрённ подарила на день рождения. Называется "Weasels". Это такая молодая ирландская команда. Очень способные ребята.

— О, да, конечно... — ответил Педер только для того, чтобы дать понять, что он слушает.

— У нас со старшей сестрой очень похожий музыкальный вкус. Я всё собираюсь переписать у неё альбом Ника Кейва, знаешь, он так хорошо идёт в машине, не отвлекает от вождения. Я вообще стараюсь подбирать такую музыку, чтоб можно было слушать за рулём. Вот "U-2" для этого хорошо подходит, из отечественных — "Stuðmenn", "Сигур Рос", Vjarni Þór... А вот эту современную электронщину и особенно хардкор я не переносу. Вот у Рунара, ну, моего бывшего, на вертушке целый день были хардкоровые команды. Это просто га-дость! Надеюсь, ты такое не слушаешь?

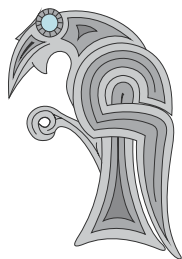
— Я?... Э-э, нет... То есть, не знаю... До недавнего времени я был вообще равнодушен к музыке. А потом на Фарерах мне Айвёр Палсдоттир понравилась.

— Эйвёр? — воскликнула Сванхильд, привычно переименовав имя фарерской певицы на исландский манер. — Да, Эйвёр — она просто чудо! Я тут недавно видела, как она выступает по телевизору — это что-то фантастическое! И знаешь, у неё есть две маленькие сестрички, они иногда тоже с ней поют, — такие сладенькие белокурые девчушки, просто прелесты! Её тут недавно наградили как лучшую исландскую поп-певицу.

Педер призадумался.

— Я тоже что-то слышал об этом на днях... Но я тогда решил, что ослышался. Но вот ты говоришь... Только, по-моему, это не награда, а оскорбление. Всё-таки песни Айвёр — это совсем не попса. Она серьёзный музыкант и композитор, поёт авторские тексты. В каком угодно стиле, от джаза и рока вплоть до псалмов. Так что я бы не назвал её поп-певицей, а сказал, что она сама по себе, вне направлений... А во-вторых, она не исландская певица, а фарерская. Это, как-никак, совершенно другая культура.

— Ну, Пьетюр, опять ты со своим фарерским национализмом! Прямо не скажешь по тебе, что ты датчанин! Ну как же она не исландская певица, когда она всё время работает

с исландскими продюсерами! А какие у неё костюмы, ты видел? Это что-то невероятное! Говорят, она специально коллекционирует оригинальную одежду...

Педер не разобрался в костюмах.

— Да, это хорошо, когда человек выглядит оригинально, а не как все, — развивала свою мысль Сванхильд. — По-моему, нет ничего скучнее, чем когда все вокруг одеты одинаково. Вот иногда купишь себе кофту, радуешься, а приходишь утром в универ, — а там пол-аудитории в точно таких же! Просто ужас какой-то! Когда я училась в гимназии, у меня там была подруга, которая очень переживала из-за того, что она плохо выглядит, а средств на хорошую одежду у неё не было. Прикинь, она из-за этого перестала ходить на занятия, потому что не могла вынести, что она в таком виде, когда на неё смотрят люди! Бросила учёбу, и всё. Но я не из таких... Знаешь, я вчера в магазине на Лейгавег видела такие туфли! Ярко-зелёные, каблук у них маленький и такой узкий, а ещё у них пряжки из стразов, в форме бабочек! Это просто праздник какой-то! Но, к сожалению, мне сейчас надо экономить. Я ещё собиралась купить себе новый диван вместо этого старья, но Эва Хрённ, сестра, обещала отдать мне свой. Они с парнем сейчас собираются в Швецию годика на полтора, не тащить же им с собой мебель! А ещё она мне обещала набор банок для хранения пищи. Чтобы не держать остатки от обеда прямо в сковородке или ещё как-нибудь. Знаешь, они такие круглые, железные, а крышки у них пластмассовые. Сперва идёт большая банка, в неё вставляется банка поменьше, а в неё ещё меньше и так далее. Если их все сложить, они занимают в буфете мало места. Очень удачно придумано! Тогда все эти старые дурацкие миски можно выкинуть или отдать кому-нибудь, кому они нужны. Тогда освободится место, и можно будет купить в китайском магазине чайный сервиз, такой настоящий, с блюдцами и молочником... Эй! Ты меня слушаешь?

— А?! — очнулся Педер. — Э-э... Я ничего... я просто... Я думаю, — заявил он наконец, придя в себя после продолжительной речевой атаки.

— А о чём ты думаешь?

— О том, что, наверно, неправомерно говорить о всеобщем счастье. Осчастливить человечество одним махом невозможно, потому что мы все слишком разные. Кому-то для счастья достаточно набора удачно придуманных банок, а кто-то не успокоится, пока не разрешит экзистенциальных вопросов...

— Ну и какие же экзистенциальные вопросы ты хочешь разрешить? — Сванхильд переменила позу и приготовилась слушать.

— Ну, их вообще много, но в общих чертах их можно свести к двум. Один из них касается моей личной жизни. А второй касается веры.

— Солнце моё, а может, давай про веру потом? Сейчас уже вечер, всем хочется отдохнуть после рабочего дня... А что касается личной жизни, — можешь сегодня ночевать у меня, если хочешь.

— Спасибо, — пробормотал Педер, не зная, хочется ли ему воспользоваться этим приглашением.

Сванхильд зажгла тонкую сигарету, рассеянно протянула пачку Педеру:

— Будешь?

— Я не...

— Ты что, курить бросил?

— Я и не начинал, родная.

— Ах, ну да...

Они немного помолчали. Сванхильд спросила:

— А вот скажи, что у тебя с этой, — ну, она всё время торчит на кухне у Стебби, такая худая, светловолосая, бледная как призрак, с такими мужскими привычками?

— Тора?

— Да-да, она самая. Вы с ней ещё политику обсуждали.

— Мы с ней хорошие друзья.

— А-а, ясно...

Разговор смолк. Сванхильд тяжело поднялась с дивана, подошла к узкой стойке с дисками в углу комнаты, долго гремела пластмассовыми футлярами и наконец извлекла с верхней полки альбом Айвёр, выход которого Педер застал ещё в Торсхавне. Она вынула из футляра буклет с текстами, где было много фотографий певицы в необычных платьях, полистала, посмотрела картинки, а потом ленивым движением вставила диск в магнитофон. Ей редко приходило в голову порадовать возлюбленного его любимыми песнями, и такой поступок был, конечно же, достоин похвалы, — но лучше бы, подумал Педер, она сегодня продолжила слушать свою «музыку для вождения машины». Знакомые мелодии будоражили его, поднимали со дна души воспоминания о том, о чём он запрещал себе вспоминать, когда бывал в гостях у Сванхильд.

Олав в Рейкьявике

Олав занял в домике в Тингхольте угловую комнату на втором этаже. Порой он уходил из дома раньше, а приходил позже, чем даже жильцы-гастарбайтеры, у которых был полный рабочий день на стройке. Он то искал редкие книги в читальных залах, то встречался со специалистами. Во время вечерних посиделок на кухне у Стебби он хотя и принимал участие в дискуссиях об общественной жизни, но чаще рассказывал, как растёт его научный труд, какие мысли пришли к нему и какие источники он прочитал. Олав всегда говорил так увлечённо, что заслушивался даже далёкий от всякой историографии Крюмми. Целеустремлённость молодого учёного восхищала маленькую компанию. Все знали: если поздно вечером свет горит в комнате Педера, то скорее всего, ему просто надоело сидеть в потёмках, а вот если свет горит в комнате Олава, то, без сомнения, Олав работает.

Люди, одержимые какой-нибудь одной идеей, не тратят время на наблюдения за чужой личной жизнью, — и Олав не пытался ничего разузнать ни про финансовую ситуацию своего давнишнего друга Педера, ни про его отношения с женщинами. Конечно, друзья общались, когда Олав не бывал занят, но вели разговоры по обыкновению на философские и богословские темы. Педер не скрывал от друга, какие трудности ему довелось пережить в отношениях с богами, но не посвятил его в свои отношения со Сванхильд: она попросту выпадала из поля их интересов. Один раз Олав столкнулся с ней на крыльце, когда она отвозила Педера домой из гостей; они наскоро представились друг другу, а потом молодой историк забыл про неё.

Педер снова в гостях у Сванхильд

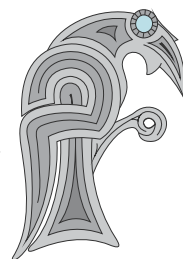
Обычно, когда Сванхильд приглашала Педера к себе в гости, она сама заезжала за ним на машине. Это всегда бывало очень кстати: датчанин, неплохо изучивший центральные районы Рейкьявика, совершенно не ориентировался в его городах-саттелитах. Особенно плохо подда-

вался запоминанию Коупавог с его запутанной планировкой; Педер вряд ли сам быстро отыскал бы нужный дом среди бесконечных двухэтажных построек с плоскими крышами и широкими окнами, за каждым из которых непременно виднелись плотный строй статуэток на подоконнике и громадный плоскоэкранный телевизор в глубине комнаты.

И вот Педер в очередной раз переступает порог гостиной Сванхильд... Он догадывается, что его здесь ждёт —

и не ошибается. Диван, магнитофон и журнал. Рассказы про Эву Хрённ и про работу. Пёстрая кружка, ложка и вилка, ненавязчивая болтовня за чашкой кофе...

Сперва разговор вертелся вокруг пирожных, которые Сванхильд испекла сама, и правила вежливости требовали, чтобы Педер похвалил их. Он произнёс:

109...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

— Настоящая домашняя еда — это замечательно. Всё же, как говорится, не гамбургером единым жив человек.

Не бог весть какая фраза; да и каламбур «не гамбургером единым» Педер придумал не сам, а позаимствовал у кого-то. Но сознание Сванхильд, расслабленное вкусной едой и неспешной ласковой музыкой из динамиков, почему-то выхватило из речи Педера именно этот «гамбургер». Девушка прицепилась к нему:

— А чем тебе не нравятся гамбургеры? ... А, ну да, от тебя можно такое ожидать...

— Почему ты так решила?

— Почему? Ты же ходишь на эту левацкую тусовку. Ну, туда же, куда и Рунар — мой бывший, и Стефан, и этот... такой, короче, крутой фарерский мужик с такой бородкой...

— Его зовут Арнльот. Только при чём тут гамбургеры?

— Как это при чём? Ну, например, мой Рунар — ну, давно ещё, когда мы только начали жить вместе, ему всегда не нравилось, если я заказывала себе гамбургер или колу пила, ну, в общем, любую типично американскую еду. «Kentucky Fried Chicken», например... Он это называл «экономически поддерживать своего врага». Потом он вообще стал мне это запрещать; и если мне хотелось чипсов или даже маленькую баночку «Diet Coke», мне приходилось есть это тайком от него, как школьнице какой-нибудь.

Тут Сванхильд привстала с дивана, чтобы пододвинуть к себе какой-то предмет. У Педера перед глазами замаячил её пышный зад. Если бы его не стягивала тугая джинсовая ткань, он неминуемо расплзся бы бесформенной кучей жира. Педер про себя решил, что авангардный поэт Рунар был прав, запрещая своей возлюбленной есть фастфуд. Но вслух он спросил:

— Поэтому вы с ним и расстались?

— Ну... не совсем, конечно, поэтому, — Сванхильд обрадовалась редкой возможности поплакаться на прежнего кавалера новому. При том что оба кавалера принадлежали к одному и тому же кругу, эта возможность была тем более неожиданной. — Просто... Ну, нельзя, короче, перемешивать одно с другим. Ну, я понимаю, не нравится человеку, там, политика Буша. Если честно, она мне и самой не нравится: так нагло вторгаться со своими войсками в чужую страну и убивать невинных детей! Ужас! Но всё же политика — это политика, а еда — это еда. И не надо замешивать свою идеологию в повседневную жизнь. Какое им дело, ем ли я американские продукты на обед — это же обед, а не политический митинг!

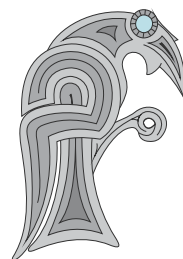
Речь Сванхильд лилась гладко, все фразы были тщательно выверенными, точно она уже заранее подготовила и не единожды отрепетировала все свои ответы. Очевидно, все эти фразы уже были рождены в её голове давным-давно и изначально должны были быть возражениями на какие-то слова самого Рунара.

— Или если мне, например, не нравится политика нашего Давида Оддсона, — не умолкала девушка, — так что же мне после этого — не есть исландской баранины, или там, сушёной трески? Так ведь и с голодухи недолго помереть из-за каких-то политических убеждений!

Тут Педеру пришла на ум прочитанная в датских газетах статья о том, как при начале войны в Ираке жители многих стран отказывались покупать американские продукты, и прежде чем представители концернов не сообразили ставить на коробках и банках клеймо «Сделано в Мексике» или «в Бразилии» вместо одиозного «Made in USA», американская экономика ощутила на себе чувствительный удар. Нет, Сванхильд неправ: политика и еда могут быть связаны самым прямым образом!.. Да что там большая политика! Ещё в первые недели в тюрьме, когда Педер из-за своего душевного состояния не мог есть и отказывался от обедов, начальство посчитало это серьёзным нарушением дисциплины и проявлением бунтарских настроений. Они пропускали мимо ушей ядовитую ругань Педера в адрес банковской системы, — а его отказ от еды сильно насторожил их.

Но Сванхильд даже не обратила внимания на то, что он хочет вставить слово. Она продолжала:

— Какие-то у них странные представления о политике. Я думаю так: если у тебя есть какие-то убеждения, то иди в парламент и создавай свою партию. Или вон — в Латинской Америке люди на баррикады лезут... А Рунар со Стефаном всё говорят: «Мы хотим быть свободными!» — а сами просто от всего отказываются. Гамбургер у них съесть нельзя, потратить деньги на туфли

тоже нехорошо. Что же это за свобода такая, если всё самое интересное нельзя? Когда я, например, включала телевизор, чтобы посмотреть «Sex and the City», — у Рунара вообще случалась истерика. Он мне говорил: «Ты, мол, добровольно съедаешь приманку, позволяешь масскультуре разлагать твою душу!» Вот уж загнул! Я этот сериал смотрела два раза и, слава богу, пока жива! А что уж действительно разлагает душу — так это новости, которые он всё время слушал! От такого дикого количества убийств и терактов хоть у кого крыша поедет! Так какая же это свобода, если я не могу расслабиться у экрана?

— Свобода от телевизора, — быстро ответил Педер. — У меня вот телевизора нет, так что...

— Ну, всё равно: люди-то все разные. Что для одного свобода, то для другого — лишения. Не понимаю, как они могут считать себя такими всеми из себя борцами за свободу, если просто хотят заставить всех плясать под свою дудку? Вот у Стефана был американский один приятель, не помню, как звали, то ли Стиви, то ли Сэмми, — ну, это был тот ещё тип! Нигде не работал, жил в какой-то дыре, питался чуть ли не на помойке, я бы не удивилась, если б он оказался попрошайкой или вором. Я не спорю, пусть каждый живёт, как ему нравится; ну и жил бы один в своей грязи. Так нет, он и других пытался туда же затянуть! Каждый раз заводил одну и ту же песенку: работа, мол, это зло, вы, мол, сами даёте превратить себя в рабов, позволяете обществу отнимать у вас лучшие годы жизни. А что плохого в том, чтоб служить своему обществу? Быть самостоятельным и ни у кого не сидеть на шее?

— А как же я, Сванхильд? Ведь я тоже нигде не работаю. И за квартиру не плачу, сижу, как ты выражаешься, на шее у Стебби. Но ведь ты от меня не отшатнулась...

— Но ты же пытаешься найти работу?

(В последний раз Педер «пытался» для очистки совести заглянуть на биржу труда месяц назад. Эта бесполезная процедура утомила его).

— Сейчас речь не о тебе. Хотя ты ведь тоже ходишь на эту тусовку...

— Я туда не хожу, родная. Я там живу.

— Ну, тем более... А так я просто не представляю, как человек может добровольно хотеть так жить: без работы, без телевизора... без бога. Ведь Стефан, ты знаешь — атеист! В позапрошлом году добровольно выписался из государственной церкви и мне же потом хвастался этим. Хотя зачем хвастаться, по-моему, это просто дикость!

— А почему тебя это возмущает? Ты сама только что сказала: пусть каждый человек живёт, как хочет.

— Вот он сказал, что хочет спасти мир, помогать, там, обездоленным в слаборазвитых странах... А зачем для этого отказываться от нашей церкви? У них же отлаженная система, они каждый год собирают много пожертвований для бедных. Вон, в прошлое рождество, говорят, одна семья в Руанде на все эти пожертвования купила себе козу! И в другой деревне тоже — колодец поставили. Только я забыла, в какой стране это было. И даже если ты порвёшь с церковью и создашь новый фонд... Чем идти в какие-то новые организации, люди же всё равно будут обращаться к богу.

Сванхильд излагала свои мысли с таким пылом, что не заметила в собственных словах несуразицы: получалось, что Бог является председателем благотворительного фонда. А может, подумал Педер, в этой нелепице был свой смысл: у тех исландцев, которые, поджав губы, слушали мессы по праздникам, он не замечал в отношениях с богом того надрыва, который был у его покойного друга Нильса или — в былые времена — у него самого. Трепетно-серьёзное отношение к вере, столь обычное среди фарерцев, тоже редко встречалось у жителей Синего острова. Для них бог был почтенным многоопытным начальником на работе, который мог вызвать на ковер, а мог и похвалить. От начальника никто не ждёт подробных и оригинальных ответов на наболевшие экзистенциальные вопросы...

Сванхильд в вопросах веры мало отличалась от своих соотечественников. Она, как и многие другие, подтверждалась в четырнадцать лет (ответила на вопросы пастора, пропела псалом, получила подарки), — и с тех пор ходила в церковь только на свадьбы или похороны родни, то есть, тогда, когда не пойти было бы неприлично. На вопрос о вероисповедании у неё был наготове ответ: "Я верю в Иисуса Христа". Как бы в доказательство этого она держала у себя дома плакат, на котором Христос с лицом старого хиппи гладил по шее кудрявую овцу. Педер после двух с лишним лет жизни среди серых фарерских гор про себя называл эту кар-

111...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

тинку "Время забоя скота". Он меньше всего ожидал от этой черноволосой барышни, что она первая заведёт разговор о взаимоотношениях с богом. Может, стоит, наконец, подробно рассказать ей о том, что его волнует? Как-никак, они уже целых два месяца вместе, а до сих пор говорили только о быте или о курсовой про датские рождественские обычаи, которую девушка на днях благополучно сдала... А теперь ум Сванхильд не занят курсовой, он открыт для бесед на другие темы. Вдруг Педер поторопился и ошибочно посчитал её более приземлённой, чем она была на самом деле? Всё-таки Сванхильд была вхожа в дом Стебби, она общалась с Рунаром, — а Рунар не мог бы связать свою судьбу с несознательной мещанкой. В конце концов, бывают люди, которые притворяются более легкомысленными, чем они есть (как когда-то сам Педер притворялся более сильным и бодрым, чем он был), и прежде чем они раскроют перед тобой свои духовные богатства, могут пройти даже не месяцы, а годы... Педеру хотелось верить, что увлечение Сванхильд модами и шоппингом — это наносное, поверхностное, а на самом деле он просто пока ещё плохо знает эту женщину. Он собрался обсудить с ней то, что его волновало...

Но прежде чем он успел раскрыть рот, Сванхильд вскочила с дивана и схватила с полки пульт от телевизора: начинались шестичасовые новости. Она жадно ловила каждое слово диктора о боях в южных странах, о стройках в Рейкьявике, о продвижении исландских молочных продуктов на международном рынке... Педер взглянул на её лицо: да, именно такое выражение он видел у своих прихожан в торсхавнской церкви в далёкие годы, теперь казавшиеся ему беззакатными...

Надежда на содержательный разговор о духовных исканиях угасла.

Прозрачная майская ночь потонула в мягких занавесках и узорчатых простынях, а рано утром Сванхильд подвезла своего возлюбленного почти до дому и отправилась в университет. На этой неделе ей нужно было сдать последние экзамены, а в следующую субботу она ждала Педера на ужин.

Первая размолвка

Неделя пролетела быстро. Когда Педер вновь вошёл в квартиру в Коупавоге, ему показалось, что он покидал её от силы на пару часов. Тут всё было по-прежнему. Как и обычно, в белой гостиной шептал магнитофон. На столе поблёскивала узорчатыми краями ваза с печеньем, в чашках плескался кофе, которым хозяйка решила угостить Педера в ожидании ужина. На кухне жарился окорок. Сванхильд рассказывала о мелких неурядицах у себя на работе. Разговор то полз лениво, в такт дремным медленным мелодиям, то бойко скакал в лад с плясовыми: с работы он переключился на новости в газетах, на жильё, на общих знакомых... Когда на диске в магнитофоне Сванхильд отзвучала последняя, резкая и крикливая, песня, хозяйка поделилась с Педером мыслями об обитателях его рейкьявикского прибежища:

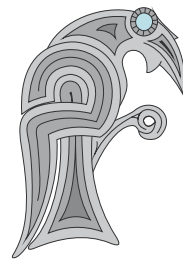
— Да-а, Рунар со Стебби — это те ещё фрукты! Я вот тебя чем больше узнаю, тем меньше понимаю, как ты вообще живёшь с такими анархистами! Ну, первое время мне и самой было у них прикольно, — но потом... Это просто ужас какой-то! Хотя, у них там ещё есть нормальные парни. Например, вот этот фаререц с бородкой, — Господи, всё время забываю, как его, Ангантюр, что ли?

— Арнльот, — поправил Педер. — Он сейчас опять в рейс ушёл... Ты не ошиблась, парень он действительно хороший, надёжный друг. Я с ним познакомился ещё когда жил на Фарерах.

— Слушай, а вот ты мне ни разу не рассказывал — на Фареры-то тебя как занесло? Ты же, вроде, сам из Копенгагена. У тебя там, наверно, родня?

— Нет, я сам решил переехать в Торсхавн. Совершенно самостоятельно.

— Но я не понимаю: почему ты именно на Фареры перебрался? Почему не в какую-нибудь другую страну — побольше там, поразвитее? Вот у нас Тотти — ну, Сиггин брат — переехал в США; ему там, конечно, не всё нравится, но зато там есть такие возможности, каких в Исландии просто не существует! А Торсхавн... Тебе же там, наверно, после твоего Копенгагена было тяжело: ни инфраструктуры нормальной, ни культурной жизни. Мне Эва Хрённ рассказывала — она туда недавно ездила в отпуск — что зимой в Торсхавне вообще делать нечего: всё закрыто, пойти некуда, в барах после полуночи пива — и то не купишь! А ты-то, наверно, привык жить в центре цивилизации, — стоило ли тебе прямо так вот бросать всё и ехать туда?

Педер решил, что должен рассказать правду женщине, с которой делит ложе. В конце концов, Сванхильд имеет право знать его прошлое. К тому же, не исключено, что она уже могла что-то слышать об истинных причинах, побудивших его бежать из роскошной датской столицы в Торсхавн, — тот самый Торсхавн, который в глазах исландцев был тем же, что и в глазах жителей родного Копенгагена: крошечным экзотическим городишком, пригодным разве что для коротких туристических поездок. Педер в последнее время много общался с Рунаром — бывшим возлюбленным Сванхильд, — не считая нужным ничего от него утаивать, и тот вполне мог поделиться с девушкой увлекательными историями о датском приятеле. А сама Сванхильд крайне редко интересовалась прошлым Педера (сегодня она, наверное, впервые задала о нём вопрос). Но и о своём прошлом она рассказывала неохотно и мало, в основном мелочи. Например, историю покупки дивана, на котором они сидели, Педер знал от его обладательницы во всех подробностях, а цельную картину такого сравнительно недавнего и серьёзного события, как разрыв Сванхильд с Рунаром, был вынужден выстраивать в уме самостоятельно на основе лишь отрывочных реплик...

— Ты, наверно, знаешь, что я туда уехал после Одиннадцатого сентября... — Педер обстоятельно начал свой ответ.

— И что? Ты боялся, что в Копенгагене тоже будут что-нибудь взрывать, и решил быстренько перебраться куда подальше? — девушка усмехнулась. — Вот уж действительно, как говорится, у страха глаза велики! Ну, в столице-то, я понимаю, бывают всякие беспорядки — вон, по телевизору постоянно показывают — хотя до терактов у них ещё, вроде, не дошло. Зато в любой датской деревне...

— Да не в этом дело. Мне хотелось вообще уехать из Дании.

— Вообще?

— Да. Но не столько из-за международных событий самих по себе: они у меня просто наложились на... ну, как тебе сказать... в общем-то, личную трагедию. Я, если честно, до сих пор не могу от неё оправиться.

Сванхильд кончиками пальцев подцепила крошащееся печенье из вазы, закинула ногу на ногу и приготовилась послушать что-нибудь грустное, скорее всего, о стародавней любовной драме.

— Знаешь, Сванхильд, родная, у меня в Копенгагене был друг. Единственный друг, который у меня вообще был в юности. Мы с ним дружили ещё с самого первого курса университета... Его звали Нильс Хеллероп...

— И он был с Фареров?

— Нет; семья жила в Венсюзеле, в сельской местности. Но когда Нильс поступил в университет, они почти перестали его поддерживать: там вся родня была очень верующая, — я бы даже сказал, обскуранты, — ну, я понимаю, в наше время в Дании это, по большому счёту, редкость, но вот они — были; и они считали, что университетские занятия отвлекают человека от духовного совершенствования. Ну, остальных-то я видел всего пару раз, мельком, а отец Нильса часто с ним общался. И он всегда говорил: чем, мол, образованнее человек, тем труднее узнать, каков он: спросишь, мол, у него что-нибудь про его внутренние убеждения, а он в ответ только перескажет тебе книжки, которые читал, да лекции, которые слушал, а про самого себя ничего не расскажет. А у простых людей, мол, не надо докапываться до души сквозь слой прочитанных книжек, с ними изначально всё ясно... Вот такой у Нильса отец...

— Да, это мудрый человек! — оживилась Сванхильд. — Действительно, какая польза знать, кто чему учился да кто что читал. Вон, когда мы с тобой общаемся, ты же меня не просишь пересказывать лекции из универа и списки литературы к экзаменам! И мне тоже интереснее твои поступки, а не то, какие ты книжки прочитал...

— Да, ты меня никогда не спрашиваешь, что я читаю, — согласился Педер. И тут ему стало пусто. Он перевёл взгляд на стену гостиной Сванхильд: там как раз мог бы встать книжный шкаф, или хотя бы разместиться большая картина со сложным осмысленным сюжетом — но на выскобленном белом пространстве ничего не было... Желание поделиться с возлюбленной воспоминаниями о чёрном кровоточащем годе сошло на нет в этой стерильной пустоте. Наверно, сейчас лучше всего завершить свой рассказ какой-нибудь ладной невесомой фразой и побыстрее

уйти домой, сославшись на срочные дела. Но Педер не мог уйти прочь. Ведь кроме Сванхильд у него не осталось в мире любимой женщины. Пусть она поверхностна, пусть у них разные убеждения — всё-таки такой союз лучше, чем одиночество, так пугающее Педера... К тому же, дома в каморке его ждала лишь пара позеленевших картофелин в пакете — а здесь в духовке успевало жаркое.

Они немного помолчали, а потом девушка торопливо спросила:

— Да, а что у вас, ты сказал, произошло с этим отцом?

Теперь у рассказчика не осталось иного выбора, кроме продолжения своей исповеди.

— Да ничего, Сванхильд... С отцом-то как раз всё в порядке, он, наверно, и сейчас живёт в своей деревне. А моего Нильса я потерял — в августе того самого года...

— Ну, что с ним случилось-то?

— Он погиб. И я считаю, в общем-то, из-за меня. Я попросил его купить для нас еды, потому что собрался к нему на обед; а когда он шёл в магазин через дорогу, его сбила машина.

— Ой, Господи! — выдохнула Сванхильд, и её лицо быстро приняло то выражение, с которым полагается присутствовать на похоронах. — Вот у нашей Фриды племянница тоже также погибла, — прибавила она уже будничным тоном. — В деревне выбежала играть на шоссе, а из-за горы как раз выехал джип на полной скорости, и водитель её не заметил. Фрида с мужем на этого хрена потом в суд подали! Эти горные дороги такие опасные: иногда просто не видишь, что там за пригорком или за поворотом. Овцы вот у неё тоже постоянно под колёса попадали... Конечно, всегда неприятно, когда происходят такие вот, такие... в общем, такая жуть... А у тебя кроме этого... Хуннеропа никого, что ли, в Дании не было? Родственников там, родителей?

Тускловатый голосок девушки охолонул Педера. Лучше бы он вовсе не стал сегодня раскрывать перед черноволосой возлюбленной сокровищницу своего прошлого — ведь теперь по ней загуляла мокрая тряпка безразличия! Все его воспоминания для этой слушательницы — не драгоценные печальные самоцветы, а простые стекляшки, которые можно выкинуть в мусор... И как он раньше мог надеяться, что эта женщина окажется более чуткой, более мудрой! Но уже невозможно было оборвать пропавший разговор.

— У меня мать на Фюне, — выдавил из себя ограбленный Педер.

— Ах, Пьетюр! Я не понимаю, как можно просто так взять и уехать от своей матери!

— У неё совершенно другие интересы, мы в последние годы редко общались. Фактически, Нильс Хеллероп (Хеллероп, милая Сванхильд, а не Хуннероп!) был единственным моим близким человеком, понимаешь? Когда у тебя в каком-то месте не остаётся близких людей, тебя ведь там уже ничто не будет удерживать, так ведь?

— Близкие — не близкие... Я понимаю, там, если родня... А друзей ведь ты себе нашёл новых, правда? И сразу нескольких! Был один друг — а стало целых трое, или там сколько их у тебя теперь. Значит, теперь тебе жить стало веселее, правда?

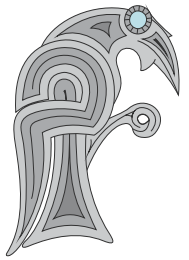
Педер ответил ей тяжёлым молчанием.

— Так что вот, и не стоит тосковать о прошлом! — резюмировала Сванхильд. — Никто не спорит, у всех бывают трагедии там, потери... Вот как у нашей Фриды... И если бы все из-за этого бежали сломя голову в чужие края... — она поленилась заканчивать эту фразу. — Это же полная глупость, что ты из своей страны уехал!

— А не кажется ли тебе, дорогая, — произнёс Педер железным голосом, — что ты противоречишь самой себе? Сперва ты заявила, что сейчас — то есть, вот здесь, в Рейкьявике — мне жить «веселее». А в то же время осуждаешь меня за то, что я бросил родину...

— Но так ведь бросил же! — девушка надула губы. — Ты бы хоть разузнал, что ли, как там твои родные на этом Фюне...

— В конце концов, если б я пересилил горечь потери и остался сидеть в Дании, я бы никогда не встретил тебя! — упрекнул Педер. — И мы бы с тобой сейчас не сидели в твоей замечательной квартире и не пили бы кофе. И с курсовой работой по фольклористике тебе бы тоже никто не помог...

— Ну подумаешь, с курсовой! — отмахнулась Сванхильд; суровый тон кавалера задел её. — Сданная курсовая — это дело прошлое... А-а, я всё поняла, — она начала обижаться. — Ты как Рунар! Тоже живёшь не как все, каким-то левым образом, а когда я тебе указываю на твои ошибки, считаешь, что я неблагодарная, а что ты вообще меня осчастливил.

— Я этого не говорил.

— На самом деле это я тебя осчастливила. Ну признайся, ты там, у Стебби, хоть питаешься как следует? Или, может, тебе нравится, что у него эти жильцы-гастарбайтеры всё утро спуют по коридору?

— Сванхильд! Чего ты, в конце концов, от меня хочешь?!

— Хочу видеть рядом с собой нормального мужчину, который не грузит всех вокруг своими горестями, а уверенно идёт вперёд по жизни. Постарайся хоть чуть-чуть измениться и взглянуть на вещи попроще...

Вот сейчас для оскорблённого настал подходящий момент, чтобы встать и уйти, хлопнув дверью. Пусть баранья нога, аромат которой настойчиво доносится из кухни, спокойно лежит в своей духовке — ни к чему мечтать о еде; он уже по горло наелся глупыми упрёками. Его маленькие грустные святыни поруганы, он ошельмован... Но Педер боялся, что, покинув эту квартиру, он уже никогда не войдёт в неё вновь — и ему останется только согнуться с концами в ночном одиночестве, пасть жертвой чёрного паука (а тот всегда приходит, когда человек одинок и беззащитен!) — и даже лучшие друзья не даруют ему спасение! И он остался.

Его губы проговорили:

— Ты же сама знаешь, я не могу измениться.

— Ну вот, и я тоже не могу. — Сванхильд не на шутку разобиделась. — И у меня на это причин гораздо больше, чем у тебя, который, я так понимаю, уже один раз изменил свою жизнь. Так что кому-то придётся выбирать...

— А почему нельзя оставить всё как есть?

— А может, ты вообще хочешь, чтобы я ушла?

Такой поворот оказался для Педера полной неожиданностью. Он онемел. А девушка подняла своё пышное тело с дивана и решительно вышла в прихожую; брякнул ключ, скрипнула дверь — и вот уже по лестнице за стеной затопали громкие острые шаги...

Тоскливый запах подгорающего мяса уныло плыл по коридору.

Оставленный в затихшей квартире Педер растерялся. Откуда-то в душу заползло жгучее чувство вины. Наверно, он и впрямь не умеет общаться с современными женщинами, требует от них невыполнимого... Солнечная Байнта неожиданно бросила его, оставив на руинах гнева и печали. Теперь и прозаичная сытая Сванхильд покинула его в этой ярко освещённой пустоте, за вечер пропитавшейся солёным унижением и кислой обидой. Надо срочно что-то предпринять — пока эта пустота не превратилась в чёрную пропасть!

Педер заставил себя пройти на кухню и выключить духовку. Интерес к еде за стеклянной дверцей у него уже пропал.

Он сдёрнул с вешалки свою куртку, попутно уронил на пол несколько шарфов, аккуратно сложил их на полке — и шагнул за дверь.

Девушку он нашёл на детских качелях в пахнущем прелью и мокрыми опилками дворе. После короткого, но тяжёлого разговора он уже вёл Сванхильд в единственный на всю округу бар, чтобы стаканом пива скрепить примирение...

А потом — спальня с узорчатыми простынями, и массивная рука темноволосой женщины покоится на его груди.

Педер ворочался: не давало уснуть ощущение, что на душе колетая и царапаемая грубая полоска клея в плохо замазанной трещине.

Стихотворение Педера

Утром Педер побрёл из Коупавога в Рейкьявик пешком под морозящим дождём, держа курс на проступающие из тумана колокольни и башни центра столицы. Он шёл велосипедными дорожками, замусоренными обочинами, мимо садов, строек, стеклянных офисных зданий. Путь занял у него полтора часа, он промочил ноги и по приходу домой лёг в постель, укрывшись засаленным одеялом. В доме ещё никто не проснулся, он был совсем один, и даже Диса к нему не приходила.

Его разбудили голоса возвращавшихся с работы жильцов. Проснувшись, он припомнил, что во сне сочинял стихотворение. Сейчас он записал его:

Поймите, фру, мне скучно с вами спать.

И ваша простынь — зябкая пустыня.

И разговор в седой гостиной стынет,

и плачет ветер за окном опять.

Мне очень скучно с вами спать —

и всё же

ещё скучнее спать мне одному

в каморке, что похожа на тюрьму,

в промозглых сумерках — на узком ложе,

где даже кошка не придёт в рассветный час...

Фру, нынче ночью мне придётся выбрать вас!

Примирение не приносило радости.

Продолжение следует...

... 116

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№20
2018

Ольга Маркелова

СИЯНИЕ

*(Allsherjarbæp * Молитва всем богам)*

*Но сиянье обрушится вниз,
станет самым тобой.*

Егор Летов

Вспомни сияние, вспомни сияние,
зимнюю проседь над берегом Дании.
Синюю гору в вуали из света.
Бронзу над избами...

Вспомни всё это —
омытую
лучами
планету.
*

А где сияние —
там нет сомнения:
не стать исканию
добычей тления.

И душу вервием
не стянет мания;
в ней место первое
займёт сияние.

На небо тянется
живая гать...
И нам останется
лишь —
ПРОСИТЬ!

18 апреля 2017, полночь, Москва

У Вечного огня в МГУ

(Во славу Фрейра)

Со мною поздоровался огонь
и протянул мне золотую руку.
Вокруг бордюры, этажи и ветви,
полудня белый целлофан.
И треугольные столбы уходят в небо;
пусть защищают — иногда — от ветра,
но ограничивают волю и полёт.
На них теперь мундир казённой краски
(хотя их раньше покрывали письма).
Всё изменилось!
А огонь не изменился.
Бегут из зева чёрного горелки
под ветром золотые завитки
как мудрые слова из древних юных уст.
Он скажет многое, он выслушает всё,
неутомимый рыжекудрый собеседник.
Он всё поможет мне расставить по местам.
И пусть столбы — над ними синий воздух.
Пока он есть — звучат слова огня!

20 апреля 2017, Первый день Лета, МГУ

Навечно романом Гирдира Элиассона «Svefnhjólíð»

Сумеречный велосипед
наматывает в тишине на втулки колёс
сновидения призраков.

Подъехал к дощатому дому,
устроился на ночлег
в давно покинутой спальне, -

а белой ночью
смеющаяся
увлекла тебя в поездку
в подземную деревню,
где волчье солнце,
бабье лето
и полная чаша сливок
от подводной коровы.

10 июня 2017, Ульвсстадир, вечер

117...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

ВИНЬЕТКА
Посвящение исландским овцам

В доме ветров
над облаками
нет пастухов:
стада ходят сами.
За облаками
машут руками
хозяйки надзвёздные:
встанут в ряд,
встречают небесных ягнят.

30 июля 2017, Heimaey, Herjólfssdalur

* * *

Ну конечно, я не вижу троллей:
ведь я хожу в очках.
Ну конечно, я не слышу подземную музыку
и надзвёздный рокот:
у меня слуховой аппарат.

Технические устройства
всегда пропускают волшебный многомерный
мир
сквозь фильтры рациональности.

9 октября 2017, 5.33 утра, Москва

БРАК СКАДИ И НЬЁРДА
(в манере Серебряного века)

1. Тают вдали очертания гор,
и горизонт словно хорда...
Так уплывала на синий простор
Скади, влюблённая в Ньёрда.
2. Грозно ревет под ветрами вода,
волны — свирепая морда...
Зря ли — не зря ль уезжала сюда
Скади, влюблённая в Ньёрда?
3. ...Тихая родина, купы цветов,
нега лесного аккорда...
Ищет в бору — рокотанья валов
Скади, влюблённая в Ньёрда!

22 декабря 2017, Москва

... 118

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№20
2018

Мария Шпакова

Avelinn

Эйнхерии войдут в ворота...
 И черным крепом их закроет.
 И нет ни времени, ни счетов, —
 Есть только память о героях.
 А те герои, что остались, —
 Ну, что ж — они поднимут кубки.
 Щиты, сердца ли разбивались, —
 Кому нужда считать зарубки?
 Потери сложатся с потерей,
 И все — на благо, для баланса...
 Но жаль неотпертые двери,
 И неотпущенного танца.
 И боль — она войдет и выйдет,
 И друг ушедший — возвратится...
 Но солнце движется в зените,
 Как отлетающая птица,
 Когда тоскующее сердце
 Не в состояньи разобраться:
 Какая — правильная дверца?
 Чему уйти, чему остаться...
 Когда оборванное слово
 И неразжатые объятия
 Надежней крепкого засова,
 Вернее древнего заклатья...

Alina Sigrid

Ultima Thule

Пугаем ундин и дрейфуем на льдине,
 А море холодными рунами стынет,
 Где ты, моя Ультима Туле, едина
 Во многих мирах, явных наполовину?

Я путник, кто знает о том, что ты есть.
 Я карту нашёл, смог знаменья счесть,
 Я знаки чертил на промерзшей земле,
 Я правил рулём на твоём корабле.

Земля, вожденная теми, кто смел
 Позариться на беспредельный предел!
 Я знаю, ты есть — нам по звездам идти
 К тебе. Пусть нам север поможет в пути.

119...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 20
2018

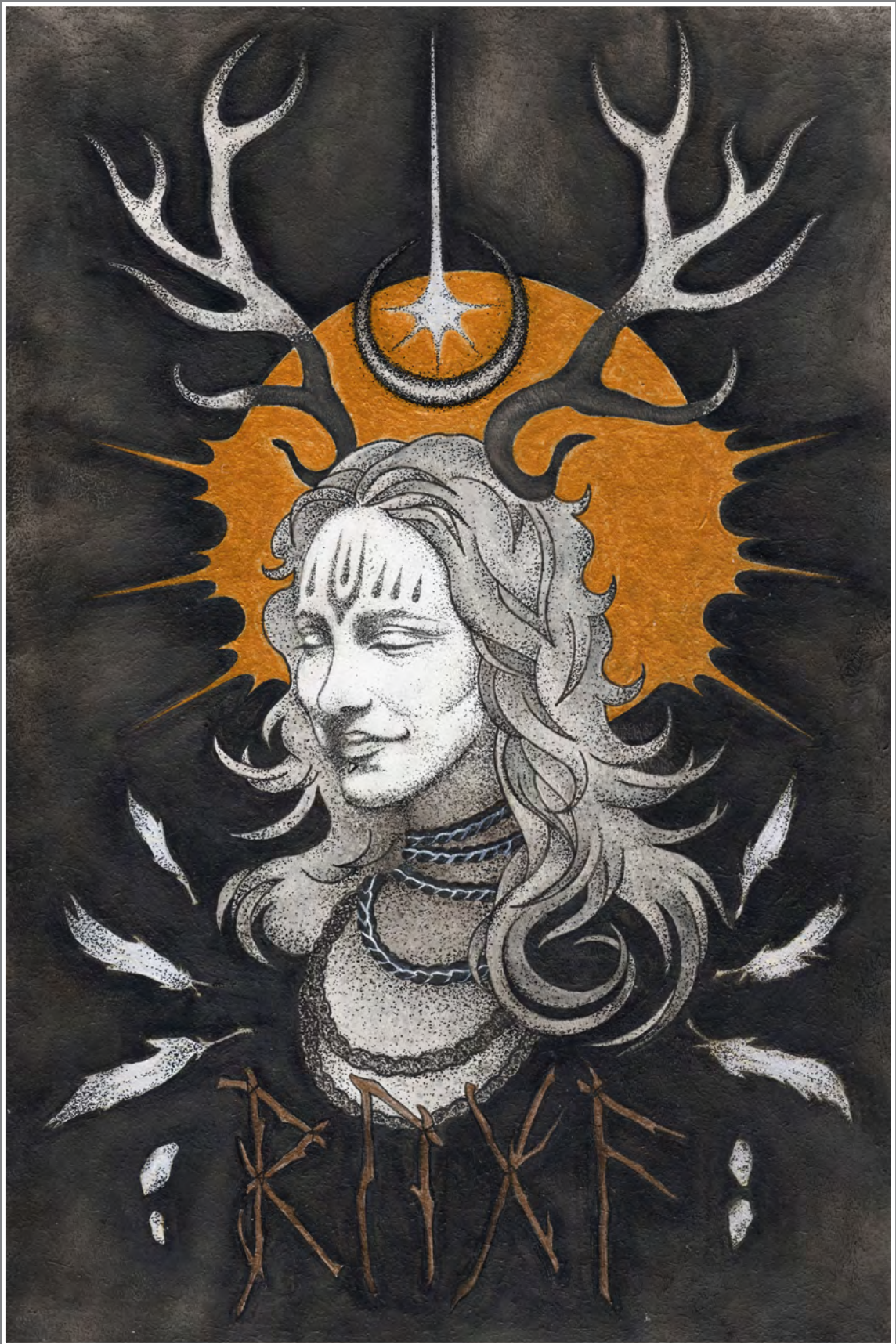
Вороны Оксаны Калининвой

Вороны **Оксаны Калининвой**

Автор Валерия Лучезарова

▲ Руга

Страничка художника:
<https://vk.com/morningstarr>

Сообщества:
<https://vk.com/public120152210>
<https://vk.com/blacknorse>